

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A 469497 DUPL

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

891.708

S3

v. 14.

Тип. Т-ва «Народная Польза», Коломенская ул., соб. д., 39.

**Distributed By:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450**

1123353-192

М. ГОРЬКИЙ.

ВРАГИ.

СЦЕНЫ.

М. Горькій. Враги.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гл. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, Ив. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:

*Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145,
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
I. Ladyschnikow“.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- X ВАРДИНЪ, Захарь. 45 лѣтъ.
X ПОЛИНА, его жена. Подъ 40 лѣтъ.
ВАРДИНЪ, Яковъ. 37 лѣтъ.
ТАТЬЯНА, его жена. 28 лѣтъ.
НА ДѢ, племянница Полины. 18 лѣтъ.
ПЕЧЕНЪГОВЪ, генералъ въ отставкѣ, дядя Вардиныхъ.
X СЕРОВОТОВЪ, Михаилъ. 40 лѣтъ.
X КЛЕОПАТРА, жена его. 30 лѣтъ.
СКРОВОТОВЪ, Николай, братъ его. 35 лѣтъ.
СНИЦОВЪ, конторщикъ.
ПОЛОГИЙ, тоже.
КОНЬ, отставной солдатъ.
ГРЕКОВЪ. —
ЛѢВШИНЪ. —
{ ИГОДИНЪ. — } Рабочіе.
{ РЯВЦОВЪ. — } 113
{ ЯКИМОВЪ. — }
АГРАФЕНА, экономка. —
БОБОВДОВЪ, ротмистръ. — 132
КВАЧЪ, вахмистръ. —
ПОРУЧИКЪ. —
СЛѢДОВАТЕЛЬ. — 5/176
ПИСЬМОВОДЪТЕЛЬ.
СТАНОВОЙ. 54
УРЯДНИКЪ. 55

Жандармы, солдаты, рабочіе, прислуга.

М. Горькій. Врати.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ. Большія, старыя липы. Въ глубинѣ, подь ними, бѣлая солдатская палатка. Направо, подь деревьями, широкій диванъ изъ дерна; передь нимъ столъ. Налѣво, въ тѣни липъ, длинный столъ, накрытый къ завтраку. Кипитъ небольшой самоваръ. Вокругъ стола плетеные стулья и кресла. А г р а ф е н а варитъ кофе. Подь деревомъ стоитъ К о н ь, куря трубку; передь нимъ П о л о г і й.

ПОЛОГІЙ

(говорить, нелѣпо жестикулируя).

... Конечно, ваша правда; я, такъ сказать, человекъ маленькій, жизнь у меня мелкая, но каждый огурецъ вращенъ мною собственноручно, и рвать его безъ возмездія мнѣ я не могу разрѣшить.

КОНЬ (угрюмо).

А твоего разрѣшенія никто и не спрашиваетъ. Рвутъ себѣ и рвутъ...

ПОЛОГІЙ

(прижимая руку къ сердцу).

Но позвольте! Если вашу собственность нарушаютъ,— имѣете вы право просить защиты закона?

КОНЬ.

Проси. Сегодня огурцы рвутъ, а завтра головы рвать будутъ другъ другу... Вотъ тебѣ и законъ!

ПОЛОГІЙ.

Однако... это странно и даже опасно слышать. Какъ же вы, солдатъ и кавалеръ, можете пренебрегать закономъ?

КОНЬ.

Закона — нѣтъ. Есть — команда. Налѣво кругомъ, маршь! И — ступай! Скажутъ — стой! Значить — стой.

АГРАФЕНА.

Вы бы, Конь, не курили здѣсь вашу махорку, отъ нея листь на деревьяхъ вянетъ...

ПОЛОГІЙ.

Если бы они съ голоду, — это я понимаю... Голодь можетъ объяснить многіе поступки; можно сказать, что всѣ подлости совершаются для утоленія голода. Когда хочется кушать, то, конечно...

КОНЬ.

Ангелы не ѣдятъ, а сатана противъ Бога пошелъ все-таки...

ПОЛОГІЙ (радостно).

Вотъ это я и называю озорствомъ!..

(Идетъ Яковъ Бардинъ. На лицѣ у него всегда виноватая улыбка. Движенія вялы и медленны. Въ глазахъ что-то больное, тусклое. Говорить негромко и какъ бы самъ прислушивается къ своимъ словамъ. Пологий кланяется ему)

ЯКОВЪ.

Здравствуйте, вы — что?

пологий.

Къ Захару Ивановичу съ покорной просьбой...

А ГРАФЕНА.

Жаловаться пришелъ. У него этой ночью фабричные ребята огурцы украли.

ЯКОВЪ.

А-а... Это нужно сказать брату...

пологий.

Совершенно вѣрно... я къ нимъ и направляюсь.

КОНЬ (ворчливо).

Никуда ты не направляешься, а стоишь на одномъ мѣстѣ и ноешь.

пологий.

Я вамъ, думается, не мѣшаю? Если бы вы газету читали или что другое, то, конечно, я бы вамъ мѣшалъ.

ЯКОВЪ.

Конь, подите сюда...

КОНЬ (идеть).

Крехоборъ ты, Пологий, кляузникъ!

ПОЛОГІЙ.

Вы совершенно напрасно произносите эти слова...
Языкъ данъ человѣку для вознесенія жалобъ...

А ГРАФЕНА.

Да перестаньте, Пологій... точно вы не человѣкъ, а
комарь...

Я К О В Ъ (К о н ю).

Чего онъ тутъ, а? Ушелъ бы...

ПОЛОГІЙ (А гра фе н ѣ).

Если слова мои беспокоятъ ваше ухо, но сердца
не трогаютъ, — я замолчу. (Идетъ прочь и, прохаживаясь по
дорожкѣ, шупаетъ рукой деревья)

Я К О В Ъ (смущенно).

Что, Конь, я, кажется, вчера опять... обидѣлъ
кого-то?

К О Н Ъ (усмѣхаясь).

Было. Это — было.

Я К О В Ъ (прохаживаясь).

Гм... удивительно! Почему я всегда дерзости говорю
пьяный... а, Конь?

К О Н Ъ.

Бываетъ такъ... Пьяные люди часто лучше трезвыхъ.
У насъ въ ротѣ унтеръ-офицеръ былъ, трезвый—под-

лиза, ябедникъ, дерется. А пьяный—плачетъ. Братцы, говорить, я тоже человекъ, плюньте, просить, мнѣ въ рожу. Нѣкоторые—плевали.

Я К О В Ъ.

А съ кѣмъ я вчера говорилъ?

К О Н Ъ.

Съ прокуроромъ. Сказали ему, что у него деревянный языкъ... Сначала вы Захара Ивановича сконфузили.

Я К О В Ъ (задумчиво).

Всегда его, сначала...

К О Н Ъ.

Потомъ о директоровой женѣ сказали прокурору, что у нея любовниковъ много.

Я К О В Ъ.

Ну, вотъ... а какое мнѣ дѣло до этого?

К О Н Ъ.

Не знаю. Еще вы...

Я К О В Ъ.

Хорошо, Конь, довольно.. а то окажется, что я всёмъ что-нибудь сказалъ неприятное... Да, вотъ какое несчастье водка... Я говорю о своей болѣзни, Аграфена

Ивановна!.. (Подошелъ къ столу и смотритъ на бутылки; наливаетъ большую рюмку; маленькими глотками высасываетъ ее. Аграфена, искоса глядя на него, вздыхаетъ) Вамъ немножко жалко меня, а?

А Г Р А Ф Е Н А .

Очень жалко... такой вы простой со всѣми—точно и не баринъ...

Я К О В Ъ .

А вотъ Конь никого не жалѣетъ, онъ только философствуетъ. Философствуютъ—обиженные. Чтобы солдатъ задумался, его надо сильно обидѣть, такъ, Конь? (Въ палаткѣ раздается крикъ генерала: Конь! Эй!) Васъ сильно намучили, оттого вы и умный?

К О Н Ъ (идеть).

Я какъ увижу генерала, то и самъ снова дуракомъ становлюсь...

Г Е Н Е Р А Л Ъ

(выходитъ изъ палатки).

Конь! Купаться, живо!

(Идутъ въ глубину сцены)

Я К О В Ъ

(сѣлъ, качается на стулѣ).

Моя супруга еще спитъ?

А Г Р А Ф Е Н А .

Уже встали. Купались.

Яковъ.

Такъ вамъ меня жалко?

Аграфена.

Вамъ бы полечиться.

Яковъ.

Ну, налейте мнѣ немножко коньяку. Тутъ есть коньякъ, я видѣлъ.

Аграфена.

Можетъ, не надо, Яковъ Ивановичъ?

Яковъ.

А почему? Если я не выпью однажды,—это ничему не поможетъ.

(Вздохнувъ, Аграфена нали-
ваетъ большую рюмку коньяку. Быстро
идетъ Михаилъ Скроботовъ,
возбужденный; нервно тербитъ острую
черную бородку. Шляпа въ рукѣ и
онъ мнетъ ее пальцами)

Михаиль.

Захаръ Ивановичъ всталъ? Нѣтъ еще? Разумѣется!
Дайте мнѣ... есть тутъ холодное молоко? Спасибо. Доб-
рое утро, Яковъ Ивановичъ!.. Вы знаете новость?—Эти
подлецы требуютъ, чтобы я прогналъ мастера Дичкова...
да! Грозятъ бросить работу... чертъ бы ихъ...

Яковъ.

А вы удалите мастера.

М И Х А И Л Ъ.

Это просто, да, но—не въ этомъ же дѣло! Дѣло въ томъ, что уступки ихъ развращаютъ. Сегодня они требуютъ прогнать мастера, завтра они захотятъ, чтобы я повѣсилъ для ихъ удовольствія...

Я К О В Ъ (мягко).

Вы думаете, они еще только завтра захотятъ этого?

М И Х А И Л Ъ.

Вамъ шутки! Нѣтъ, вы бы попробовали повозиться съ чумазыми джентельменами, когда ихъ около двухъ тысячъ человѣкъ, да имъ кружатъ головы—и вашъ братецъ разной либеральностью, и какіе-то идіоты прокламаціями... (Смотрить на часы) Скоро десять.. а въ обѣдъ они обѣщаютъ начать свои дурачества... Да-съ, Яковъ Ивановичъ, за время моего отпуска вашъ почтенный братецъ испортилъ мнѣ фабрику... онъ мнѣ развратилъ людей своими колебаніями, недостаткомъ твердости...

Я К О В Ъ.

Вы ему скажите это...

М И Х А И Л Ъ.

Говорилъ и скажу...

А Г Р А Ф Е Н А.

Полина Дмитріевна идутъ.

Яковъ.

Значить, сейчасъ всё явятся.

(Справа является Синцовъ. Ему лѣтъ тридцать. Смотритъ исподлобья, часто улыбается. Въ его фигурѣ и лицѣ есть что-то спокойное и значительное)

Синцовъ.

Михаилъ Васильевичъ! Въ конторѣ пришли депутаты отъ рабочихъ, требуютъ хозяина.

Михаилъ.

Требуютъ? О! Пошлите вы ихъ ко всѣмъ чертямъ! (Полина идетъ съ лѣвой стороны) Извиняюсь, Полина Дмитриевна!

Полина (любезно).

Вы всегда ругаетесь. Почему—сейчасъ?

Михаилъ.

Да вотъ, все этотъ пролетаріатъ!.. Онъ тамъ требуетъ!.. Раньше онъ у меня смиренно просиль!..

Полина.

Вы жестоки съ людьми, увѣряю васъ!

Михаилъ
(разводитъ руками).

Ну, вотъ!..

С И Н Ц О В Ъ .

Что же скааать депутатамъ?

М И Х А И Л Ъ .

Пусть подождутъ... Идите!

(Синцовъ не спѣша уходитъ).

П О Л И Н А .

Интересное лицо у этого служащаго. Давно онъ у насъ?

М И Х А И Л Ъ .

Около года, кажется...

П О Л И Н А .

Онъ дѣлаеть впечатлѣніе порядочнаго человѣка. Вы знаете, кто онъ?

М И Х А И Л Ъ

(пожимая плечами).

Конторщикъ. Недурной работникъ... Получаетъ со-рокъ пять рублей. (Смотритъ на часы; вздыхая оглядывается, видитъ подъ деревомъ Пологаго) Вы что? За мной?

П О Л О Г И Й .

Я, Михаилъ Васильевичъ, къ Захару Ивановичу ..

М И Х А И Л Ъ .

Зачѣмъ?

пологий.

По случаю нарушенія права собственности...

МИХАИЛЬ (Полинъ).

Вотъ, рекомендую, тоже одинъ изъ новыхъ служащихъ! Человѣкъ недюжинный и съ стремленіемъ къ огородничеству. Глубоко убѣжденъ, что все на землѣ создано затѣмъ, чтобы нарушать его интересы. Все ему мѣшаетъ: солнце, Англія, новыя машины, лягушки...

ПОЛОГИЙ (улыбаясь).

Лягушки, смѣю замѣтить, всѣмъ мѣшаютъ, когда онѣ кричатъ...

МИХАИЛЬ.

Идите-ка вы въ контору! Что это за привычка у васъ—бросить дѣло и ходить жаловаться? Мнѣ это не нравится... Идите!

(Пологий поклонясь идетъ. Полинъ съ улыбкой смотритъ на него въ лорнетъ)

ПОЛИНА.

Вотъ, какой вы строгій! А онъ—смѣшной. Вы знаете, въ Россіи люди разнообразѣе, чѣмъ за границей.

МИХАИЛЬ.

Безобразнѣе, скажите, и я соглашусь. Я команду народомъ пятнадцать лѣтъ... Я знаю, что это такое—добрый русскій народъ. У меня мозги вывернуты, и сердце

напоено желчью... Долго же не идетъ Захаръ Ивановичъ, ахъ!

ПОЛИНА (Аграфенъ).

Позови, Груша, барина. Вы знаете, чѣмъ онъ занятъ? Доигрываетъ вчерашнюю партію въ шахматы съ вашимъ братомъ.

МИХАИЛЬ.

Такъ! А тамъ послѣ обѣда хотять работу бросать... Нѣтъ, знаете, изъ Россіи толку не выйдетъ никогда! Ужъ это вѣрно. Страна анархизма! Органическое отвращеніе къ работѣ и полная неспособность къ порядку... Уваженіе къ законности отсутствуетъ...

ПОЛИНА.

Но это естественно!—Какъ возможна законность въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ? Вѣдь, между нами говоря, наше правительство...

МИХАИЛЬ.

Ну, да! Я не оправдываю никого! И правительство анархистично. Вы возьмите Англо-сакса, онъ передъ закономъ—мертвъ. (Идутъ Захаръ Бардинъ и Николай Скроботовъ) Нѣтъ лучшаго матеріала для строенія государства. Англичанинъ передъ закономъ ходитъ, какъ дрессированная лошадь въ циркѣ, на заднихъ ногахъ. Чувство законности у него въ костяхъ, въ мускулахъ... Вотъ идутъ... Дорогой Захаръ Ивановичъ, здравствуйте! Здравствуй, Николай! Позвольте вамъ сообщить о новомъ результатѣ вашей политики съ рабочими: они требуютъ, чтобы я немедля прогналъ Дичкова, въ про-

тивномъ случаѣ, послѣ обѣда бросаютъ работу... да-съ!
Какъ вы на это смотрите?

З А Х А Р Ъ

(потирая лобъ).

Я? Гм... Дичковъ? Это... который дерется? И насчетъ дѣвиць что-то такое?.. да, да... знаю! Прогнать Дичкова, разумѣется! Это—справедливо.

М И Х А И Л Ъ (волнуется).

Ф-фу! Уважаемый патронъ и компаньонъ, давайте говорить серьезно. Рѣчь идетъ о дѣлѣ, а не о справедливости; справедливость, это вотъ задача Николая. И я извиняюсь, но я еще разъ скажу, что справедливость, какъ вы ее понимаете, пагубна для дѣла.

З А Х А Р Ъ.

Позвольте, дорогой! Вы говорите парадоксы!

М И Х А И Л Ъ.

Нѣтъ! Это справедливость—парадоксъ въ промышленности!

Н И К О Л А Й.

Какъ ты кричишь...

П О Л И Н А.

Дѣловые разговоры при мнѣ... Развѣ это любезно?..

МИХАИЛЬ.

Тысяча извиненій, но я буду продолжать... Я считаю это объясненіе рѣшительнымъ. До моего отъѣзда въ отпускъ, я держалъ заводъ вотъ такъ (показываетъ сжатый кулакъ) и у меня никто не смѣлъ пищать! Всѣ эти воскресныя школы, чтенія и прочія штуки, я, какъ вамъ извѣстно, не считалъ полезными въ нашихъ условіяхъ... Сырой русскій мозгъ не вспыхиваетъ свѣтомъ разума, когда въ него попадаетъ искра знанія,—онъ тлѣетъ и чадить... Простите, я отвлекаюсь...

НИКОЛАЙ.

Говорить надо всегда спокойно.

МИХАИЛЬ

(едва сдерживаясь).

Благодарю за совѣтъ. Онъ очень мудръ, но—мнѣ не годится! Ваше отношеніе къ рабочимъ, Захаръ Ивановичъ, въ полгода развинтило и распатало весь крѣпкій аппаратъ, созданный моимъ восьмилѣтнимъ трудомъ. Меня уважали, меня считали хозяиномъ... Теперь во мнѣ ясно, что въ дѣлѣ два хозяина, добрый и злой. Добрый, конечно, вы...

ЗАХАРЪ (смущенно).

Позвольте... Зачѣмъ же такъ?

ПОЛИНА.

Михаилъ Васильевичъ, вы говорите очень странно!

М И Х А И Л Ъ.

Я имѣю причину говорить такъ... я поставленъ въ глупѣйшее положеніе! Прошлый разъ я заявилъ рабочимъ, что скорѣе закрою фабрику, чѣмъ выгоню Дичкова... Они поняли, что я сдѣлаю такъ, какъ говорю, и—успокоились. Въ пятницу вы, Захаръ Ивановичъ, сказали въ чайной рабочему Грекову, что Дичковъ—грубый человѣкъ и вы его собираетесь прогнать...

З А Х А Р Ъ (мягко).

Но, дорогой мой, если онъ бьетъ людей по зубамъ... и прочее? Согласитесь, этого нельзя терпѣть! Мы же европейцы, мы культурные люди!

М И Х А И Л Ъ.

Прежде всего мы—фабриканты! Рабочіе каждый праздникъ бьютъ другъ друга по зубамъ, какое намъ до этого дѣло!.. Но вопросъ о необходимости учить рабочихъ хорошимъ манерамъ вамъ придется рѣшать послѣ, а сейчасъ васъ ждетъ въ конторѣ депутация, она будетъ требовать, чтобы вы прогнали Дичкова. Что вы думаете дѣлать?

З А Х А Р Ъ.

Но развѣ Дичковъ такой цѣнный человѣкъ, а? Миѣ не кажется, знаете...

Н И К О Л А Й (сухо).

Насколько я понимаю, здѣсь дѣло идетъ не о человѣкѣ, а о принципѣ.

МИХАИЛЬ.

Именно! Стоитъ вопросъ: кто хозяинъ на фабрикѣ — мы съ вами или рабочіе?

ЗАХАРЪ (растерянно).

Ага... я понимаю!

МИХАИЛЬ.

Если мы уступимъ имъ, — я не знаю, куда они пойдутъ дальше. Это нахалы. Воскресныя школы и прочій европеизмъ сыграли свою роль за полгода: они смотрятъ на меня волками, и есть уже прокламаціи... слышенъ запахъ социализма... да!

ЗАХАРЪ.

Да, да, представьте!

ПОЛИНА.

Такая глушь, и вдругъ — социализмъ... это смѣшно, право!

МИХАИЛЬ.

Смѣшно? Вы думаете? Уважаемая Полина Дмитриевна, когда дѣти малы, они всѣ миленькія, всѣ забавныя; но постепенно они растутъ, и однажды мы встрѣчаемся съ большими мерзавцами...

ЗАХАРЪ.

Что же вы хотите дѣлать, а?

МИХАИЛЬ.

Закреть заводъ. Пусть немножко поголодаютъ, это ихъ охладить. (Яковъ встаетъ, подходитъ къ столу и выпиваетъ; потомъ медленно уходитъ нальво) Когда мы закроемъ заводъ, въ дѣло вступятъ женщины... Онѣ будутъ плакать, а слезы женщинъ дѣйствуютъ на людей, опьяненныхъ мечтами, какъ нашатырный спиртъ,—онѣ отрезвляютъ!

ПОЛИНА.

Вы ужасно жестко говорите!

МИХАИЛЬ

Да, жестко. Такъ требуетъ жизнь.

ЗАХАРЬ.

Но, знаете, эта мѣра... вызвана ли она необходимостью? Мнѣ кажется, это слишкомъ...

МИХАИЛЬ.

Вы можете предложить что-нибудь другое?

ЗАХАРЬ.

Если я пойду поговорю съ ними, а?

МИХАИЛЬ.

Вы, конечно, уступите имъ и тогда мое положеніе станетъ невозможнымъ... я принужденъ буду оставить заводъ!.. Вы извините меня, но ваши колебанія мнѣ обидны, да!

ЗАХАРЪ (поспѣшно).

Но, дорогой, вѣдь я не возражаю, я только думаю. Вы знаете, я больше помѣщикъ, чѣмъ промышленникъ... Все это для меня ново, сложно... Хочется быть справедливымъ... Крестьяне мягче, добродушнѣе рабочихъ... съ ними я живу прекрасно!.. Какъ я вижу, среди рабочихъ есть очень любопытныя фигуры, но въ массѣ, я соглашаюсь, они очень распущены...

МИХАИЛЬ.

Особенно съ той поры, какъ вы надавали имъ обѣщаній...

ЗАХАРЪ.

Но, видите ли, послѣ вашего отъѣзда сразу началось какое-то оживленіе... т. е. возбужденіе... Я, можетъ быть, велъ себя неосторожно... однако, нужно было успокоить ихъ. Писали въ газетахъ о насъ... И очень рѣзко, знаете...

МИХАИЛЬ (нетерпѣливо).

Сейчасъ семнадцать минутъ одиннадцатаго. Вопросъ необходимо рѣшить; онъ стоитъ такъ: или я закрываю заводъ, или ухожу. Закрывъ заводъ, мы не терпимъ убытка: я принялъ мѣры. Спѣшные заказы готовы, и въ складахъ кое-что есть...

ЗАХАРЪ.

Н-да-а! Необходимо рѣшить сейчасъ... я понимаю! Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ?

НИКОЛАЙ.

Я могу разсуждать только теоретически... Думаю, что братъ правъ. Необходимо твердо держаться принци-

повъ, если намъ дорога культура. Заводъ—маленькое государство...

М И Х А И Л Ъ
(махнувъ рукой).

Ты зайдешь въ лужу съ этой аналогіей...

Н И К О Л А Й.

Не безпокойся. Во всякомъ государствѣ необходима твердая власть, которая окружаетъ разнообразіе интеллектовъ населенія желѣзными обручами законовъ...

М И Х А И Л Ъ.

Это изъ учебника?

Н И К О Л А Й.

Ты страшно нервозенъ... И власть только тогда есть твердая власть, когда она строго держитъ подчиненныхъ ей въ рамкахъ разъ навсегда выработанныхъ ею нормъ...

З А Х А Р Ъ.

Т. е. вы тоже думаете—закрыть? Какъ это досадно!.. Дорогой Михаилъ Васильевичъ, не обижайтесь на меня... я отвѣчу минутъ... черезъ десять!.. Хорошо?

М И Х А И Л Ъ.

Пожалуйста!

З А Х А Р Ъ
(спѣшно идетъ налѣво).

Полина, я тебя попрошу, иди со мной...

ПОЛИНА

(идя за мужемъ).

Ахъ, Боже мой!.. какъ это все тяжело!..

МИХАИЛЬ

(сквозь зубы и грозя кулакомъ).

Каша! Кисель!

НИКОЛАЙ.

Спокойнѣе, Михаилъ! Зачѣмъ такъ распускаться?

МИХАИЛЬ.

У меня нервы болятъ, пойми! Я иду на фабрику и— вотъ! (Вынимаетъ изъ кармана револьверъ) Я не слѣпъ и не дуракъ... Меня ненавидятъ, благодаря этому болвану! И я не могу бросить дѣло; ты первый осудилъ бы меня за это. Въ немъ весь нашъ капиталъ... Уйди я,—этотъ лысый идіотъ все погубить.

НИКОЛАЙ (спокойно).

Гм... Это скверно, если ты не преувеличиваешь.

СИНЦОВЪ (идетъ).

Васъ просятъ рабочіе...

МИХАИЛЬ.

Меня? Что такое?

СИНЦОВЪ.

Распространился слухъ, что съ обѣда заводъ закроютъ.

МИХАИЛЬ (брату).

Каково! Откуда они знаютъ?

НИКОЛАЙ.

Вѣроятно, это Яковъ Ивановичъ сказалъ.

МИХАИЛЬ.

А... чортъ! (Смотрить на Синцова и съ раздраженіемъ, котораго не можетъ сдержать) Почему именно вы такъ беспокоитесь, г. Синцовъ? Приходите, спрашиваете... а?

СИНЦОВЪ.

Меня просиль сходить за вами бухгалтеръ.

МИХАИЛЬ.

Да? Что это за привычка у васъ смотрѣть исподлобья и демонски кривить губы? Чему вы рады, смѣю спросить?..

СИНЦОВЪ

Я думаю, это мое дѣло.

МИХАИЛЬ.

А я думаю иначе... и предлагаю вамъ вести себя со мной болѣе прилично... да!

СИНЦОВЪ.

Могу уйти?

МИХАИЛЬ.

Пожалуйста!

ТАТЬЯНА

(выходить съ правой стороны).

А, директоръ... торопитесь? (Кричитъ Сяицовой) Матвѣй Николаевичъ, здравствуйте!

СИИЦОВЪ (ласково).

Добрый день! Какъ чувствуете себя? Не устали, нѣтъ?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, спасибо. Руки болятъ отъ веселья... Идете на службу? Я васъ провожу до калитки. Знаете, что я вамъ хочу сказать?

СИИЦОВЪ.

Нѣтъ, разумѣется.

ТАТЬЯНА

(идеть рядомъ съ Сяицовымъ).

Во всемъ, что вы вчера говорили, много ума, но еще больше—чего-то враждебнаго, преднамѣреннаго... Есть рѣчи, которыя болѣе убѣдительны тогда, когда въ нихъ мало чувства...

(Не слышно, что говорятъ)

МИХАИЛЬ.

Извольте видѣть, какая ситуація! Служащій вашъ, котораго вы оборвали за дераость, фамильярничааетъ на вашихъ глазахъ съ женой брата вашего компаньона... Братъ—пьяница, жена—актриса... И на кой чертъ они сюда пріѣхали? Неизвѣстно!..

НИКОЛАЙ.

Странная женщина. Красива, умѣть одѣваться, такъ соблазнительна и, кажется, устраиваетъ романъ съ нищимъ. Экцентрично, но глупо.

МИХАИЛЬ (съ кроніей).

Это демократизмъ. Она, видишь ли, дочь прачки и говоритъ, что ее всегда тянетъ къ простымъ людямъ...

НИКОЛАЙ.

Я думаю, она очень доступна... И, кажется, чувственная...

МИХАИЛЬ.

Ты не зѣвай... Этотъ либераль—спать легъ тамъ, что-ли?.. Нѣтъ, Россія не жизнеспособна, говорю я!.. Люди сбиты съ толку, никто не въ состояніи точно опредѣлить свое мѣсто, всѣ бродятъ, мечтаютъ, говорятъ... Все разваливается, идетъ криво и косо, талантовъ мало, а тѣ, которые есть, анархисты. Правительство—кучка какихъ-то обалдѣвшихъ людей... злые, глупые, они ничего не понимаютъ, ничего не умѣютъ дѣлать... и вмѣсто русской исторіи, совершается безконечный русскій скандалъ... Главное, никто не находитъ удовольствія въ работѣ...

НИКОЛАЙ.

Удивительныя нелѣпости ты говоришь.

МИХАИЛЬ.

Почему?

ТАТЬЯНА (возвращается).

Кричите?.. Всѣ почему-то начинаютъ кричать...

АГРАФЕНА.

Михаилъ Васильевичъ, васъ просятъ Захаръ Ивановичъ...

МИХАИЛЬ

(идеть, не дослушавъ).

Ну, наконецъ!

ТАТЬЯНА

(садятся къ столу).

Почему онъ такой возбужденный?

НИКОЛАЙ.

Полагаю, вамъ это не интересно.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Пожалуй. Онъ мнѣ напоминаетъ одного полицейскаго. У насъ, въ Костромѣ, часто дежурилъ на сценѣ полицейскій... такой длинный, съ вытаращенными глазами.

НИКОЛАЙ.

Не вижу сходства съ братомъ.

ТАТЬЯНА.

Я говорю не о внѣшнемъ сходствѣ... Онъ, полицейскій, тоже всегда торопился куда-то; онъ не ходилъ,

а бѣгалъ, не курилъ, а какъ-то задышался дымомъ; казалось, онъ не живетъ, а прыгаетъ, кувыркается, стараясь поскорѣе достичь чего-то... а чего—онъ не зналъ.

НИКОЛАЙ.

Вы думаете?

ТАТЬЯНА.

Я увѣрена. Когда у человѣка есть ясная цѣль, онъ идетъ спокойно. А этотъ торопился. И торопливость была особенная: она хлестала его изнутри, и онъ бѣжалъ, бѣжалъ, мѣшая себѣ и другимъ. Онъ не былъ жаденъ, узко жаденъ... онъ только жадно хотѣлъ скорѣе сдѣлать все, что нужно, оттолкнуть отъ себя всѣ обязанности, и обязанность брать взятки, въ томъ числѣ. Взятки онъ не бралъ, а хваталъ: схватить, заторопится и забудетъ сказать спасибо... Наконецъ, онъ подвернулся подъ лошадей, и онѣ его убили...

НИКОЛАЙ.

Вы хотѣли сказать, что энергія брата безцѣльна?

ТАТЬЯНА.

Да? Такъ вышло! Я не хотѣла этого сказать.. Просто, онъ похожъ на того полицейскаго...

НИКОЛАЙ.

Лестнаго тутъ мало для брата.

ТАТЬЯНА.

Я не собиралась говорить о немъ лестно...

НИКОЛАЙ.

Вы оригинально кокетничаете.

ТАТЬЯНА.

Да?

НИКОЛАЙ.

Но—не весело.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Развѣ есть женщины, которымъ съ вами весело?

НИКОЛАЙ.

Ого!

ПОЛИНА (идеть).

Сегодня у насъ все какъ-то не клеится. Никто не завтракаетъ, всѣ раздражены... Точно не выспались. Надя рано утромъ ушла съ Клеопатрой Петровной въ лѣсъ за грибами... Я вчера просила ее не дѣлать этого... О, Боже... трудно становится жить.

ТАТЬЯНА.

Ты много кушаешь...

ПОЛИНА.

Таня, зачѣмъ этотъ тонъ? Ты ненормально относишься къ людямъ...

ТАТЬЯНА.

Потому что—спокойно?

ПОЛИНА.

Ахъ, легко быть спокойной, когда у тебя ничего нѣтъ и ты свободна! А вотъ, когда около тебя кормятся тысячи людей... это не шутка!

ТАТЬЯНА.

Ты брось, не корми ихъ, пусть они сами живутъ, какъ хотять... Отдай имъ все—заводъ, землю, и успокойся.

ПОЛИНА.

Зачѣмъ такъ говорить? Не понимаю!.. Ты бы видѣла, какъ разстроены Захаръ... Мы рѣшили закрыть заводъ на время, пока рабочіе успокоятся. Но ты подумай, какъ это тяжело! Сотни людей останутся безъ работы... у нихъ дѣти... ужасно!

ТАТЬЯНА.

Такъ не закрывайте, если ужасно... Зачѣмъ же дѣлать непріятности самимъ себѣ?

ПОЛИНА.

Ахъ, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроемъ,—рабочіе сдѣлаютъ стачку, и это будетъ еще хуже.

ТАТЬЯНА.

Что будетъ хуже?

ПОЛИНА.

Все вообще... Не можемъ же мы уступать всѣмъ ихъ требованіямъ? И, наконецъ, это совсѣмъ не ихъ

требованія, а просто, соціалісты научили ихъ, они и кричать... (Горячо) Этого я не понимаю! За границей соціалізмъ на своемъ мѣстѣ, онъ очень разнообразить жизнь и дѣйствуетъ открыто... А у насъ, въ Россіи, его нашептываютъ рабочимъ изъ-за угловъ, совершенно не понимая, что въ монархическомъ государствѣ это неумѣстно!.. Намъ нужна конституція, а совсѣмъ не это... Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ?

Н И К О Л А Й (усмѣхаясь).

Нѣсколько иначе. Соціалізмъ очень опасное явленіе. И въ странѣ, гдѣ нѣтъ самостоятельной, такъ сказать, расовой философіи, гдѣ все хватаютъ со стороны и на лету, тамъ онъ долженъ найти для себя почву... Мы люди крайностей... вотъ наша болѣзнь.

П О Л И Н А.

Это очень вѣрно! Да, мы люди крайностей.

Т А Т Ъ Я Н А (вставая).

Особенно ты и твой мужъ. Или вотъ товарищъ прокурора...

П О Л И Н А.

Ты не знаешь, Таня... а Захара считаютъ однимъ изъ красныхъ въ губерніи!

Т А Т Ъ Я Н А (ходить).

Я думаю, онъ краснѣетъ только со стыда, да и то не часто...

ПОЛИНА.

Таня! Что ты, Богъ съ тобой?..

ТАТЬЯНА.

Развѣ это обидно? Я не знала... Мнѣ ваша жизнь кажется любительскимъ спектаклемъ. Роли распределены скверно, талантовъ нѣтъ, всѣ играютъ отвратно... Песу нельзя понять..

НИКОЛАЙ.

Въ этомъ есть правда... И всѣ жалуются: ахъ, какая скучная пьеса!

ТАТЬЯНА.

Да. Мы портимъ пьесу. Мнѣ кажется, это начинаютъ понимать статисты и всѣ закулисные люди... Однажды они прогонятъ насъ со сцены...

(Идутъ генераль и Конь)

НИКОЛАЙ.

Однако! Куда вы метнули...

ГЕНЕРАЛЬ

(кричитъ, подходя).

Полина! Молока генералу, — х-х! Холоднаго молока!.. А-а, гробъ законовъ!.. Моя превосходная племянница, ручку! Конь, отвѣчай урокъ: что есть солдатъ?

КОНЬ (скучно).

Какъ угодно начальству, ваше превосходительство!

ГЕНЕРАЛЪ.

Можетъ солдатъ быть рыбой, а?

КОНЬ.

Солдатъ долженъ все умѣть...

ТАТЬЯНА.

Милый дядя, вы и вчера забавляли насъ этой сценой... Неужели—каждый день?

ПОЛИНА (вздыхая).

Каждый день, послѣ купанья.

ГЕНЕРАЛЪ.

Каждый день, да! И всегда—разное обязательно! Онъ, старый шутъ, долженъ самъ выдумывать отвѣты и вопросы.

ТАТЬЯНА.

Вамъ это нравится, Конь?

КОНЬ.

Его превосходительству нравится.

ТАТЬЯНА.

А вамъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Ему тоже...

КОШЬ.

Мнѣ не очень... Старъ я для цирка... ну, а терпѣть надо, когда ѣсть нужно...

ГЕНЕРАЛЪ.

А! Хитрая каналья! Кругомъ маршъ... разъ-два!

ТАТЬЯНА.

Вамъ не скучно издѣваться надъ старикомъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Я самъ—старикъ! А вы сами скучная... Актриса должна смѣшить, а вы что?

ПОЛИНА.

Ты знаешь, дядя...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ничего не знаю..

ПОЛИНА.

Мы закрываемъ заводъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ага! Прекрасно! Онъ—свистить. Рано утромъ спишь такъ крѣпко, вдругъ—у-у-у! Закрыть его!..

МИХАИЛЬ

(быстро идетъ).

Николай, на минутку! Ну, заводъ закрыть! Но на всякій случай, надо принять мѣры... Пошли телеграмму

вице-губернатору: кратко сообщи положеніе дѣла и требуй солдатъ... Подпиши моимъ именемъ.

НИКОЛАЙ.

Мы съ нимъ тоже пріятели.

МИХАИЛЬ.

Я знаю. Иду объявить этимъ депутатамъ — къ черту!.. Ты не говори о телеграммѣ, я самъ скажу, когда будетъ пужно... да?

НИКОЛАЙ.

Хорошо.

МИХАИЛЬ.

А великолѣпно чувствуется, когда поставишь на своемъ! Это — признакъ молодости! Я, братъ, старше тебя годами, но моложе душой, а?

НИКОЛАЙ

Это не молодость, а нервозность, я думаю...

МИХАИЛЬ

(съ ироніей).

Ну, конечно! До свиданья, старикъ... Вотъ я тебѣ покажу нервозность! Увидишь! (Смѣясь уходитъ)

ПОЛИНА.

Рѣшили, Николаѣй Васильевичъ, да?

Да, кажется. НИКОЛАЙ (уходя).

О, Боже мой!.. ПОЛИНА.

Что рѣшили? ГЕНЕРАЛЬ.

Закрѣть заводъ... ПОЛИНА.

ГЕНЕРАЛЬ.

А... Я это уже слышалъ... Трамъ-та-та-тамъ! Ти-та-тамъ!.. Скучно!

Да. ТАТЬЯНА.

И такъ тревожно, неловко... ПОЛИНА.

Конь! ГЕНЕРАЛЬ.

Здѣсь. КОНЬ.

Удочки и лодку... Готово? ГЕНЕРАЛЬ.

Готово. КОНЬ.

ГЕНЕРАЛЬ.

Пойду молчать съ рыбами... Это болѣе умно, чѣмъ скучать съ людьми... (Хохочетъ) Ловко сказано, а? (И адъ бѣжитъ) А-а, мотылекъ... что такое?

НАДЯ (радно).

Приключеніе! (Обернувшись назад, зоветъ) Идите, пожалуйста! Вы возьмите его подъ руку, Клеопатра Петровна! Знаешь, тетя, выходимъ мы изъ лѣсу,—вдругъ, трое пьяныхъ рабочихъ... понимаешь?

ПОЛИНА.

Ну, вотъ! Я всегда говорила тебѣ...

КЛЕОПАТРА
(за нею Грековъ).

Представьте, какая гадость!

НАДЯ.

Почему—гадость? Просто смѣшно!.. Трое рабочихъ, тетя... Улыбаются и говорятъ: „барыни вы наши, милыя...“

КЛЕОПАТРА.

Я непремѣнно попрошу мужа прогнать ихъ...

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

За что же?

ГЕНЕРАЛЪ (Надѣ).

Это кто такой чумазый?

НАДЯ.

Нашъ спаситель, дѣдъ, понимаешь?

ГЕНЕРАЛЪ.

Ничего не понимаю!..

КЛЕОПАТРА (Надѣ).

Вы рассказываете, Богъ знаетъ какъ...

НАДЯ.

Я говорю, какъ нужно!

ПОЛИНА.

Но ничего нельзя понять, Надя!

НАДЯ.

Вы мнѣ мѣшаете потому что!—Подходятъ къ намъ и говорятъ: „барышни! давайте съ нами пѣсни пѣть...“

ПОЛИНА.

Ахъ, какое нахальство!

НАДЯ.

Вовсе нѣтъ!—„Мы, говорятъ, знаемъ, вы очень хорошо поете... Конечно—мы выпивши, но выпившіе мы лучше!“ Это вѣрно, тетя! Пьяные они не такіе хмурые, какъ всегда...

КЛЕОПАТРА.

На наше счастье вотъ этотъ молодой человѣкъ...

НА ДЯ.

Я расскажу лучше васъ!—Клеопатра Петровна начала ихъ ругать... Это вы напрасно! Увѣряю васъ!.. Тогда одинъ изъ нихъ, такой высокій и худой...

КЛЕОПАТРА

(съ угрозой).

Я его знаю!

НА ДЯ.

Взялъ ее за руку и—такъ грустно—сказалъ: „такая вы красивая, образованная женщина; смотрѣть на васъ пріятно, а вы—ругаетесь! Развѣ мы васъ обидѣли?“ Онъ очень хорошо сказалъ, такъ... отъ души! Ну, а другой, онъ, дѣйствительно... Онъ сказалъ: „чего ты съ ними говоришь? Развѣ онѣ что-нибудь могутъ понять? Онѣ—звѣрье!..“ Это мы звѣрье—я и она!

(Смѣется).

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Ты, кажется, очень довольна этимъ титуломъ?

ПОЛИПА.

Я говорила тебѣ, Надя... Вотъ ты бѣгаешь всюду...

ГРЕКОВЪ (Надѣ).

Я могу идти?

НА ДЯ.

О, нѣтъ, пожалуйста! Хотите чаю?.. Или молока? Хотите?

(Генераль хохочетъ. Клеопатра пожимаетъ плечами. Татьяна смеется.)

трить на Грекова и что-то напѣ-
ваетъ сквозь зубы. Полина опустила
голову и тщательно вытираетъ ложки
полотенцемъ)

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

Спасибо, не хочу.

НАДЯ (убѣдительно).

Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь!.. Это все... добрые
люди, увѣряю васъ!

ПОЛИНА (протестуя).

О, Надя!

НАДЯ (Грекову).

Вы не уходите, я сейчасъ все расскажу...

КЛЕОПАТРА (недовольно).

Однимъ словомъ, этотъ молодой человекъ явился
во-время и уговорилъ своихъ пьяницъ-товарищей оста-
вить насъ въ покоѣ... а я попросила его проводить
насъ. Вотъ и все!..

НАДЯ.

Ахъ, ну, что это! Если бы все было, какъ вы раз-
сказываете... всѣ умерли бы со скуки!

ГЕНЕРАЛЬ.

Каково, а?

НАДЯ (Грекову).

Вы сядьте! Тетя, да пригласите же его сѣсть! Отчего
вы всѣ такіе кислые? Вамъ жарко?

ПОЛИНА
(сидя Грекову).

Благодарю васъ, молодой человекъ...

ГРЕКОВЪ.
Не за что...

ПОЛИНА
(болѣе сухо).

Съ вашей стороны было очень хорошо защитить женщинъ.

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Онъ не нуждались въ защитѣ... ихъ никто не обижалъ.

НАДЯ.

Но, тетя же! Развѣ можно такъ говорить?

ПОЛИНА.

Я попрошу не учить меня...

НАДЯ.

Но, пойми,—никакой защиты не было! Онъ просто сказалъ имъ: „оставьте, товарищи, это нехорошо!“ Они обрадовались ему: „Грековъ. Идемъ съ нами, ты— милый!“ Онъ, дѣйствительно, тетя, очень милый и умный... вы извините меня, Грековъ, но вѣдь это правда!..

ГРЕКОВЪ (усмѣхаясь).

Вы ставите меня въ неловкое положеніе...

НАДЯ.

Да? Но я этого не хочу... Это не я, а вотъ они, Грековъ!

ПОЛИНА.

Надя!.. Ты знаешь, я не понимаю экстаза.. Все это смѣшно!.. И—довольно!..

НАДЯ (возбужденно).

Такъ смѣйтесь! Почему же вы сидите, какъ сычи? Смѣйтесь!

КЛЕОПАТРА.

У Нади способность изъ всякаго пустяка дѣлать исторію, съ шумомъ, съ восторгомъ. И особенно это хорошо сейчасъ, на глазахъ... чужого человѣка, который, видите,—смѣется надъ ней.

НАДЯ (Грекову).

Вы надо мной смѣетесь? Почему?

ГРЕКОВЪ (просто).

Я люблюсь вами, а не смѣюсь.

ПОЛИНА (поражена).

Что? Дядя...

КЛЕОПАТРА (усмѣхаясь).

Вотъ вамъ!

ГЕНЕРАЛЬ.

Ну, баста! Хорошенькаго понемножку. Молодой человѣкъ, вотъ, возьми себѣ и—ступай!..

ГРЕКОВЪ (отвертываясь).

Благодарю... не нужно.

НАДЯ

(закрывъ лицо руками).

Дѣдь... зачѣмъ?

ГЕНЕРАЛЪ

(останавливая Грекова).

Подожди! Это—десять рублей...

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Ну, и что же?

(Секунду всё молчатъ)

ГЕНЕРАЛЪ (смущенъ).

Э... Вы кто такой?

ГРЕКОВЪ.

Рабочій.

ГЕНЕРАЛЪ.

Да! Кузнецъ?

ГРЕКОВЪ.

Слесарь.

ГЕНЕРАЛЪ (строго).

Это все равно! А почему ты не берешь деньги, а?

ГРЕКОВЪ.

Не хочу.

ГЕНЕРАЛЪ (раздражаясь).

Что за комедія? Чего же тебѣ нужно?

ГРЕКОВЪ.

Ничего.

ГЕНЕРАЛЪ.

А можетъ быть, ты хочешь попросить руку барышни, а?

(Хочетъ. Всѣ смущены выходкой генерала).

НА Д Я.

Ой... что вы дѣлаете!

ПОЛИНА.

Дядя, пожалуйста.

ГРЕКОВЪ

(генералу спокойно).

Вамъ сколько лѣтъ?

ГЕНЕРАЛЪ (удивленъ).

Что? Мнѣ... лѣтъ?

ГРЕКОВЪ (такъ же).

Сколько вамъ лѣтъ?

ГЕНЕРАЛЪ (оглядываясь).

Что такое? Шестьдесятъ одинъ годъ... Ну, и что же?

ГРЕКОВЪ

(идеть прочь).

Въ эти годы слѣдуетъ быть умнѣе!

ГЕНЕРАЛЪ.

Какъ?.. Мнѣ... умнѣе?..

НАДЯ

(бѣжитъ за Грековымъ).

Послушайте... вы не сердитесь! Онъ—старикъ. И всѣ они добрые люди, честное слово!

ГЕНЕРАЛЪ.

Что за чертовщина?

ГРЕКОВЪ.

Вы не беспокойтесь... это все естественно!

НАДЯ.

Имъ жарко... У нихъ, поэтому, дурное настроеніе...
А я такъ плохо рассказала.

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

Какъ бы вы ни рассказали, васъ не поймутъ, поверьте.

(Они скрываются)

ГЕНЕРАЛЪ.

Это онъ меня... смѣль, а?

ТАТЬЯНА.

Вы напрасно сунули ваши деньги.

ПОЛИНА.

Ахъ, Надя!.. Эта Надя!

КЛЕОПАТРА.

Скажите? Какой гордый испанецъ! Вотъ я попрошу мужа, чтобъ онъ его...

ГЕНЕРАЛЬ.

Такой щенокъ!?

ПОЛИНА.

Надя—невозможна!.. Пошла съ нимъ... Какъ она волнуется!

КЛЕОПАТРА.

Они съ каждымъ днемъ все больше распускаются. ваши социалисты...

ПОЛИНА.

Почему вы думаете, что онъ социалистъ?

КЛЕОПАТРА.

Ужъ я вижу! Всѣ порядочные рабочіе—социалисты...

ГЕНЕРАЛЬ.

Я скажу Захару... сегодня же въ шею съ завода этого молокососа!

ТАТЬЯНА.

Заводъ закрытъ.

ГЕНЕРАЛЬ.

Вообще—въ шею!

ПОЛИНА.

Таня! Позови Надю... я прошу тебя! Скажи ей, что я поражена...

ГЕНЕРАЛЬ.

Ахъ, скотина! Сколько лѣтъ, а?

КЛЕОПАТРА.

Эти пьяные свистѣли вслѣдъ намъ... А вы съ ними любезничаєте.. чтенія разныя... къ чему это?..

ПОЛИНА.

Да, да!.. Вы представьте: въ четвергъ я ѣду въ деревню, вдругъ свистятъ!.. Даже мнѣ—свистятъ, а? Не говоря о неприличіи,—это можетъ испугать лошадей!

КЛЕОПАТРА (поучительно).

Захаръ Ивановичъ во многомъ виноватъ!.. Онъ не вѣрно опредѣляетъ разстояніе между собой и этимъ народомъ, какъ говорить мужъ...

ПОЛИНА.

Онъ мягокъ... онъ хочетъ быть добрымъ со всѣми! Добрыя отношенія съ народомъ выгоднѣе для обѣихъ

сторонъ, это его убѣжденіе... Крестьяне очень оправдываютъ его взгляды... Берутъ землю, платятъ аренду и— все идетъ прекрасно. А эти... (Идутъ Татьяна и Надя) Надя! моя милая, ты понимаешь, какъ неприлично...

П А Д Я (горяч.).

Это вы... вы неприличны! Вы всё угорѣли отъ жары, вы злые, больные и ничего не понимаете!.. А вы, дѣды... ахъ, какой вы глупый!..

Г Е Н Е Р А Л Ъ (взбѣшенъ).

Я? Глупъ? Еще разъ?

Н А Д Я.

Зачѣмъ вы сказали это... о рукѣ? Не стыдно вамъ?

Г Е Н Е Р А Л Ъ.

Стыдно? Нѣтъ, баста! Благодарю! Довольно, на сегодня! (Идетъ прочь и оретъ) Конь! Чортъ бы взялъ всю твою родню, гдѣ тамъ увязли твои дурацкія ноги, болванъ, тушная башка?!

П А Д Я.

А вы, тетя, вы!.. Еще за границей жили, о политикѣ говорите!.. Не пригласить человѣка сѣсть, не дать ему чашку чая!.. Эхъ, вы... баронесса!

П О Л П Л

(встаетъ, бросаетъ ложку на траву).

Это ужасно! Это пестерпимо... что ты говоришь?..

НА Д Я.

И вы, Клеопатра Петровна, тоже... дорогой вы были съ нимъ и ласковы и любезны, а здѣсь...

КЛЕОПАТРА.

Да что-жъ — цѣловать мнѣ его, что-ли? Извините, онъ не умытъ. И я не расположена слушать ваши выговоры. Вотъ, Полина Дмитриевна, видите? Это демократизмъ или, какъ тамъ, гуманизмъ!.. Это все ложится пока на шею моего мужа... но ляжетъ и на вашу, вы увидите!

ПОЛИНА.

Клеопатра Петровна, я извиняюсь передъ вами за Надю...

КЛЕОПАТРА (уходя).

Это лишнее... И не въ ней дѣло, не въ одной Надѣ... Всѣ виноваты!

ПОЛИНА.

Послушай, Надя! Когда твоя мать умирая поручала мнѣ тебя, твое воспитаніе...

НА Д Я.

Не трогайте мою маму! Вы говорите о ней всегда не такъ!

ПОЛИНА (изумленно).

Надя! Ты больна?.. Опомнись! Твоя мать была сестрой мнѣ, я ее знаю лучше тебя.

НАДЯ

(со слезами, но сдерживая их).

Ничего вы не знаете, вотъ! И бѣдные богатымъ не родня... Моя мама была бѣдная, хорошая... Вы не понимаете бѣдныхъ!.. Вы вотъ даже тетю Таню не понимаете...

ПОЛИНА.

Надежда, я прошу тебя уйти! Уходи!

НАДЯ (ухода).

И уйду!.. А, все-таки, я права! Не вы, а—я!

ПОЛИНА.

Ф-фу! Боже мой!.. Здоровая дѣвушка и вдругъ... такой припадокъ, почти истерія! Ты извини меня, Таня, но здѣсь я вижу твое вліяніе... да! Ты говоришь съ нею обо всемъ, какъ со взрослой... вводишь ее въ компанію служащихъ... эти конторщики... какіе-то интеллигенты изъ рабочихъ... какой абсурдъ! Наконецъ, катанья въ лодкахъ...

ТАТЬЯНА.

Ты успокойся... выпей чего-нибудь, что-ли! Тебѣ нужно согласиться, что съ этимъ рабочимъ ты вела себя... довольно безтолково! Вѣдь онъ не изломалъ бы стула, если-бъ ты предложила ему сѣсть.

ПОЛИНА.

Ты не права, нѣтъ... Развѣ можно сказать, что я дурно отношусь къ рабочимъ? Но все должно имѣть свои границы, моя дорогая!..

(Медленно идетъ Яковъ, выпившій)

ТАТЬЯНА.

Затѣмъ, я ее никуда не ввожу, какъ ты говоришь. Она сама идетъ... и я не думаю, что ей нужно мѣшать.

ПОЛИНА.

Она сама идетъ! Какъ-будто она понимаетъ—куда?

ЯКОВЪ (сажаясь).

А на заводѣ будетъ бунтъ...

ПОЛИНА (тоскливо).

Ахъ, перестаньте, Яковъ Ивановичъ!..

ЯКОВЪ.

Будетъ. Бунтъ будетъ. Они зажгутъ заводъ и всѣхъ насъ изжарятъ на огнѣ... какъ зайцевъ.

ТАТЬЯНА (съ досадою).

Ты, кажется, ужъ выпилъ...

ЯКОВЪ.

Я въ это время всегда уже выпилъ... Сейчасъ видѣлъ Клеопатру... это очень дрянная баба! Не потому, что у нея много любовниковъ... но потому, что въ груди у нея, вмѣсто души, сидитъ старая, злая собака...

ПОЛИНА (встаетъ).

Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Все шло хорошо и—вдругъ... (Ходитъ по саду)

Яковъ.

Небольшая собака, съ облѣзлой шерстью. Жадная. Сидитъ и скалитъ зубы... Уже сыта, все ѣла... но чего-то хочетъ еще... А чего—не знаетъ... И беспокоится...

Татьяна.

Замолчи, Яковъ!.. Вонъ идетъ твой братъ.

Яковъ.

Мнѣ не нуженъ братъ! Тая, я понимаю, меня нельзя уже любить... но, все-таки, это мнѣ обидно! Обидно... и не мѣшаетъ мнѣ любить тебя...

Татьяна

Ты бы освѣжился...

Захаръ (подходя).

Что? Объявили уже, что заводъ закрывается?

Татьяна.

Не знаю.

Яковъ.

Не объявили, но рабочіе знаютъ.

Захаръ.

Почему? Кто сказалъ имъ?..

Яковъ.

Я. Пошелъ и сказалъ.

Зачѣмъ?

И О Л И Н А (подходить).

Я К О В Ъ

(пожимая плечами).

Такъ... Имъ это интересно. Я имъ все говорю... если они слушаютъ. Они меня любятъ, я думаю. Имъ пріятно видѣть, что братъ ихъ хозяина—пьяница. Это должно внушать идею равенства всѣхъ людей.

З А Х А Р Ъ.

Гм... ты, Яковъ, часто бываешь на заводѣ... противъ этого я, конечно, ничего не имѣю!.. Но Михайль Васильевичъ говоритъ, что иногда ты, разговаривая съ рабочими, осуждаешь порядки на заводѣ..

Я К О В Ъ.

Это онъ вретъ. Я ничего не понимаю въ порядкахъ.

З А Х А Р Ъ.

А также онъ говоритъ, что иногда ты приносишь съ собой водку...

Я К О В Ъ.

Вретъ. Не приношу, а посылаю за ней и не иногда, а всегда. Ты же понимаешь, что безъ водки—я имъ не интересенъ!

З А Х А Р Ъ.

Но, Яковъ, посуди самъ, ты—братъ хозяина...

Яковъ.

Это не единственный мой недостатокъ...

Захаръ (обижено).

Ну, я молчу! Молчу! Вокругъ меня создается непонятная мнѣ атмосфера враждебности...

Полина.

Да, это вѣрно. Ты послушалъ бы, что тутъ говорила Надежда!

Пологий (бѣжить).

Позвольте сказать... сейчасъ... сейчасъ убить г. директоръ... выстрѣлюмъ...

Какъ?

Захаръ.

Вы... что вы?

Полина.

Совершенно... убить... упаль...

Пологий.

Кто... кто стрѣляль?

Захаръ.

Рабочіе...

Пологий.

Схватили ихъ?

Полина.

ЗАХАРЪ.
Докторъ тамъ?

ПОЛОГИЙ.
Я не знаю.

ПОЛИНА.
Яковъ Ивановичъ!.. Да идите вы!

ЯКОВЪ
(разводя руками).
Куда?

ПОЛИНА.
Какъ это случилось?

ПОЛОГИЙ.
Г. директоръ были въ ажитаци... и попали ногой
въ животъ рабочему...

ЯКОВЪ.
Идутъ... сюда...
(Шумъ. Ведутъ Михаила Скоро-
ботова, подъ одну руку Лѣвшинъ,
лысоватыЙ, пожилой рабочей, подъ дру-
гую — Николай. Ихъ провожаютъ
нѣсколько рабочихъ и служащихъ. По-
томъ появляются становой, Клео-
патра, Надя)

МИХАИЛЪ (устало).
Оставьте меня... положите...

НИКОЛАЙ.

Ты видѣлъ, кто стрѣлялъ?

МИХАИЛЬ.

Я усталъ... о, я усталъ...

НИКОЛАЙ (настоячиво).

Ты замѣтилъ, кто стрѣлялъ?

МИХАИЛЬ.

Мнѣ больно... Какой-то рыжій... Положите меня...
Какой-то рыжій...

(Его укладываютъ на дерновую скамью)

НИКОЛАЙ (уряднику).

Вы слышали? Рыжій.

УРЯДНИКЪ.

Слушаю!..

МИХАИЛЬ.

А! Теперь все равно... у него зеленые глаза...

ЛЪВШИЦЪ (Николаю).

Вы бы не тревожили его въ такую минуту...

Н И К О Л А Й.

Молчать! Гдѣ же докторъ?.. Докторъ гдѣ, я спрашиваю?

(Всѣ безтолково суетятся, шепчутся)

М И Х А И Л Ъ.

Не кричи... Мнѣ больно... Дайте же отдохнуть!

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Отдохните, Михайлъ Васильевичъ, ничего! Эхъ, дѣла человѣческія, копеечныя дѣла! Изъ-за копейки пропадемъ... Она и мать намъ, и смерть наша...

Н И К О Л А Й.

Урядникъ!.. Попросите удалиться всѣхъ лишннихъ.

У Р Я Д Н И К Ъ (негромко).

Пошелъ прочь, ребята! Нечего тутъ смотрѣть...

З А Х А Р Ъ (тихо).

Гдѣ же докторъ?

Н И К О Л А Й.

Миша!.. Миша!.. (Наклоняется къ брату и всѣ наклоняются за нимъ) Мнѣ кажется... онъ скончался... да.

З А Х А Р Ъ.

Не можетъ быть!

НИКОЛАЙ

(медленно, негромко).

Да. Онъ умеръ... Вы это понимаете, Захаръ Ивановичъ?..

ЗАХАРЪ.

Но... вы можете ошибиться!

НИКОЛАЙ.

Нѣтъ. Это вы поставили его подъ выстрѣлъ, вы!

ЗАХАРЪ (пораженъ).

Я?

ТАТЬЯНА.

Какъ это жестоко... глупо!

НИКОЛАЙ

(наступая на Захара).

Да, вы!..

СТАНОВОЙ (бѣжить).

Гдѣ г. директоръ? Тяжело раненъ?

ЛЪВШИНЪ.

Померъ. Торопиль, торопиль всѣхъ, а самъ—вотъ...

НИКОЛАЙ (становому).

Онъ успѣлъ сказать, что его убилъ какой-то рыжий...

СТА Н О В О Й.

Рыжій? Гм...

Н И К О Л А Й.

Да. Примите мѣры... немедленно!

СТА Н О В О Й (уряднику).

Немедленно собрать всѣхъ рыжихъ!

У Р Я Д Н И К Ъ.

Слушаю!

С Т А П О В О Й.

Всѣхъ!

К Л Е О П А Т Р А (бѣжить).

Гдѣ онъ?.. Миша!.. Что такое... обморокъ? Николай Васильевичъ!.. Это обморокъ? (Николай отвергивается въ сторону. Идетъ прихрамывая старичекъ докторъ) Умеръ? Нѣтъ?

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Успокоился... Не достигъ...

Н И К О Л А Й

(злобно, но негромко).

Вы—прочь! (с т а н о в о м у) Уберите этого!

К Л Е О П А Т Р А.

Ну, что... что, докторъ?

СТАНОВОЙ
(ЛѢВШИНИУ ТИХО).

Ты! Пошелъ!

ЛѢВШИНИЪ (тихо).

Иду. Зачѣмъ толкать?

ДОКТОРЪ.

Ну, къ сожалѣнію, я тутъ бесполезенъ.. п-да..

КЛЕОПАТРА (негромко).

Убили?

ПОЛИНА (Клеопатрѣ).

Моя дорогая!..

КЛЕОПАТРА
(негромко, зло).

Подите прочь! Вѣдь это ваше дѣло... ваше!

ВАХАРЪ (подавленно).

Я понимаю... вы поражены... но, зачѣмъ же... зачѣмъ же такъ?

ПОЛИНА (со слезами).

Вы подумайте, дорогая, какъ это страшно!

КЛЕОПАТРА.

Страшно, да?

ТАТЬЯНА (Полинѣ).

Ты уйди...

КЛЕОПАТРА.

Это вы убили его вашей проклятой дряблостью!

НИКОЛАЙ (сухо).

Успокойтесь, Клеопатра!.. Захаръ Ивановичъ не можетъ не сознавать своей вины передъ нами..

ЗАХАРЪ (подавленный).

Господа!.. Я не понимаю!.. Что вы говорите? Развѣ можно бросать такое обвиненіе?..

ПОЛИНА.

Какой ужасъ! Боже мой... такъ безжалостно!

КЛЕОПАТРА.

А, безжалостно? Вы натравили на него рабочихъ, вы уничтожили среди нихъ его вліяніе... Они боялись его, они дрожали передъ нимъ... и — вотъ! Теперь они убили!.. Это вы... вы виноваты! На васъ его кровь!..

НИКОЛАЙ.

Довольно... не надо кричать!

КЛЕОПАТРА (Полинѣ).

Плачете? Пусть она изъ глазъ вашихъ потечетъ, его кровь...

У Р Я Д Н И К Ъ .

Ваше благородіе!..

С Т А Н О В О Й .

Тише, ты!

У Р Я Д Н И К Ъ .

Рыжіе готовы!

(Въ глубинѣ сада идетъ гене-
ралъ и, толкая передъ собой Коня,
громко хохочетъ)

П И К О Л А Й .

Тише!..

К Л Е О П А Т Р А .

Что, убійцы?

З А Н А В Ъ С Ъ .

М. Горькій. Враги.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лунная ночь. На землѣ лежатъ густыя, тяжелыя тѣни. На столѣ въ безпорядкѣ набросано много хлѣба, огурцовъ, яицъ; стоятъ бутылки съ пивомъ. Горятъ свѣчи въ абажурахъ. А г р а ф е н а моетъ посуду. Я г о д и н ъ сидя на стулѣ, съ палкой въ рукѣ, куритъ. Слѣва стоятъ Т а т ь я н а, Н а д я, Л ѣ в ш и н ъ. Всѣ говорятъ тихо, пониженными голосами и какъ-будто прислушиваясь къ чему-то. Общее настроеніе — тоскливаго и тревожнаго ожиданія.

ЛЪВШИНЪ (Падѣ).

Все человѣческое на землѣ мѣдью отравлено, барышня милая! Вотъ отчего скучно душѣ вашей молодой... Всѣ люди связаны мѣдной копейкой, а вы свободная еще, и нѣтъ вамъ мѣста въ людяхъ. На землѣ каждому человѣку копейка звенить: возлюбил меня, яко самого себя... А васъ это не касается.

ЯГОДИНЪ (Аграфена).

Ефимычъ и господь учить началъ... чудаки!

АГРАФЕНА.

Что жъ? Онъ правду говорить. Немножко правды и господамъ знать надо.

ЛЪВШИНЪ.

Звенить, да...

ЯГОДИНЪ.

А кто нашего брата, кромѣ копейки, оградить можетъ? Никто!..

ПАДЯ.

Вамъ очень тяжело жить, Ефимычъ?

Сборн.:кз. Книга XIV.

ЛЪВШИНЪ.

Миѣ—не очень. У меня дѣтей нѣтъ. Баба есть, жена, значить, а дѣти всѣ померли.

НАДЯ.

Тетя Таня! Почему, когда въ домѣ мертвый, всѣ говорятъ тихо?..

ТАТЬЯНА.

Я не знаю...

ЛЪВШИНЪ

(съ улыбкой)

Потому, барышня, что виноваты мы передъ покойникомъ, кругомъ виноваты...

НАДЯ.

Но вѣдь не всегда, Ефимычъ, людей... вотъ такъ... убиваютъ... При всякомъ покойникѣ тихо говорятъ.

ЛЪВШИНЪ.

Милая,—всѣхъ мы убиваемъ! которыхъ пулямп, которыхъ словами, всѣхъ мы убиваемъ дѣлами нашими. Гонимъ людей со свѣту въ землю и не видимъ этого, и не чувствуемъ... а вотъ когда бросимъ человѣка смерти, тогда и поймемъ немножко нашу вину передъ нимъ. Станетъ жалко умершаго, стыдно передъ нимъ и страшно въ душѣ... Вѣдь и насъ также гонять, и мы въ могилу приготовлены!..

НАДЯ.

Да-а... это страшно!

ЛЪВШИНЪ.

Ничего! Теперь—страшно, а завтра—все пройдет. И опять пачнутъ люди толкаться.. Упадеть человекъ, котораго затолкаютъ, всё замолчатъ на минутку, сконфузятся.. вздохнуть, да и опять за старое!.. Опять своимъ путемъ... Темнота! А путь у всёхъ одинъ... тѣсновато, да... А вотъ вы, барышня, вины своей не чувствуете; вамъ и покойники не мѣшаютъ, вы и при нихъ можете громко говорить...

ТАТЬЯНА.

Что нужно сдѣлать, чтобы жить иначе?.. Вы знаете?

ЛЪВШИНЪ (таинственно).

Копейку надо уничтожить... схоронить ее надо! Ея не будетъ,—зачѣмъ враждовать, зачѣмъ тѣснить другъ друга?

ТАТЬЯНА.

Эго—все?

ЛЪВШИНЪ.

Для начала—хватить!..

ТАТЬЯНА.

Хочешь пройтись по саду, Надя?

НАДЯ (задумчиво).

Хорошо...

(Онѣ идутъ въ глубину сада; Лѣвшинъ—къ столу. У палатки появляются генералъ, Конь и Пологиѣ)

я годниъ.

Ты, Ефимычъ, и на кампѣ съешь... чудака!..

лѣвшинъ.

А что?

я годниъ.

Награсно стараешься... Развѣ они поймутъ? Рабочая душа пойметъ, а господской это не по недугу...

лѣвшинъ.

Душа—душой... да вѣдь всѣ около одного мѣста трутся...

а графепа.

Можетъ, еще выпьете чаю?..

лѣвшинъ.

Это—можно.

(Молчать. Слышенъ густой голосъ
генерала. Мелькаютъ бѣлые платья
Нади и Татьяны)

генералъ.

Или протянуть черезъ дорогу веревку... такъ, чтобы
сс не видно было... идетъ человѣкъ и вдругъ—хлопъ!

пологий.

Пріятно видѣть, когда человѣкъ падаетъ, ваше
превосходительство!..

я год инъ.
Слышишь?

лѣвшинъ:
Слышу...

конъ.

Сегодня этого нельзя ничего: покойникъ въ домѣ.
При покойникѣ не шутятъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Не учить меня! Когда ты умрешь, я плясать буду!

(Къ столу идутъ Татьяна и
Иадея)

лѣвшинъ.

Старъ человѣкъ...

АГРАФЕНА

(идеть къ дому).

Ужъ такъ онъ озорничать любить...

ТАТЬЯНА

(садится къ столу).

Ефимычъ, скажите, вы—соціалистъ?

лѣвшинъ (просто).

Я-то? Нѣтъ. Мы вотъ съ Тимофеемъ ткачи, мы—
ткачи...

ТАТЬЯНА.

А вы знаете соціалистовъ? Слышали о нихъ?

ЛЪВШНПЪ.

Слышали... Знать—не знаемъ, а слышали, да!

ТАТЬЯНА

Вы Синцова знаете? конторщика?

ЛЪВШИНЪ.

Знаемъ. Мы всѣхъ служащихъ знаемъ.

ТАТЬЯНА.

Говорили съ нимъ?

ЯГОДИНЪ (безпокойно).

О чемъ намъ говорить? Они—наверху, мы—внизу. Придешь въ контору, они намъ скажутъ, что имъ директоръ велѣлъ... и все! Вотъ и знакомство.

НАДЯ.

Вы, кажется, боитесь насъ, Ефимычъ? Вы не бойтесь, намъ интересно...

ЛЪВШИНЪ.

Зачѣмъ бояться? Мы ничего худого не сдѣлали. Насъ вотъ позвали сюда для охраны порядка,—мы пришли. Тамъ народъ, который разовлился, говорить: сожжемъ заводъ и все сожжемъ, одни угля останутся. Ну, а мы противъ безобразія. Жечь ничего не надо... зачѣмъ жечь? Сами же мы строили, и отцы наши, и дѣды... и вдругъ—жечь!

ТАТЬЯНА.

Вы не думаете ли, что мы разспрашиваемъ васъ съ какимъ-нибудь злымъ умысломъ?..

ЯГОДИНЪ.

Зачѣмъ? Мы зла не желаемъ!

ЛЪВШИНЪ.

Мы такъ думаемъ: что сработано, то свято. Труды людскіе цѣнить падо по справедливости, это такъ, а не жечь. Ну, а народъ темень,—огонь любить. Обозлились. Покойничекъ строгонекъ былъ съ нами, не тѣмъ будь помянуть!

ПАДЯ.

А дядя? онъ—лучше?

ЯГОДИНЪ.

Захаръ Ивановичъ?

НАДЯ.

Да! Онъ—добрый? Или онъ... тоже обижаютъ васъ?

ЛЪВШИНЪ.

Мы этого не говоримъ...

ЯГОДИНЪ (угрюмо).

Для насъ всѣ одинаковы. И строгіе, и добрые...

Л Ъ В Ш И Н Ъ (ласково).

И строгій—хозяинъ, и добрый—хозяинъ. Болѣзнь костей не разбираетъ.

Я Г О Д И Н Ъ (скучно).

Конечно, Захаръ Ивановичъ человѣкъ съ сердцемъ...

Н А Д Я.

Значить, лучше Скроботова, да?

Я Г О Д И Н Ъ (тихо).

Да вѣдь директора нѣтъ ужъ...

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Дядюшка вашъ, барышня, мужчина хорошій... Только намъ... намъ отъ красоты его не легче.

Т А Т Ъ Я Н А

(съ досадою).

Пойдемъ, Надя... Они не хотятъ понять насъ... ты видишь!

Н А Д Я (тихо).

Да...

(Молча идутъ. Лѣвшинъ смотритъ вслѣдъ имъ, потомъ на Ягодина; оба улыбаются.)

Я Г О Д И Н Ъ.

Вотъ тянутъ за душу!

ЛЪВШИНЪ.

Интересно, видишь, имъ...

ЯГОДИНЪ.

А можетъ, думаютъ, и сболтнуть чего-нибудь

ЛЪВШИНЪ.

Барышня-то хорошая... Жаль—богатая!

ЯГОДИНЪ.

Матвѣю-то Николаевичу надо сказать... барыня, моль,
разспрашиваетъ...

ЛЪВШИНЪ.

Скажемъ.

ЯГОДИНЪ.

Какъ-то тамъ, а? Должны намъ уступить...

ЛЪВШИНЪ.

Теперь, когда его пѣтъ, что имъ дѣлать?

ЯГОДИНЪ.

Да-а... Спать хочется!

ЛЪВШИНЪ.

Потерпи... Вонъ, генералъ идетъ.

(Генералъ идетъ къ столу. Рядомъ съ нимъ почтительно шагаетъ Пологиѣ, сзади—Конь. Пологиѣ вдругъ подхватываетъ генерала подъ руку)

ГЕНЕРАЛЪ.
Что?

ПОЛОГИЙ.
Ямочка...

ГЕНЕРАЛЪ.
А!.. Что тутъ на столѣ? Дрянъ какая-то. Это вы ѣли?

ЯГОДИНЪ.
Такъ точно... Барышня тоже съ нами кушали.

ГЕНЕРАЛЪ.
Ну, что же?.. Охраняете, а?

ЯГОДИНЪ.
Такъ точно... караулимъ.

ГЕНЕРАЛЪ.
Молодцы! Скажу про васъ губернатору. Васъ сколько тутъ?

ЛЪВШИНЪ.
Двое.

ГЕНЕРАЛЪ.
Дуракъ! Я умѣю считать до двухъ... Сколько всѣхъ?

ЯГОДИНЪ.
Человѣкъ тридцать.

Оружіе есть?
ГЕНЕРАЛЪ.

ЛЪВШИИЪ (Ягодниу).
Тимофей, у тебя гдѣ пистолеть?

ЯГОДИИЪ.
Вотъ онъ.

ГЕНЕРАЛЪ.
Не бери за дуло... чертъ! Стой, почему съ него
капаеть?

ЯГОДИИЪ.
Жирно смазали, должно быть...

ГЕНЕРАЛЪ,
Да это молоко! Что же ты его въ молоко мочишь?
Эдакое чучело! Конь, вытри! И научи болвановъ, какъ
надо держать оружіе въ рукъ. (Лѣвшиниу) У тебя есть
револьверъ?

ЛЪВШИИЪ.
За пазухой.

ГЕНЕРАЛЪ.
Что же, если мятежники придуть, вы будете стрѣ-
лять?

ЛЪВШИИЪ.
Они не придуть, ваше превосходительство.. такъ
это они: погорячились, и прошло.

ГЕНЕРАЛЪ.

А если придутъ?

ЛЪВШИПЪ.

Обидѣлись они очень... по случаю закрытія завода...
Нѣкоторые дѣтей имѣютъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Что ты мнѣ поешь? Я спрашиваю: стрѣлять будешь?

ЛЪВШИПЪ.

Да мы, ваше превосходительство, готовы... почему же
не пострѣлять? Только—не умѣемъ мы... Изъ ружей бы...

ГЕНЕРАЛЪ.

Конь! иди, научи ихъ... Ступай туда, къ рѣкѣ...

КОНЬ (угрюмо).

Докладаю вашему превосходительству: ночь теперь,
и произойдетъ возбужденіе, если стрѣлять. Прилѣзетъ
народъ. А мнѣ—какъ желаете.

ГЕНЕРАЛЪ.

Отложить до завтра!

ЛЪВШИПЪ.

А завтра все будетъ тихо. Заводъ откроютъ...

ГЕНЕРАЛЪ.
Кто откроетъ?

ЛЪВШИНЪ.

Захаръ Ивановичъ. Онъ теперь насчетъ этого себе-
сбъдуетъ съ рабочими...

ГЕНЕРАЛЪ.

Чертъ! Я бы этотъ заводъ закрылъ навсегда.— Не
свисти рано утромъ!

ЯГОДИНЪ.

Попозднѣе и намъ бы лучше...

ГЕНЕРАЛЪ.

А васъ всѣхъ—уморить голодомъ! Не бунтуй!

ЛЪВШИНЪ.

Да мы развѣ бунтуемъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Молчать! Вы чего тутъ торчите? Вы должны ходить
вдоль забора... и, если кто полѣзеть, стрѣлять... Я
отвѣчаю!

ЛЪВШИНЪ.

Идемъ, Тимофей! Пистолеть-то захвати.

ГЕНЕРАЛЪ

(вслѣдъ имъ).

Пистолеть!.. Ослы зеленые! Даже оружія не могутъ
правильно назвать...

ПОЛОГИЙ.

Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству: народъ вообще грубый и звѣрскій... Возьму свой случай: имѣя огородъ, собственноручно развожу въ немъ овощи...

ГЕНЕРАЛЬ.

Да. Это похвально!

ПОЛОГИЙ.

Работаю по мѣрѣ свободнаго времени...

ГЕНЕРАЛЬ.

Всѣ должны работать!

(Татьяна и Нада идутъ)

ТАТЬЯНА (издали).

Зачѣмъ вы такъ кричите?

ГЕНЕРАЛЬ.

Меня раздражаютъ. (Пологому) Ну?

ПОЛОГИЙ.

Но почти каждую ночь рабочіе похищаютъ плоды моихъ трудовъ...

ГЕНЕРАЛЬ.

Воруютъ?

ПОЛОГИЙ.

Именно. Ищу защиты закона, но опытъ представляеть здѣсь г. становымъ приставомъ, личностью равнодушной къ бѣдствіямъ населенія.

ТАТЬЯНА (Пологом у).

Послушайте, зачѣмъ это вы говорите такимъ глупымъ языкомъ?

ПОЛОГИЙ (смущень).

Я? Извините!.. Но я три года учился въ гимназiи и ежедневно читаю газету...

ТАТЬЯНА (улыбалсь).

А, вотъ что...

НАДЯ.

Вы очень смѣшной, Пологий!

ПОЛОГИЙ.

Если это вамъ прiятно видѣть, я очень радъ! Человѣкъ долженъ быть прiятень...

ГЕНЕРАЛЪ.

Вы рыбу удить любите?

ПОЛОГИЙ.

Не пробоваль, ваше превосходительство!

ГЕНЕРАЛЪ
(пожимая плечами).

Станный отвѣтъ!

ТАТЬЯНА.

Чего не пробовали—удить или любить?

Первое. ПОЛОГИЙ (сконфузился).

А второе? ТАТЬЯНА.

Второе пробоваль. ПОЛОГИЙ.

Вы женаты? ТАТЬЯНА.

ПОЛОГИЙ.

Только мечтаю объ этомъ... Но, получая всего сорокъ рублей въ мѣсяць... (Быстро идутъ Николай и Клеопатра)—не могу рѣшиться.

НИКОЛАЙ (возбужденно).

Нѣчто изумительное! полный хаосъ!

КЛЕОПАТРА.

Какъ онъ смѣеть? Какъ онъ могъ!..

ГЕНЕРАЛЬ.

Въ чемъ дѣло?

КЛЕОПАТРА (кричитъ).

Вашъ племянникъ—тряпка! Онъ согласился на всѣ требованія бунтовщиковъ... убиѣць моего мужа!

ПАДЯ (тихо).

Но развѣ всѣ они убиѣцы?

КЛЕОПАТРА.

Это—глумленіе надъ трупомъ... и надо мной! Открыть заводъ въ то время, когда еще не похороненъ человѣкъ, котораго мерзавцы убили именно за то, что онъ закрылъ заводъ!..

НАДЯ.

Но дядя боится, что они все сожгутъ...

КЛЕОПАТРА.

Вы ребенокъ... и должны молчать...

НИКОЛАЙ.

А рѣчь этого мальчишки!.. Явная проповѣдь социализма...

КЛЕОПАТРА.

Какой-то конторщикъ всѣмъ распоряжается, даетъ совѣты... осмѣлился сказать, что преступленіе было вызвано самимъ покойнымъ!..

НИКОЛАЙ

(записывая что-то въ записную книжку).

Этотъ человѣкъ подозрителенъ, — онъ слишкомъ уменъ для конторщика...

ТАТЬЯНА.

Вы говорите о Синцовѣ?

НИКОЛАЙ.

Именно.

Сборникъ. Книга XIV.

КЛЕОПАТРА.

Я чувствую, что мнѣ какъ-будто плюнули въ лицо...

ПОЛОГІЙ (Николаю).

Позвольте замѣтить, читая газеты, г. Синцовъ всегда разсуждаетъ о политикѣ и очень пристрастно относится къ властямъ...

ТАТЬЯНА (Николаю).

Вамъ это интересно слышать?

НИКОЛАЙ

(съ вызовомъ).

Да, интересно!.. Вы думаете меня смутить?

ТАТЬЯНА.

Я думаю, что г. Пологій лишній здѣсь...

ПОЛОГІЙ (смущенно).

Извините... я уйду! (Уходитъ спѣшно)

КЛЕОПАТРА.

Опъ идетъ сюда... я не хочу, не могу его видѣть!
(Быстро идетъ налѣво)

ПАДЯ.

Что такое творится?

Г Е Н Е Р А Л Ъ.

Я слишкомъ старъ для такой канители. Убиваютъ, бунтуютъ!.. Пригласивъ меня къ себѣ отдыхать, Захаръ долженъ былъ предвидѣть... и я ему скажу, что мнѣ здѣсь неудобно, да! (Появляется Захаръ; взволнованъ, но доволенъ. Видитъ Николая, смущенно останавливается, поправляетъ очки) Послушай, дорогой племянникъ... э... ты цони-маешь свои поступки?

З А Х А Р Ъ.

Подождите, дядя, минутку... Николай Васильевичъ!..

Н И К О Л А Й.

Да-съ...

З А Х А Р Ъ.

Рабочіе были такъ возбуждены... и боясь разгрома своего завода... я удовлетворилъ ихъ требованіе не прекращать работъ. А также насчетъ Дичкова... Я поставилъ имъ условіе—выдать преступника, и они уже принялись искать его...

Н И К О Л А Й (сухо).

Они могли бы не беспокоиться объ этомъ. Мы найдемъ убійцу безъ ихъ помощи.

З А Х А Р Ъ.

Мнѣ кажется, лучше, если они сами... да... Заводъ мы рѣшили открыть завтра съ полудня...

ИКОЛАЙ.
Кто это—мы?

ЗАХАРЪ.
Я...

ИКОЛАЙ.

Ага... Благодарю за сообщеніе... Однако мнѣ кажется, что послѣ смерти брата его голосъ переходитъ ко мнѣ и къ женѣ его, и, если я не ошибаюсь, вы должны были посовѣтоваться съ нами, а не рѣшать вопросъ единолично...

ЗАХАРЪ.

Но я васъ приглашалъ! Синцовъ ходилъ за вами... вы отказались...

ИКОЛАЙ.

Согласитесь, что мнѣ трудно въ день смерти брата заниматься дѣлами!

ЗАХАРЪ.

Но вѣдь вы были тамъ, на заводѣ!

ИКОЛАЙ.

Да, былъ. Слушалъ рѣчи... ну, что-жъ изъ этого?

ЗАХАРЪ.

Но поймите,—покойный, оказывается, отправилъ въ городъ телеграмму... онъ просилъ солдатъ. Отвѣтъ полученъ: солдаты придутъ завтра до полудня...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ага! Солдаты? Вотъ это такъ! Солдаты—это не шутка!..

НИКОЛАЙ.

Мѣра разумная...

ЗАХАРЪ.

Не знаю! Придутъ солдаты... настроеніе рабочихъ повысится... И Богъ знаетъ, что можетъ случиться, если не открыть заводъ! Мнѣ кажется, я поступилъ разумно: возможность кроваваго столкновенія теперь исчезла.

НИКОЛАЙ.

У меня сложился иной взглядъ на вопросъ... Вы не должны были уступать этимъ... людямъ, хотя бы изъ уваженія къ памяти убитаго...

ЗАХАРЪ.

Ахъ, Боже мой... по вы ничего не говорите о возможпой трагедіи!

НИКОЛАЙ.

Это меня не касается.

ЗАХАРЪ.

Ну, да... но я-то? Вѣдь я долженъ буду жить съ рабочими! И, если прольется ихъ кровь... Наконецъ, они могли разбить весь заводъ!

НИКОЛАЙ.

Въ это я не вѣрю.

ГЕНЕРАЛЬ.

Я тоже!

ЗАХАРЪ (подавленъ).

Итакъ, вы осуждаете меня?

НИКОЛАЙ.

Да, осуждаю!

ЗАХАРЪ (искренно).

Зачѣмъ... зачѣмъ вражда? Я вѣдь хочу одного—избѣжать ужаса, такъ возможнаго... я не хочу крови. Неужели неосуществимо мирное, разумное теченіе жизни?.. А вы смотрите на меня съ ненавистью; рабоче—съ недоувѣріемъ... Я же хочу добра... только добра!

ГЕНЕРАЛЬ.

Что такое—добро? Даже не слово, а буква... Глаголь, добро... А дѣлай дѣло... Какъ сказано, а?

ПАДЯ

(со слезами).

Молчи, дѣдъ!.. Дядя... успокойся... онъ не понимаетъ!.. Ахъ, Николай Васильевичъ, — какъ вы не понимаете? Вы такой умный... почему вы не вѣрите дядѣ?

НИКОЛАЙ.

Я извиняюсь, Захаръ Ивановичъ, и уйду. Я не могу, не привыкъ вести дѣловые разговоры съ участіемъ дѣтей... (Идетъ прочь)

ЗАХАРЪ.

Вотъ, видишь, Надя...

НАДЯ

(береть его за руку).

Это ничего, ничего... Знаешь, главное, чтобы рабочіе были довольны... ихъ такъ много, ихъ больше, чѣмъ пасъ!..

ЗАХАРЪ.

Подожди... я долженъ тебѣ сказать... я очень недоволенъ тобой, да!

ГЕНЕРАЛЬ.

Я тоже!

ЗАХАРЪ.

Ты симпатизируешь рабочимъ... это естественно въ твои годы, но не надо терять чувства мѣры, дорогая моя! Вотъ, ты утромъ привела къ столу этого Грекова... я его знаю, онъ очень развитой парень,—однако тебѣ не слѣдовало изъ-за него устраивать тетъ сцену.

ГЕНЕРАЛЬ.

Хорошенько ес!

НАДЯ.

Но вѣдь ты не знаешь, какъ это было...

ЗАХАРЪ.

Я знаю больше тебя, повѣрь мнѣ! Народъ нашъ грубъ, онъ не культуренъ... и если протянуть ему палецъ, онъ хватаетъ всю руку...

ТАТЬЯНА (негромко).

Какъ утопающій—соломенку.

ЗАХАРЪ.

Въ немъ, мой другъ, много животной жадности, и его нужно не баловать, а воспитывать... да! Ты, пожалуйста, подумай надъ этимъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

А теперь я скажу. Ты обращаешься со мной чертъ знаетъ какъ, дѣвчонка! Напоминаю тебѣ, что ты моей ровестницей будешь лѣтъ черезъ сорокъ... тогда я, можетъ быть, позволю тебѣ говорить со мной, какъ съ равнымъ. Поняла? Къонь!

КОНЬ

(за деревьями).

Здѣсь.

ГЕНЕРАЛЪ.

Гдѣ этотъ.. какъ его.. штопоръ?

КОНЬ.

Какой штопоръ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Этотъ.. какъ его? Плоскій... ползучій!..

КОПЬ.

Пологий. Не знаю.

ГЕНЕРАЛЪ

(идеть въ палатку).

Найди!

(Захаръ, опустивъ голову и вытирая платкомъ очки, ходитъ; Надя задумчиво сидитъ на стулѣ; Татьяна стоитъ наблюдая)

ТАТЬЯНА.

Извѣстно, кто убилъ?

ЗАХАРЪ.

Они говорятъ—не знаемъ, но—найдемъ... Конечно, они знаютъ... Я думаю... (Оглядываясь понижаетъ голосъ) Это коллективное рѣшеніе... заговоръ! Говоря правду, онъ раздражалъ ихъ, даже издѣвался надъ ними. Въ немъ была эдакая болѣзненная особенность... онъ любилъ власть... И вотъ они... ужасно это, ужасно своей простотой! Убили человѣка, и смотрятъ такими ясными глазами, какъ бы совершенно не понимая своего преступленія... Такъ страшно просто!

НАДЯ.

Ты бы съль... а?

ЗАХАРЪ.

Зачѣмъ онъ вызвалъ солдатъ? Они объ этомъ узнали... они все знаютъ! И это ускорило его смерть.

Я, конечно, долженъ былъ открыть заводъ... въ противномъ случаѣ, я надолго испортилъ бы мои отношенія съ ними. Теперь такое время, когда къ нимъ необходимо относиться болѣе внимательно и мягко... и кто знаетъ, чѣмъ оно можетъ кончиться? Надо быть готовымъ ко многому... да! Въ такія эпохи, разумный человѣкъ долженъ имѣть друзей въ массахъ... (Лѣвшинъ идетъ въ глубинахъ сцены) Это кто идетъ?

ЛѢВШИНЪ.

Это мы ходимъ... охраняемъ.

ЗАХАРЪ.

Что, Ефимычъ, убили человѣка, а теперь вотъ стали ласковые, смиренные, а?

ЛѢВШИНЪ.

Мы, Захаръ Ивановичъ, всегда такіе .. мы—смиренные.

ЗАХАРЪ (внушительно).

Да. И смиренно убиваете?.. Кстати, ты, Лѣвшинъ, что-то тамъ проповѣдуешь... какое-то новое ученіе: не нужно денегъ, не нужно хозяевъ и прочее... Ты бы, мой другъ, прекратилъ это! Изъ такихъ разговоровъ ничего хорошаго для тебя не будетъ.

(Татьяна и Надя идутъ направо, гдѣ звучатъ голоса Синцова и Якова; съ-за деревьевъ появляется Ягодникъ)

Л Ъ В Ш И П Ъ (спокойно)

Да я что говорю? Пожилъ, подумалъ, ну, и говорю...

З А Х А Р Ъ.

Хозяева—не всё звѣри, это надо понимать... Ты видишь—я не злой человѣкъ, я всегда готовъ помочь вамъ, я желаю добра...

Л Ъ В Ш И Н Ъ (вздыхнувъ).

Кто себѣ зла желаетъ?

З А Х А Р Ъ.

Ты пойми: я вамъ, вамъ хочу добра!

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Мы понимаемъ.

З А Х А Р Ъ

(посмотрѣвъ на него).

Нѣтъ, ты ошибаешься. Вы не понимаете. Странные вы люди! То—звѣри, то—дѣти...

(Идетъ прочь. Лѣвшинъ, опираясь руками на палку, смотритъ вслѣдъ ему)

Л Г О Д И Н Ъ.

Опять проповѣдь читалъ?

Л Ъ В Ш И П Ъ.

Китаецъ... Совсѣмъ китаецъ... Что говоритъ? Вѣдь ни что не можетъ понять...

ЯГОДИНЪ.

Добра, говоритъ, хочу.

ЛЪВШИПЪ.

Вотъ.

ЯГОДИНЪ.

Идемъ... а то вонъ они!..

(Идутъ въ глубину сцены. Справа
Татьяна, Надя, Яковъ, Син-
цовъ)

НАДЯ.

Кружимся мы всѣ, ходимъ.. точно во спѣ.

ТАТЬЯНА.

Хотите закусить, Матвѣи Николаевичъ?

СИНЦОВЪ.

Дайте лучше стаканъ чаю.. Я сегодня говорилъ,
говорилъ... даже горло болитъ!

НАДЯ.

Вы ничего не боитесь?

СИНЦОВЪ
(садясь за столъ).

Я? Ничего!

П А Д Я.

А мнѣ страшно!.. Вдругъ все какъ-то спуталось, и я ужъ и не понимаю... гдѣ хорошіе люди, гдѣ—дурные?

С И Н Ц О В Ъ (улыбаясь).

Распутается. Вы только не бойтесь думать... думайте безстрашно, до конца!.. Вообще—бояться нечего.

Т А Т Ъ Я Н А.

Вы полагаете—все успокоилось?

С И Н Ц О В Ъ.

Да. Рабочіе рѣдко побѣждаютъ, и даже маленькія побѣды даютъ имъ большое удовлетвореніе...

П А Д Я.

Вы ихъ любите?

С И Н Ц О В Ъ.

Это не то слово. Я съ ними долго жилъ, знаю ихъ, вижу ихъ силу... вѣрю въ ихъ разумъ...

Т А Т Ъ Я Н А.

И въ то, что имъ принадлежитъ будущее?

С И Н Ц О В Ъ.

И въ это.

Я К О В Ъ.

Будущее... Вотъ штука, которой я не могу себѣ представить.

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Они очень хитрые, эти ваши пролетаріи! Вотъ мы съ Надей пробовали говорить съ ними... вышло глупо...

НАДЯ.

Обидно. Старикъ говорилъ такъ, точно мы обѣ—какіе-то нехорошіе люди... шпіоны, что ли! Тутъ есть другой... Грековъ... онъ иначе смотритъ на людей. А старикъ все улыбается... и—такъ, точно ему жалко насъ, точно мы больныя!..

ТАТЬЯНА.

Не пей ты такъ много, Яковъ! Непріятно смотрѣть.

ЯКОВЪ.

Что-жъ мнѣ дѣлать? Спрашиваю объ этомъ всѣхъ...

СИНЦОВЪ.

Развѣ ужъ нечего?

ЯКОВЪ.

Не хочется... Питаю отвращеніе... непобѣдимое отвращеніе къ дѣловитости и къ дѣламъ. Я, видите ли, человѣкъ третьей группы...

СИНЦОВЪ.

Какъ?

ЯКОВЪ.

Такъ ужъ! Люди дѣлятся на три группы: одни— всю жизнь работаютъ, другіе—копятъ деньги, а третьи—

не хотять работать для хлѣба,—это же безсмысленно!— и не могутъ копить денегъ,—это и глупо, и неловко какъ-то. Такъ вотъ я—изъ третьей группы. Къ ней принадлежатъ всѣ лѣнтыя, бродяги, монахи, нищіе и другіе приживалы міра сего.

Н А Д Я.

Скучно ты говоришь, дядя! И совсѣмъ ты не такой, а, просто, ты добрый и мягкій.

Я К О В Ъ.

То есть куда не поеду. Я это понялъ еще въ школѣ. Люди уже въ юности дѣлятся на три группы...

Т А Т Ъ Я Н А.

Надя вѣрно сказала, это скучно, Яковъ...

Я К О В Ъ.

Согласенъ. Матвѣй Николаевичъ, какъ вы думаете, жизнь имѣетъ лицо?

С И Н Ц О В Ъ.

Можетъ быть...

Я К О В Ъ.

Имѣетъ. Оно всегда—молодое. Не такъ давно жизнь смотрѣла на меня равнодушно, а теперь смотритъ строго и спрашиваетъ... спрашиваетъ: „вы кто такой? Вы куда идете, а?“

(Онъ испуганъ чѣмъ то, хочетъ улыбнуться, но губы у него дрожать, не слушаются, лицо искажаетъ жалкая и страшная гримаса)

ТАТЬЯНА.

Ты оставь это, пожалуйста, Яковъ!.. Вонъ прокуроръ гудяетъ... мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты при немъ говориль.

ЯКОВЪ.

Хорошо.

НАДЯ (тихо).

Всѣмъ—грустно. Всѣ чего-то ждуть... и боятся. Почему мнѣ запрещаютъ знакомиться съ рабочими? Это глупо!

НИКОЛАЙ (подходить).

Могу я попросить стаканъ чая?

ТАТЬЯНА.

Пожалуйста.

(Нѣсколько секундъ всѣ сидятъ молча
Николай стоитъ, размѣшивая ложкой чай)

НАДЯ.

Я хотѣла бы понять, почему рабочіе не вѣрятъ дядѣ и вообще..

НИКОЛАЙ (угрюмо).

Они вѣрятъ только тѣмъ, которые обращаются къ нимъ съ рѣчами на тему—„пролетаринъ всѣхъ странъ соединяйтесь“... въ это они вѣрятъ!

НАДЯ

(повода плечами, тихо).

Когда я слышу эти слова... этотъ всемірный созывъ... мнѣ кажется, что всѣ мы на землѣ—лишніе...

Н И К О Л А Й (возбуждаясь).

Конечно. Такъ долженъ себя чувствовать каждый культурный человѣкъ... И скоро, я увѣренъ, на землѣ раздастся другой кличъ: „культурные люди всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Пора кричать это, пора! Идетъ варваръ, чтобы растоптать плоды тысячелѣтнихъ трудовъ человѣчества. Онъ идетъ, движимый жадностью...

Я К О В Ъ.

А душа у него въ животѣ, въ голодномъ животѣ... Картина, возбуждающая жажду. (Наливаетъ себѣ пива)

Н И К О Л А Й.

Идетъ толпа, движимая жадностью, организованная единствомъ своего желанія—жрать!

Т А Т Ъ Я Н А (задумчиво).

Толпа... Всюду толпа: въ театрѣ, въ церкви... Я не понимаю жизнь... но тутъ что-то не такъ!

Н И К О Л А Й.

Такъ! Что могутъ внести съ собой эти люди? Ничего, кромѣ разрушенія... И, замѣьте, у насъ это разрушеніе будетъ ужаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо...

Т А Т Ъ Я Н А.

Когда я слышу о рабочихъ, какъ о передовыхъ людяхъ, мнѣ это странно! Это далеко отъ моего пониманія...

н и к о л а й.

А [вы, г. Синцовъ... вы, конечно, несогласны съ нами?..

Нѣтъ.

с и н ц о в ъ (спокойно).

н а д я.

Помнишь, тетя Таня, старикъ говорилъ о копейкѣ? Это ужасно просто.

н и к о л а й.

Почему же вы несогласны, г. Синцовъ?

с и н ц о в ъ.

Иначе думаю.

н и к о л а й.

Вполнѣ резонный отвѣтъ! Но, быть можетъ, вы подѣлитесь съ нами вашими взглядами?

с и н ц о в ъ.

Нѣтъ, мнѣ не хочется.

н и к о л а й.

Крайне сожалѣю! Утѣшаюсь надеждой, что, когда мы встрѣтимся съ вами еще разъ, ваше настроеніе измѣнится. Яковъ Ивановичъ, если можно, я попрошу васъ... проводите меня! Я до такой степени разстроилъ нервы...

Я К О В Ъ

(вставая съ трудомъ).

Пожалуйста. Пожалуйста...

(Идутъ)

Т А Т Ъ Я Н А.

Этотъ прокуроръ противная фигура. Мнѣ непріятно соглашаться съ нимъ.

Н А Д Я (встала).

Почему же ты соглашаешься?

С И Н Ц О В Ъ (усмѣхаясь).

Почему, Татьяна Павловна?

Т А Т Ъ Я Н А.

Я сама чувствую такъ же...

Н А Д Я (ходить).

Онъ давечъ обидѣлъ меня и хотъ бы извинился.

С И Н Ц О В Ъ (Татьянѣ).

Вы думаете такъ, но чувствуете иначе, чѣмъ онъ. Вы хотите понять, онъ объ этомъ не заботится... ему понимать не нужно!

Т А Т Ъ Я Н А.

Онъ мнѣ жалокъ почему-то. Вѣроятно, онъ очень жестокъ.

7*

С И Н Ц О В Ъ.

Да. Тамъ, въ городѣ, онъ ведетъ политическія дѣла и отвратительно относится къ арестованнымъ.

Т А Т Ъ Я Н А.

Кстати, онъ что-то записывалъ себѣ въ книжку о васъ.

С И Н Ц О В Ъ

(съ улыбкой).

Вѣроятно, записывалъ. Бесѣдуетъ съ Пологимъ... вообще — работаетъ!.. Татьяна Павловна, у меня къ вамъ есть просьба...

Т А Т Ъ Я Н А.

Пожалуйста... повѣрьте, если я могу, я сдѣлаю съ удовольствіемъ ..

С И Н Ц О В Ъ.

Спасибо. Вѣроятно, вызваны жандармы...

Т А Т Ъ Я Н А.

Да, вызваны.

С И Н Ц О В Ъ.

Рааумѣется! Значить, будутъ обыски... Вы не можете мнѣ кое-что спрятать?

Т А Т Ъ Я Н А.

Вы думаете, у васъ будетъ обыскъ?

С И Н Ц О В Ъ.

Навѣрное.

ТАТЬЯНА.

И могут арестовать?

СИНЦОВЪ.

Не думаю. За что?.. Говорилъ рѣчи? Но Захаръ Ивановичъ знаетъ, что я въ этихъ рѣчахъ призывалъ рабочихъ къ порядку...

ТАТЬЯНА.

А въ прошломъ у васъ... ничего?

СИНЦОВЪ.

У меня нѣтъ прошлаго... Такъ вотъ, поможете вы мнѣ? Я не беспокоилъ бы васъ... но я думаю, что всѣ, кто могъ бы спрятать эти вещи, завтра будутъ обысканы. За этотъ день страсти такъ сильно разыгрались, что всѣ разумные люди должны были выступить впередъ, угашая ихъ... (Смѣется тихонько)

ТАТЬЯНА (смущена).

Я буду говорить открыто... Мое положеніе въ домѣ не позволяетъ мнѣ смотрѣть на комнату, отведенную мнѣ, какъ на мою...

СИНЦОВЪ.

Не можете, значитъ. Ну, что-жь...

ТАТЬЯНА.

Не обижайтесь на меня!

С И Н Ц О В Ъ.

О, нѣтъ! Вашъ отказъ понятень...

Т А Т Ъ Я Н А.

Но, подождите, я поговорю съ Надеей...

(Идетъ. Синцовъ барабанитъ пальцами по столу, глядя вслѣдъ ей. Слышны осторожные шаги)

С И Н Ц О В Ъ (тихо).

Кто это?

Г Р Е К О В Ъ.

Я. Вы одни?

С И Н Ц О В Ъ.

Да. Тамъ ходятъ люди... Что на заводѣ?

Г Р Е К О В Ъ (усмѣхаясь).

Противно! Очень. Вы знаете, они рѣшили найти стрѣлявшаго. Теперь тамъ производятъ слѣдствіе. Нѣкоторые кричатъ: „соціалисты убили“! Вообще, запѣла шкура свою скверную пѣсню.

С И Н Ц О В Ъ.

Вы знаете—кто?

Г Р Е К О В Ъ.

Якимовъ.

С И Н Ц О В Ъ.

Неужели? Ахъ... не ожидалъ!—Такой славный, разумный парень... это странно!

ГРЕКОВЪ.

Горячъ онъ. Хочеть заявить... У него жена, ребенокъ... Ждутъ другого... Сейчасъ я говорилъ съ Лѣв-шинимъ. Онъ, конечно, сочиняетъ фантази: надо, говорить, подмѣнить Якимова кѣмъ-нибудь помельче...

СИНЦОВЪ.

Чудакъ... Но какъ это грустно и досадно! (Пауза) Вотъ что, Грековъ, зарывайте все въ землю... Спрятать негдѣ.

ГРЕКОВЪ.

Я нашель мѣсто. Телеграфистъ согласился все взять. Вамъ бы, Матвѣй Николаевичъ, уйти отсюда?

СИНЦОВЪ.

Нѣтъ, я не уйду.

ГРЕКОВЪ.

Арестуютъ васъ.

СИНЦОВЪ.

Ну, что-жъ! А если я уйду, это произведеть скверное впечатлѣнiе на рабочихъ. Ясно, что лучше...

ГРЕКОВЪ.

Это—такъ... Но жалко васъ.

СИНЦОВЪ.

А мнѣ вотъ Якимова жалко.

ГРЕКОВЪ.

Да. И ничѣмъ не поможешь!.. Хочеть заявить... Ну, до свиданія! А смѣшно на васъ смотрѣть въ роли начальника охраны хозайской собственности!

СИНЦОВЪ (улыбаясь).

Что подѣлаешь?.. Команда моя, важется, спать?

ГРЕКОВЪ.

Нѣтъ. Собрались кучками, разсуждаютъ. Хорошая ночь! Ну, пока до свиданія!

СИНЦОВЪ.

Я бы тоже ушелъ отсюда... да вотъ жду... Васъ, навѣрное, тоже арестуютъ.

ГРЕКОВЪ.

Посидимъ! Иду. (Уходитъ)

СИНЦОВЪ.

До свиданія! (Татьяна идетъ) Не трудитесь, Татьяна Павловна, все устроилось. До свиданія!

ТАТЬЯНА.

Мнѣ, право, очень грустно!

СИНЦОВЪ.

Доброй ночи!

(Уходитъ. Татьяна тихо шагаетъ, глядя на носки своихъ сапогъ. Идетъ Яковъ)

Яковъ.

Почему ты не идешь спать?

Татьяна.

Не хочу. Я думаю уѣхать отсюда...

Яковъ.

Да. А вотъ мнѣ—некуда ѣхать... я проѣхалъ уже мимо всѣхъ континентовъ и острововъ.

Татьяна.

Здѣсь тяжело. Все качается и странно кружить голову. Приходится лгать, а я этого не люблю.

Яковъ.

Гм... Ты этого не любишь... къ сожалѣнію для меня... къ сожалѣнію...

Татьяна

(говорить сама себѣ).

Но сейчасъ—я солгала. Зачѣмъ? Я же сама предложила поговорить съ Надеей... Она, конечно, согласилась бы спрятать эти вещи... но я не имѣю права толкать ее на такую дорогу. Они не очень церемонятся съ людьми...

Яковъ.

О комъ ты говоришь?

ТАТЬЯНА.

Я? О Синцовъ... Какъ это странно все... еще недавно жизнь была ясна, желанія опредѣленны...

Я К О В Ъ (тихо).

Талантливые пьяницы, красивые бездѣльники и прочіе веселыхъ спеціальностей люди, увы, перестали обращать на себя вниманіе!.. Пока мы стояли внѣ скучной суеты, нами любовались... Но суета становится все болѣе драматической... Кто-то кричитъ: „эй, комики и забавники, прочь со сцены!..“ Но сцена—это уже твоя область, Таня!

ТАТЬЯНА (безпокойно).

Моя область?.. Я думала, что я стою на сценѣ твердо... что могу вырасти высоко... (Съ тоской и силой) Мнѣ тяжело, мнѣ неловко передъ людьми, которые смотрять на меня холодными глазами и молча говорятъ: „мы это знаемъ. Это старо и скучно намъ!“ Я чувствую себя слабой, безоружной передъ ними... я не могу взять ихъ, не могу возбудить!.. Я хочу дрожать отъ страха, отъ радости, я хочу говорить слова, полныя огня, страсти, гнѣва... слова, острия, какъ ножи, горящія, точно факелы... я хочу бросить ихъ людямъ множество, бросить щедро, страшно!.. Пусть люди вспыхнуть, закричать, бросятся бѣжать... Я останавливаю ихъ и снова бросаю имъ слова, прекрасныя, какъ цвѣты, полныя надежды, радости, любви!.. Всѣ плачуть... и я тоже... такими хорошими слезами плачу!.. Мнѣ апплодируютъ, цвѣты меня душатъ... меня несутъ на рукахъ... На минуту я владыка людей... въ этой минутѣ жизнь... вся жизнь въ одной минутѣ.

Яковъ.

Да, я это знаю... Мы всё умѣемъ жить только минутами...

Татьяна.

Все лучшее всегда въ одной минутѣ. Какъ хочется другихъ людей—болѣ отзывчивыхъ, менѣ осторожныхъ!—другой жизни, не такой суетливой... жизни, въ которой искусство было бы всегда необходимо... всёми и всегда! Чтобы я не была лишней... (Яковъ смотритъ вo тьму, широко открывъ глаза) Что съ тобой? Зачѣмъ ты такъ пьешь? Это убило тебя... Ты былъ красивъ... былъ красивъ изнутри...

Яковъ.

Оставь...

Татьяна.

Ты чувствуешь, какъ мнѣ тяжело?

Яковъ

(съ ужасомъ).

Какъ бы я ни былъ пьянъ, я все понимаю... вотъ несчастье! Мозгъ съ проклятой настойчивостью работаетъ, работаетъ... всегда! И передо мною—морда, широкая, неумытая морда съ огромными глазами, которые спрашиваютъ: „ну“? Понимаешь, она спрашиваетъ только одно слово: „ну“

Полина (бѣжить).

Таня!.. Таня, прошу тебя, иди туда... Эта Клеопатра... она сошла съ ума! Она всёхъ оскорбляетъ... Ты, можешь быть, успокоишь ее.

ТАТЬЯНА (тоскливо).

Ахъ, да отстаньте вы отъ меня съ вашими дрязгами!.. Съѣшьте скорѣе другъ друга, но не мечитесь, не путайтесь подъ ногами у людей!

ПОЛИНА (испугалась).

Таня!.. что ты? что съ тобой?

ТАТЬЯНА.

Я васъ не понимаю! Чего вамъ нужно? Чего вы хотите? Что беспокоитъ васъ?

ПОЛИНА.

Да ты пойдѣ, посмотри на нее... она идетъ сюда!

ЗАХАРЪ

(его еще не видно).

Я васъ прошу—замолчите, наконецъ!

КЛЕОПАТРА (также).

Вы... это вы должны молчать передо мной!..

ПОЛИНА.

Она будетъ кричать здѣсь... тутъ ходятъ мужики... это ужасно. Таня, я прошу тебя...

ЗАХАРЪ (идетъ).

Послушайте... я, кажется, съума сойду!

КЛЕОПАТРА

(идеть за нимъ).

Вы отъ меня не убѣжите, я васъ заставлю выслушать меня!.. А, вы заигрывали съ рабочими, вамъ нужно ихъ уваженіе, и вы бросаете имъ жизнь человѣка, точно кусокъ мяса злымъ собакамъ! Вы гуманисты за чужой счетъ, за чужую кровь!

ЗАХАРЪ.

Что она говоритъ?

КЛЕОПАТРА.

Правду, предатели!..

ЯКОВЪ (Татьянѣ)

Ну, я этого не люблю. (Уходить)

ПОЛИНА.

Сударыня! Мы порядочные люди и не можемъ позволить кричать на насъ женщинѣ съ такой репутаціей...

ЗАХАРЪ (испуганно).

Молчи, Полина... ради Бога!

КЛЕОПАТРА.

Почему вы порядочные люди? Потому что болтаете о политикѣ? о несчастіяхъ народа? о прогрессѣ и гуманности, да?

ТАТЬЯНА.

Клеопатра Петровна!.. довольно!

КЛЕОПАТРА.

Я не говорю съ вами, нѣтъ! Вы здѣсь лишняя, это не ваше дѣло!.. Мой мужъ былъ честный человекъ... прямой и честный... Онъ зналъ народъ лучше васъ... Онъ не болталъ, какъ вы... А вы вашими подлыми глупостями предали, убили его!..

ТАТЬЯНА

(Полинѣ и Захару).

Да уйдите вы!

КЛЕОПАТРА.

Я сама уйду... Вы ненавистны мнѣ... всѣ ненавистны!
(Уходить)

ЗАХАРЪ.

Вотъ, бѣшенная баба... а?

ПОЛИНА

(со слезами).

Нужно бросить все... нужно уфхать! Такъ оскорблять людей...

ЗАХАРЪ.

И почему она такъ?.. Если бы она любила мужа, жила съ нимъ въ мирѣ... А то мѣняетъ каждый годъ по два любовника... и въ то же время—кричить!

ПОЛИНА.

Нужно продать завод!

ЗАХАРЪ
(съ досадою).

Бросить, продать... это не такъ, не то! Надо подумать... надо хорошенько подумать!.. Вотъ я сейчасъ говорилъ съ Николаемъ Васильевичемъ... эта баба во-рвалась и помѣшала намъ...

ПОЛИНА.

Онъ ненавидитъ насъ, Николай Васильевичъ... онъ золь!

ЗАХАРЪ (успокаиваясь).

Онъ слишкомъ озлобленъ и потрясенъ, но онъ умный человекъ и у него нѣтъ причинъ ненавидѣть насъ. Его связываютъ со мной теперь, послѣ смерти Михаила, исполнѣ реальныя интересы... да!

ПОЛИНА.

Я ему не вѣрю, я боюсь его... онъ тебя обманетъ!

ЗАХАРЪ.

Ахъ, Полина, это все пустяки!.. Онъ очень разумно судить... да! Каждая высота, говоритъ онъ, открываетъ строго опредѣленный горизонтъ... Гм... да! Это—ясно! И если я, желая видѣть больше, чѣмъ это физически возможно, буду тянуться выше, я упаду или буду смѣшенъ... Здѣсь есть правда!.. Дѣло въ томъ, что въ моихъ отношеніяхъ съ рабочими я выбралъ шаткую

позицію... въ этомъ надо сознаться. Вечеромъ, когда я говорилъ съ ними... о, Полина, эти люди слишкомъ враждебно настроены, они слишкомъ остро смотрять...

ПОЛИНА.

Я говорила тебѣ... говорила! Они всегда—враги! (Гатьяна идетъ прочь и тихо смѣется. Полина глядитъ на нее и, нарочно повышая голосъ, продолжаетъ) Намъ всѣ враги! Всѣ завидуютъ... и потому бросаются на насъ!..

ЗАХАРЪ

(быстро ходить).

Ну, да... отчасти такъ, конечно! Николай Васильевичъ говоритъ: не борьба классовъ, а борьба расъ—бѣлой и черной!.. Это, разумѣется, грубо, это натяжка... но, если подумать, что мы, культурные люди, мы создали науки, искусства и прочее... Равенство... фیزیологическое равенство... гм... да! Хорошо. Но сначала, будьте людьми, приобщитесь культурѣ... потомъ будемъ говорить о равенствѣ!..

ПОЛИНА (вслушиваясь).

Я не понимаю, что ты говоришь... Это новое у тебя...

ЗАХАРЪ.

Все это схематично, недодумано... это напоръ мыслей... но въ этомъ есть нѣчто цѣнное! Надо понять себя, вотъ въ чемъ дѣло!..

ПОЛИНА

(береть его за руку).

Ты слишкомъ мягокъ, мой другъ, вотъ отчего тебѣ такъ трудно!

ЗАХАРЪ.

Мы мало знаемъ и часто удивляемся... Вотъ, напримеръ, Синцовъ: онъ удивилъ меня, расположилъ меня къ себѣ... такая простота, такая ясная логика!.. Оказывается, онъ социалистъ, вотъ откуда простота и логика!..

ПОЛИНА.

Да, да... онъ обращаетъ на себя вниманіе... такое неприятное лицо!.. Но ты отдохнуй бы... пойдемъ, а?

ЗАХАРЪ

(идетъ за ней).

И еще одинъ рабочій, Грековъ... ужасно заносчивъ! Сейчасъ намъ съ Николаемъ Васильевичемъ вспомнилась его рѣчь... Мальчишка... но такъ говорить... съ такимъ нахальствомъ...

(Ушли. Тишина. Гдѣ-то поютъ пѣсню. Потомъ раздаются тихіе голоса. Появляются Ягодинъ, Лѣвшинъ и Рябцовъ, молодой парень. Онъ часто встряхиваетъ головой; лицо добродушное, круглое. Всѣ трое останавливаются у деревьевъ)

ЛѢВШИНЪ

(тихо, таинственно).

Тутъ, Пашокъ, дѣло товарищеское.

РЯБЦОВЪ.

Знаю я...

ЛѢВШИНЪ.

Дѣло общее, человѣческое... Теперь, братъ, всякая хорошая душа большую цѣну имѣетъ. Поднимается

народъ раузомъ, слушаетъ, читаетъ, думаетъ... Люди, которые кое-что поняли, дороги...

Я Г О Д И Н Ъ.

Это вѣрно, Пашокъ...

Р Я В Ц О В Ъ.

Знаю... Чего же? Я пойду.

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Зря никуда идти не надо, надо понять... Ты молодой, а это каторга...

Р Я В Ц О В Ъ.

Ничего. Я убѣгу...

Я Г О Д И Н Ъ.

Можетъ, и не каторга! Для каторги тебѣ, Пашокъ, года не вышли...

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Будемъ говорить—каторга! Въ этомъ дѣлѣ страшное—лучше. Ежели человѣкъ и каторги не боится, значить, рѣшилъ твердо!

Р Я В Ц О В Ъ.

Я рѣшилъ.

Я Г О Д И Н Ъ.

Погоди. Подумай...

Р Я В Ц О В Ъ.

Чего же думать? Убили, такъ кто-нибудь долженъ терпѣть за это...

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Вѣрно! Долженъ. Мы по чести—вашего вышибли, нашимъ платимъ! А ежели одному не пойти, многихъ потревожатъ. Потревожатъ лучшихъ, которые дороже тебя, Пашокъ, для товарищескаго дѣла.

Р Я В Ц О В Ъ.

Да вѣдь я ничего не говорю. Хоть молодой, а я понимаю,—намъ надо цѣпью... крѣпче другъ за друга...

Л Ъ В Ш И Н Ъ (вздохнувъ).

Вѣрно. Мы, братъ, одни на землѣ...

Я Г О Д И Н Ъ (улыбаясь).

Соединимся, окружимъ, тиснемъ и готово.

Р Я В Ц О В Ъ.

Ладно. Я ужъ кончилъ это. Чего же? Я одинъ, мнѣ и слѣдуетъ. Только противно, что за такую кровь...

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

За товарищей, а не за кровь.

Р Я В Ц О В Ъ.

Нѣтъ, я про то, что человѣкъ онъ былъ ненавистный... Злой очень...

8*

Л Ъ В Ш И Н Ъ .

Злого и убить. Добрый самъ помретъ, онъ людямъ не помѣха.

Ну, все?

Р Я В Ц О В Ъ .

Я Г О Д И Н Ъ .

Все, Пашокъ! Такъ, значитъ, завтра утромъ скажешь...

Р Я В Ц О В Ъ .

Да чего же до завтра-то? Я говорю: я иду!

Л Ъ В Ш И Н Ъ .

Нѣтъ, ты лучше завтра скажи! Ночь, какъ мать, она добрая совѣтчица...

Р Я В Ц О В Ъ .

Ну, ладно... Я пойду теперь?

Л Ъ В Ш И Н Ъ .

Съ Богомъ!

Я Г О Д И Н Ъ .

Иди, братъ, иди твердо...

(Рябцовъ уходитъ не свѣша.
Ягодинъ вертитъ палку въ рукахъ,
разсматривая ее. Лѣвшинъ смотритъ
въ небо)

Л Ъ В Ш И Н Ъ (тихо).

Хорошій народъ расти началъ, Тимофей!

Я Г О Д И Н Ъ .

По погодѣ и чеснокъ...

ЛЪВШИНЪ.

Эдакъ-то поидеть, выправимся мы.

ЯГОДИНЪ (грустно).

Жалко парня-то...

ЛЪВШИНЪ (тихо).

Какъ не жалко! И мнѣ жалко. Душа милая такая, а вотъ иди-ка въ тюрьму, да еще по нехорошему дѣлу. Одно ему утѣшеніе: за товарищей пропасть.

ЯГОДИНЪ.

Да-а... Жалко...

ЛЪВШИНЪ.

Ты... молчи ужъ!.. Эхъ, напрасно Андрей куроку спустилъ! Что сдѣлаешь убійствомъ? Ничего не сдѣлаешь! Одного пса убить—хозяину другого купить... вотъ и вся сказка!

ЯГОДИНЪ (грустно).

Сколько нашего брата погибаетъ...

ЛЪВШИНЪ.

Идемъ, караульный, хозяйское добро сторожить! (Идутъ)
О, Господи!..

ЯГОДИНЪ.

Чего ты?

ЛЪВШИНЪ.

Тяжело! Скорѣ бы распутать жизнь-то!

ЗАНАВѢСЪ.

"Маша"

М. Горькій. Вриси.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая комната въ домѣ Бардиныхъ. Въ задней стѣнѣ четыре окна и дверь, выходящая на террасу; за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочихъ, среди нихъ Лѣвшинъ, Грековъ. Комната имѣетъ нежилой видъ: мебели мало, она стара, разнообразна, на стѣнахъ отклеились обои. У правой стѣны поставленъ большой столъ. Коновъ сердито двигаетъ стульями, разставляя ихъ вокругъ стола. Аграфѣна мететъ полъ. Въ лѣвой стѣнѣ большая, двухстворчатая дверь, въ правой тоже.

А Г Р А Ф Е Н А .

На меня сердиться не за что...

К О Н Ъ .

Я не сержусь. Мнѣ наплевать на всѣхъ... Я, слава Богу, умру скоро... У меня ужъ сердце останавливается.

А Г Р А Ф Е Н А .

Всѣ умремъ... хвастаться нечѣмъ...

К О Н Ъ .

Будеть ужъ... омерзѣло все! Въ шестьдесятъ пять лѣтъ пакости какъ орѣхи... зубовъ у меня нѣтъ заниматься ими... Нахватали народу... мочать его на дождѣ...

(Изъ лѣвой двери выходятъ
ротмистръ Бобовъдовъ и Ни-
кола й)

Б О В О В Д О В Ъ (весело).

Вотъ и залъ засѣданія, чудесно! Такъ, значить, вы при исполненіи служебныхъ обязанностей?

Н И К О Л А Й.

Да, да! Конь, позовите вахмистра!

Б О В О В Д О В Ъ.

И мы подаемъ это блюдо такъ: въ центрѣ этотъ... какъ его?

Н И К О Л А Й.

Синцовъ.

Б О В О В Д О В Ъ.

Синцовъ... трогательно! А вокругъ него — пролетаріи всѣхъ странъ?.. Такъ! Это радуетъ душу... А милый человекъ здѣшній хозяинъ... очень! У насъ о немъ думали хуже. Свояченицу его я знаю—она играла въ Воронежѣ... превосходная актриса, долженъ сказать! (Жвачъ входитъ съ террасы) Ну, что, Квачъ?

К В А Ч Ъ.

Всѣхъ обыскали, ваше благородіе!

Б О В О В Д О В Ъ.

Да. Ну, и что же?

К В А Ч Ъ.

Да у нѣкоторыхъ оказалось, а у нѣкоторыхъ ничего не оказалось... спрятали! Докладаю: становой очень торопится, ваше благородіе, и невнимателенъ къ занятіямъ.

Б О В О В Д О В Ъ.

Ну, конечно, полиція всегда такъ! У арестованныхъ нашли что-нибудь?

К В А Ч Ъ.

У Лѣвшина за образами оказалось.

Б О В О В Д О В Ъ.

Принеси все въ мою комнату.

К В А Ч Ъ.

Слушаю! Молодой жандармъ, ваше благородіе, который недавній, изъ драгунъ который...

Б О В О В Д О В Ъ.

Что такое?

К В А Ч Ъ.

Тоже невнимателенъ къ занятіямъ.

Б О В О В Д О В Ъ.

Ну, ужъ ты самъ съ нимъ справляйся. Иди! (Квачъ уходитъ) Вотъ, знаете, птица этотъ Квачъ! Съ виду такъ себѣ и даже, какъ-будто, глупъ, а нюхъ—собачій!

Н И К О Л А Й.

Вы, Богданъ Денисовичъ, обратите вниманіе на этого конторщика...

Б О В О В Д О В Ъ.

Какъ же, какъ же! Мы его прижмемъ!

Н И К О Л А Й.

Я говорю о Пологомъ, а не о Синцовѣ. Онъ, мнѣ кажется, вообще можетъ быть полезенъ.

В О В О Ъ Д О В Ъ .

А, этотъ нашъ собесѣдникъ! Ну, разумѣется, мы его пристроимъ...

(Н и к о л а й идетъ къ столу и аккуратно раскладываетъ на немъ бумаги)

К Л Е О П А Т Р А

(въ дверяхъ направо).

Ротмистръ, хотите еще чаю?

В О В О Ъ Д О В Ъ .

Благодарю васъ, пожалуйста! Красиво здѣсь... очень! Чудесная мѣстность!.. А вѣдь я г. Луговую знаю! Какъ же,—она въ Воронежѣ играла?

К Л Е О П А Т Р А .

Да, кажется, играла... Ну, а что ваши обыски, нашли вы что-нибудь?

В О В О Ъ Д О В Ъ (любезно).

Все, все нашли! Мы найдемъ, не беспокойтесь! Для насъ даже тамъ гдѣ ничего нѣтъ, всегда что-нибудь есть...

К Л Е О П А Т Р А .

Я очень рада... очень! Покойникъ смотрѣлъ легко на всѣ эти прокламаціи... онъ говорилъ, что бумага не дѣлаетъ революціи...

В О В О Ъ Д О В Ъ .

Гм... Это не совсѣмъ вѣрно!

КЛЕОПАТРА.

И называлъ прокламаціи—предписанія, исходящія изъ тайной канцеляріи явныхъ идіотовъ къ дуракамъ.

БОВОВДОВЪ (смѣясь).

Это мѣтко... хотя тоже невѣрно!

КЛЕОПАТРА.

Но вотъ они отъ бумажекъ перешли къ дѣлу.

БОВОВДОВЪ.

Вы будьте увѣрены, что они понесутъ строжайшее наказаніе, строжайшее!

КЛЕОПАТРА.

Это меня очень утѣшаетъ. При васъ мнѣ сразу стало какъ-то легче... свободнѣе!

БОВОВДОВЪ.

Наша обязанность вносить въ общество бодрость...

КЛЕОПАТРА.

И такъ отрадно видѣть довольнаго, здороваго человека... вѣдь это рѣдкость!

БОВОВДОВЪ.

О, у насъ, въ корпусѣ жандармовъ, мужчины на подборъ!

КЛЕОПАТРА.

Пойдемте же къ столу!..

БОВОВДОВЪ (идеть).

Съ удовольствіемъ! А, скажите, въ этотъ сезонъ, гдѣ будетъ играть г. Луговая?

(Съ террасы входятъ Татьяна и Надя)

НАДЯ (взволнованно).

Ты видѣла, какъ посмотрѣлъ на насъ старикъ... Ефимычъ?

ТАТЬЯНА.

Видѣла.

НАДЯ.

Какъ это все нехорошо... какъ стыдно! Николай Васильевичъ, зачѣмъ это? За что ихъ арестовали?

НИКОЛАЙ (сухо).

Причинъ для арестовъ болѣе, чѣмъ достаточно... вы не безпокойтесь! И, попрошу васъ, не ходите черезъ террасу, пока тамъ эти...

НАДЯ.

Не будемъ .. не будемъ...

ТАТЬЯНА

(смотреть на Николая).

И Синцовъ арестованъ?

Н И К О Л А Й.

И г. Синцовъ арестованъ.

Н А Д Я

(ходитъ по комнатѣ).

Семнадцать человѣкъ! Тамъ, у воротъ, плачутъ жены... а солдаты толкаютъ ихъ, смѣются! Скажите солдатамъ, чтобы они хоть вели себя прилично!

Н И К О Л А Й.

Это меня не касается. Солдатами командуетъ поручикъ Стрепетовъ.

Н А Д Я.

Пойду попрошу его...

(Уходитъ въ дверь направо.
Татьяна улыбаясь подошла
къ столу)

Т А Т Ъ Я Н А.

Послушайте, кладбище законовъ, какъ васъ называютъ генераль...

Н И К О Л А Й.

Генераль не кажется мнѣ остроумнымъ человѣкомъ. Я бы не повторялъ его острова.

Т А Т Ъ Я Н А.

Я ошиблась, онъ называетъ васъ—гробъ законовъ. Васъ это сердить?

НИКОЛАЙ.

Просто, я не расположенъ шутить.

ТАТЬЯНА.

Будто вы такой серьезный?..

НИКОЛАЙ.

Напомню вамъ—вчера убили моего брата.

ТАТЬЯНА.

Да вамъ-то что до этого?

НИКОЛАЙ.

Позвольте... какъ?

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Не надо никакихъ ужимокъ! Вамъ не жалко брата... Дайте мнѣ руку и будемъ ходить... такъ. Вамъ никого не жалко... вотъ, какъ мнѣ, напримѣръ. Смерть, т. е. неожиданность смерти, на всѣхъ скверно дѣйствуетъ... но, увѣряю васъ,—вамъ ни одной минуты не было жалко брата настоящей, человѣческой жалостью... нѣтъ ея у васъ!

НИКОЛАЙ

(съ усиленіемъ).

Это интересно. Но, что вы хотите отъ меня?

ТАТЬЯНА.

Вы не замѣчаете, что мы съ вами родственныя души? Нѣтъ? Напрасно! Я актриса, человѣкъ холодный, же-

лающей всегда только одного—играть хорошую роль. Вы тоже хотите играть хорошую роль и тоже бездушное существо. Скажите, вамъ хочется быть прокуроромъ, а?

Н И К О Л А Й (негромко).

Я хочу, чтобы вы кончили это...

Т А Т Ъ Я Н А
(помолчавъ смѣется).

Нѣтъ, я не способна къ дипломатіи. Я шла къ вамъ съ цѣлью... я хотѣла быть любезной съ вами, обворожительной... Но увидала васъ и начала говорить дерзости... Вы всегда вызываете у меня желаніе наговорить вамъ обидныхъ словъ... ходите вы или сидите, говорите или молча осуждаете людей... Да, я хотѣла васъ просить...

Н И К О Л А Й (усмѣхаясь).

Догадываюсь о чемъ!

Т А Т Ъ Я Н А.

Можетъ быть. Но теперь это уже бесполезно, да?

Н И К О Л А Й.

Теперь и раньше—все равно. Г. Сянцовъ скомпрометированъ очень сильно.

Т А Т Ъ Я Н А.

Вы чувствуете маленькое удовольствіе, говоря мнѣ это? Такъ?

НИКОЛАЙ.

Да... не скрою.

ТАТЬЯНА (вздохнувъ).

Вотъ, видите, какъ мы похожи другъ на друга. Я тоже очень мелочная и злая... Скажите, Синцовъ всецѣло въ вашихъ рукахъ... именно въ вашихъ?

НИКОЛАЙ.

Конечно!

ТАТЬЯНА.

А если я попрошу васъ оставить его?

НИКОЛАЙ.

Это не будетъ имѣть успѣха.

ТАТЬЯНА.

Даже если я очень попрошу васъ?

НИКОЛАЙ.

Все равно... Удивляюсь вамъ!

ТАТЬЯНА.

Да? Почему?

НИКОЛАЙ.

Вы—красавица... женщина, несомнѣнно, оригинальнаго склада ума... у васъ чувствуется характеръ. Вы имѣете десятки возможностей устроить свою жизнь роскошно, красиво... и занимаетесь какимъ-то ничтожествомъ. Экспентричность—болѣзнь. И всякаго интел-

лигентнаго человѣка вы должны возмущать... Кто цѣ-
нить женщину, кто любить красоту, тотъ не проститъ
вамъ подобныхъ выходовъ!

Т А Т Ъ Я Н А

(смотришь на него съ любопытствомъ).

Итакъ, я осуждена... увы! Синцовъ тоже?

Н И К О Л А Й.

Вечеромъ этотъ господинъ поведетъ въ тюрьму.

Т А Т Ъ Я Н А.

Рѣшено?

Н И К О Л А Й.

Да.

Т А Т Ъ Я Н А.

Никакихъ уступокъ изъ любезности къ дамѣ? Не
вѣрю! Если-бъ я сильно захотѣла, вы отпустили бы
Синцова.

Н И К О Л А Й (глухо).

Попробуйте захотѣть... попробуйте.

Т А Т Ъ Я Н А.

Не могу. Не умѣю... Но, все-таки, скажите правду —
сказать однажды правду, это не трудно, — вы отпу-
стили бы?

Н И К О Л А Й

(не сразу).

Не знаю...

ТАТЬЯНА.

А я знаю! (Помолчавъ вздохнула) Какія мы съ вами оба дряни...

НИКОЛАЙ.

Однако, есть вещи, которыя нельзя прощать и женщинамъ!

ТАТЬЯНА (небрежно).

Ну, что тамъ? Мы одни... никто насъ не слышитъ. Вѣдь я имѣю право сказать вамъ и себѣ, что оба мы...

НИКОЛАЙ.

Прошу васъ... я не хочу болѣе слушать...

ТАТЬЯНА

(настойчиво, спокойно).

А, все-таки, вы цѣните эти ваши принципы ниже поцѣлуя женщины!

НИКОЛАЙ.

Я уже сказалъ, что не хочу васъ слушать.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Такъ уходите. Развѣ я васъ держу?

(Онъ быстро уходитъ. Татьяна кутается въ шаль, стоитъ среди комнаты и смотритъ на террасу. Изъ двери съ правой стороны идутъ Надя и поручикъ)

П О Р У Ч И К Ъ .

Солдаты никогда не обижаетъ женщину, даю вамъ честное слово! Женщина для него—святыня...

Н А Д Я .

Вотъ, вы увидите...

П О Р У Ч И К Ъ .

Это невозможно! Только въ арміи еще сохранилось рыцарское отношеніе къ женщинѣ...

(Проходятъ въ дверь налѣво. Идутъ
Полина, Захаръ и Яковъ)

З А Х А Р Ъ .

Видишь ли, Яковъ...

П О Л И Н А .

Вы подумайте, какъ же иначе?

З А Х А Р Ъ .

Тутъ реальность, необходимость...

Т А Т Ъ Я Н А .

Что такое?

Я К О В Ъ .

Вотъ отпѣваютъ меня...

ПОЛИНА.

Удивительная жестокость! Всѣ нападаютъ на насъ! И даже Яковъ Ивановичъ, всегда такой мягкій... Но развѣ мы вызывали солдатъ? И никто не приглашалъ жандармовъ. Они всегда сами являются.

ЗАХАРЪ.

Обвинять меня за эти аресты...

ЯКОВЪ.

Я не обвиняю...

ЗАХАРЪ.

Ты не говоришь прямо, но я чувствую...

ЯКОВЪ (Гатьянѣ).

Я сижу, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ—„что, братъ?“ А я сказалъ—„противно, братъ?“.. вотъ и все!

ЗАХАРЪ.

Но надо же понять, что пропаганда социализма въ такой формѣ, какъ это дѣлается у насъ, нигдѣ невозможна, нигдѣ недопустима...

ПОЛИНА.

Занимайтесь политикой, это всѣмъ нужно, но причемъ тутъ социализмъ?—Вотъ что говоритъ Захаръ. И онъ правъ!

Я К О В Ъ (угрюмо).

Какой же социалист старикъ Лѣвшинъ? Просто, онъ заработался и бредить... отъ усталости...

З А Х А Р Ъ.

Они всѣ бредятъ!

П О Л И Н А.

Надо щадить людей, господа! Мы такъ измучены!

З А Х А Р Ъ.

Ты думаешь, мнѣ не тяжело, что вотъ у меня въ домѣ устраивается судилище? Но все это—затѣи Николая Васильевича, а спорить съ нимъ послѣ такой драмы... было бы невозможно!

К Л Е О П А Т Р А

(быстро идетъ).

Вы слышали? Убійца найденъ... Сейчасъ его приведутъ сюда.

Я К О В Ъ (ворчить).

Ну вотъ...

Т А Т Ъ Я Н А.

Кто это?

К Л Е О П А Т Р А.

Какой-то мальчишка... Я рада... Можетъ быть, съ точки зрѣнія гуманности это и нехорошо, но я—рада! И если онъ—мальчишка, я бы велѣла его пороть каждый день до суда... Николай Васильевичъ гдѣ?.. Не видали?

(Идетъ въ дверь налѣво, навстрѣчу ей генералъ)

ГЕНЕРАЛЪ (угрюмо).

Ну вотъ!.. Стоять всѣ, какъ мокрая курица.

ЗАХАРЪ.

Непріятно, дядя.

ГЕНЕРАЛЪ.

Жандармы? Да... этотъ ротмистръ порядочный нахаль! Мнѣ хочется сыграть съ нимъ штуку... Они не останутся ночевать?

ПОЛИНА.

Я думаю нѣтъ... зачѣмъ же?

ГЕНЕРАЛЪ.

Жаль! А то бы... ведро холодной воды на него, когда онъ ляжетъ спать! Это дѣлали у меня въ корпусѣ съ трусливыми кадетами... Ужасно смѣшно, когда голый и мокрый человѣкъ прыгаетъ и оретъ!..

КЛЕОПАТРА

(стоя въ дверяхъ).

Богъ знаетъ, что вы говорите, генераль! И почему? Ротмистръ очень приличный человѣкъ и удивительно дѣятельный... явился и всѣхъ переловилъ! Это надо цѣнить! (Уходитъ)

ГЕНЕРАЛЪ.

Гм... для нея всѣ мужчины съ большими усами—приличные люди! Каждый долженъ знать свое мѣсто, вотъ что... Именно—въ этомъ порядочность! (Идетъ въ двери налѣво) Каждый твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ... Эй, Конь! Я тебя ищу... въ палатку натекла вода...

П О Л И Н А (негромко).

Она, положительно, чувствует здѣсь себя хозяйкой. Вы посмотрите, какъ она себя ведетъ!.. Невоспитанная, грубая...

З А Х А Р Ъ.

Скорѣе кончалось бы все это! Такъ хочется покоя, мира... нормальной жизни!

Н А Д Я (вбѣгаетъ).

Тетя Таня, онъ глушь, этотъ поручикъ!.. И онъ, должно быть, бьетъ солдатъ... Кричить, дѣлаетъ страшное лицо... Дядя, надо, чтобы къ арестованнымъ пустили женъ... тутъ есть пять человѣкъ женатыхъ!.. Ты поди, скажи этому жандарму... оказывается, онъ тутъ главный.

З А Х А Р Ъ.

Видишь ли, Надя...

Н А Д Я.

Вижу, ты не идешь!.. Иди, иди скажи ему!.. Тамъ плачутъ... Иди же!

З А Х А Р Ъ (уходя).

Я думаю, это бесполезно...

П О Л И Н А.

Ты, Надя, всегда всѣхъ тревожишь!

НАДЯ.

Это вы всѣхъ тревожите...

ПОЛИНА.

Мы? Ты подумай...

НАДЯ (возбужденно).

Всѣ мы: и я, и ты, и дядя... это мы всѣхъ тревожимъ! Ничего не дѣлаемъ, а все изъ-за насъ... И солдаты, и жандармы, и все! Эти аресты—тоже... и бабы плачуть... все изъ-за насъ!

ТАТЬЯНА.

Поди сюда, Надя...

НАДЯ (подходить).

Ну, пришла... ну, что?

ТАТЬЯНА.

Сядь и успокойся... Ты ничего не понимаешь, ничего не можешь сдѣлать...

НАДЯ.

А ты даже сказать вичего не можешь! И не хочу я успокоиться, не хочу!

ПОЛИНА.

Твоя покойница мать, говоря о тебѣ, была права,—ужасный характеръ!

Н А Д Я.

Да, она была права... Она работала и ѣла свой хлѣбъ
А вы, что вы дѣлаете? Чей хлѣбъ ѣдите вы?

П О Л И Н А.

Вотъ, начинается! Надежда, я тебя прошу оставить
этотъ тонъ... что за окрики на старшихъ!

Н А Д Я.

Да вы не старшіе! Ну, какіе вы старшіе?... Просто—
старые вы!

П О Л И Н А.

Таня, право, это все твои идеи! И ты должна ска-
зать ей, что она глупая дѣвочка...

Т А Т Ъ Я Н А

Слышишь, ты—глупая дѣвочка...

Н А Д Я.

Ну, вотъ. И больше вы ничего не можете сказать!..
ничего! Вы даже защищать себя не умѣете... удиви-
тельные люди! Вы, право, всѣ какіе-то лишніе, даже
здѣсь, въ вашемъ домѣ—лишніе!

П О Л И Н А (строго).

Ты понимаешь, что ты говоришь?..

НА ДЯ.

Пришли къ вамъ жандармы, солдаты, какіе-то дурачки съ усиками, распоряжаются, пьютъ чай, гремятъ саблями, звенятъ шпорами, хохочуть... и хватаютъ людей, кричатъ на нихъ, грозятъ имъ, женщины плачутъ... Ну, а вы? При чемъ тутъ вы? Васъ куда-то затолкали въ углы...

ПОЛИНА.

Пойми, ты говоришь вздоръ! Эти люди пришли защищать насъ.

НА ДЯ (горестно).

Ахъ, тетя! Солдаты не могутъ защитить отъ глупости, не могутъ!

ПОЛИНА (возмущена).

Что-о?

НА ДЯ

(протягивая къ ней руки).

Ты не сердись! Я это о всѣхъ говорю! (Полина быстро уходитъ) Вотъ... убѣжала! Скажетъ дядѣ, что я груба, строптива... дядя будетъ говорить длинную рѣчь... и всѣ мухи умрутъ со скуки!

ТАТЬЯНА (задумчиво).

Какъ ты будешь жить? Не понимаю!

НА ДЯ

(обводя руками кругомъ себя).

Не такъ! Ни за что—такъ! Я не знаю, что я буду дѣлать... но ничего не сдѣлаю такъ, какъ вы! Сейчасъ

иду мимо террасы съ этимъ офицеромъ... а Грековъ смотритъ, курить... и глаза у него смѣются. Но вѣдь онъ знаетъ, что его... въ тюрьму? Видишь! Тѣ, которые живутъ, какъ хотятъ, они ничего не боятся... Имъ весело! Мнѣ стыдно смотрѣть на Ефимыча, на Грекова... другихъ я не знаю, но эти! Этихъ я никогда не забуду... Вотъ идетъ дурачекъ съ усиками!.. у-у!

Б О Б О В Д О В Ъ (входить).

Какъ страшно! Кого это вы пугаете?

Н А Д Я.

Я васъ боюсь... Вы пустите женщинъ къ мужьямъ, да?

Б О Б О В Д О В Ъ.

Нѣтъ, не пушу. Я—злой!

Н А Д Я.

Конечно, если вы жандармъ. Почему вы не хотите пустить женщинъ?

Б О Б О В Д О В Ъ (любезно).

Сейчасъ—невозможно! А вотъ потомъ, когда ихъ повезутъ, я разрѣшу проститься.

Н А Д Я.

Но почему же невозможно! Вѣдь это отъ васъ зависитъ?

Б О В О Ъ Д О В Ъ .

Отъ меня... т. е.—отъ закона!

Н А Д Я .

Ну, какой тамъ законъ? Пустите... я васъ прошу!

Б О В О Ъ Д О В Ъ .

Какъ это—какой законъ? И вы тоже законы отрицаете? Ай-яй-яй!

Н А Д Я .

Не говорите со мной такъ! Я не ребенокъ...

Б О В О Ъ Д О В Ъ .

Не вѣрю! Законы отрицають только дѣти и революціонеры ..

Н А Д Я .

Такъ вотъ я революціонерка.

Б О В О Ъ Д О В Ъ (смѣясь).

О! тогда васъ надо въ тюрьму... арестовать и въ тюрьму...

Н А Д Я (съ тоской).

Ахъ, не надо шутить! Пустите ихъ!

Б О В О Ъ Д О В Ъ .

Не могу. Законъ!

НАДЯ.

Дурацкій законъ!

БОБОВЪДОВЪ (серьезно).

Гм... это вы напрасно! Если вы не дитя, какъ вы говорите, вы должны знать, что законъ установленъ властью и безъ него невозможно государство.

НАДЯ (горячо).

Законъ, власти, государство... фу, Боже мой! Но вѣдь это для людей?

БОБОВЪДОВЪ.

Гм... я думаю! т. е. прежде всего — для порядка!

НАДЯ.

Такъ это тоже никуда не годится, если люди плачутъ. И ваши власти, и государство, все это не нужно, если люди плачутъ! Государство... какая глупость! Зачѣмъ оно мнѣ? (Идетъ къ двери) Государство? Ничего не понимаютъ, а говорятъ!

(Уходитъ. Бобовъдовъ нѣсколько растерялся)

БОБОВЪДОВЪ (Татьянѣ).

Оригинальная барышня! Но — опасное направлениѣ ума... Ея дядюшка, кажется, человѣкъ либеральныхъ взглядовъ, да?

ТАТЬЯНА.

Вамъ это лучше знать. Я не знаю, что такое либеральный человѣкъ.

Б О В О Ъ Д О В Ъ .

Ну, какъ же? Это всѣ знаютъ!.. Неуваженіе ко власти—вотъ и либерализмъ!.. А вѣдь я васъ, м-те Луговая, видѣлъ въ Воронежѣ... какъ же! Наслаждался вашей тонкой, удивительно-тонкой игрой! Можетъ быть, вы замѣтили, я всегда сидѣлъ рядомъ съ кресломъ вице-губернатора? Я тогда былъ адъютантомъ при управленіи...

Т А Т Ъ Я Н А .

Не помню... Можетъ быть. Въ каждомъ городѣ есть жандармы, неправда ли?

Б О В О Ъ Д О В Ъ .

О, еще бы! обязательно въ каждомъ! И долженъ вамъ сказать, что мы, администрація... именно мы являемся истинными цѣнителями искусства! Пожалуй, еще купечество. Возьмите, напримѣръ, сборы на подарокъ любимому артисту въ его бенефисъ... на подписномъ листѣ вы обязательно увидите фамиліи всѣхъ жандармскихъ офицеровъ. Это, такъ сказать, традиція! Гдѣ вы играете будущій сезонъ?

Т А Т Ъ Я Н А .

Еще не рѣшила... Но, конечно, въ городѣ, гдѣ непременно есть истинные цѣнители искусства!.. Вѣдь это неустраимо?

Б О В О Ъ Д О В Ъ .

(не понялъ).

О, конечно! Въ каждомъ городѣ они есть, обязательно! Люди, все-таки, становятся культурнѣе... понемножку!

К в а ч ъ.

(съ террасы).

Ваше благородіе! Ведуть этого... который стрѣлялъ!
Куда прикажете?

В о в о ъ д о в ъ.

Сюда... введи всѣхъ ихъ! Позови товарища прокурора. (Татьянѣ) Извиняюсь!.. Долженъ немножко заняться дѣломъ.

Т а т ь я н а.

Вы будете допрашивать?

В о в о ъ д о в ъ (любезно).

Чуть-чуть, поверхностно, чтобы познакомиться съ людьми... маленькая переключка, такъ сказать!

Т а т ь я н а.

Мнѣ можно послушать?

В о в о ъ д о в ъ.

Гм... Вообще это не принято у насъ... въ политическихъ дѣлахъ. Но это уголовное дѣло, мы находимся не у себя и мнѣ хочется доставить вамъ удовольствіе...

Т а т ь я н а.

Меня не будетъ видно... Я вотъ отсюда посмотрю.

В о в о ъ д о в ъ.

Прекрасно! Я очень радъ, и хоть чѣмъ-нибудь отплатить вамъ за тѣ наслажденія, которыя испытывалъ,

видя васъ на сценѣ. Я только возьму нѣкоторыя бумаги.

(Онъ уходитъ. Съ террасы двое пожилыхъ рабочихъ вводятъ подъ руки Ряцова. Сбоку идетъ Конь, заглядывая ему въ лицо. За ними Лѣвшинъ, Ягодинъ, Греховъ и еще нѣсколько рабочихъ. Жандармы)

Р Я Ц О В Ъ (сердито).

Зачѣмъ руки связали? Развяжите... ну!

Л Ѣ В Ш И Н Ъ.

Вы, братцы, развяжите руки ему!.. Зачѣмъ обижать человѣка?

Я Г О Д И Н Ъ.

Не убѣжить!

О Д И Н Ъ И З Ъ Р А Б О Ч И Х Ъ.

Для порядку—надо! По закону требуется, чтобы вязать...

Р Я В Ц О В Ъ.

Не хочу я этого! Развязывай!

Д Р У Г О Й Р А Б О Ч И Й (Квачу).

Г. жандармъ! можно? Парень смирный... Мы диву даемся... какъ это онъ?

К В А Ч Ъ.

Можно. Развяжи... ничего!

КОНЬ (внезапно).

Вы его напрасно схватили!.. Когда тамъ стрѣляли— онъ на рѣкѣ былъ... я его видѣлъ и генералъ видѣлъ! (Рябцову) Ты чего молчишь, дуракъ? Ты говори—не я, молъ, стрѣлялъ... чего ты молчишь?

Нѣтъ, это я.

РЯБЦОВЪ (твердо).

ЛѢВШИНЪ.

Ужъ ему, кавалеръ, лучше знать, кто.

Я.

РЯБЦОВЪ.

КОНЬ (кричить).

Врешь ты! Пакостникъ... (Входятъ Бобовдовъ и Николай Скроботовъ) Ты въ тотъ часъ въ лодкѣ по рѣкѣ ѣхалъ и пѣсни пѣлъ... что?

Это я... послѣ.

РЯБЦОВЪ (спокойно).

БОБОВДОВЪ.

Который убійца? Этому?

Такъ точно!

КВАЧЪ.

Нѣтъ, не онъ!

КОНЬ

В О В О Ъ Д О В Ъ .

Что? Квачъ, уведи старика! Откуда старикъ?

К В А Ч Ъ .

Состоить при генералѣ, ваше благородіе!

Н И К О Л А Й

(присматриваясь къ Рябцову).

Позвольте, Богданъ Денисовичъ... Оставьте, Квачъ!

К О Н Ъ .

Не хватай! Я самъ солдатъ!

В О В О Ъ Д О В Ъ .

Стой, Квачъ!

Н И К О Л А Й (Рябцову).

Это ты убилъ моего брата?

Р Я Б Ц О В Ъ .

Я.

Н И К О Л А Й .

За что?

Р Я Б Ц О В Ъ .

Онъ насъ мучилъ.

Н И К О Л А Й .

Какъ тебя зовутъ?

Р Я Б Ц О В Ъ.

Павелъ Рябцовъ.

Н И К О Л А Й.

Такъ! Конь... вы говорите что?

К О Н Ъ (волнуясь).

Не онъ убилъ! Онъ по рѣкѣ ѣхалъ въ тотъ часъ!.. Присягу приму!.. Мы съ генераломъ видѣли его... Еще генералъ говорилъ—хорошо бы, говорить, опрокинуть лодку, чтобы выкупался онъ... да! Ишь ты, мальчишка! Ты это что дѣлаешь, а?

Н И К О Л А Й.

Почему вы, Конь, такъ увѣренно говорите, что именно въ минуту убійства онъ былъ на рѣкѣ?

К О Н Ъ.

До того мѣста, гдѣ онъ былъ, отъ завода два часа пути... Ѣдетъ въ лодкѣ и пѣсни поетъ. Убивши человека пѣсню не запоешь!

Н И К О Л А Й (Рябцову).

Ты знаешь, что законъ строго наказываетъ за попытку скрыть преступника и за ложное показаніе... знаешь ты это?

Р Я Б Ц О В Ъ.

Мнѣ все равно.

НИКОЛАЙ.

Хорошо. И такъ, это ты убилъ директора?

РЯБЦОВЪ.

Я.

БОБОВДОВЪ.

Какой звѣренъшъ!..

КОНЬ.

Вреть!

ЛЪВШИНЪ.

Эхъ, кавалеръ, посторонній вы тутъ!

НИКОЛАЙ.

Что такое?

ЛЪВШИНЪ.

Я говорю—посторонній кавалеръ-то, а мѣшается...

НИКОЛАЙ.

А ты не посторонній? Ты причастенъ къ убійству, да?

ЛЪВШИНЪ (смѣется).

Я-то? Я, баринъ, одинъ разъ зайца палкой убилъ, такъ и то душа тосковала...

НИКОЛАЙ.

Ну, и молчать! (Рябцову) Гдѣ револьверъ, изъ котораго ты стрѣлялъ?

Р Я Б Ц О В Ъ.

Въ воду бросиль.

Н И К О Л А Й.

Какой онъ былъ? Расскажи!

Р Я Б Ц О В Ъ (смущенъ).

Какой... какіе они бывають? Желѣзный...

К О Н Ъ

(съ радостью).

А, сукинъ котъ! И револьвера-то не видалъ!

Н И К О Л А Й.

Величины какой? (Показываетъ размѣръ руками въ полъ-аршина)
Такой? да?

Р Я Б Ц О В Ъ.

Да... Поменьше.

Н И К О Л А Й.

Богданъ Денисовичъ, пожалуйста сюда. (Отводитъ Бобовдова въ сторону, говорить вполголоса) Тутъ скрыта какая-то пакость. Необходимо болѣе строгое отношеніе къ мальчишкѣ... Оставимъ его до приѣзда слѣдователя.

Б О Б О В Д О В Ъ.

Но вѣдь онъ сознается... чего же?

НИКОЛАЙ (внушительно).

Мы съ вами имѣемъ подозрѣніе, что этотъ мальчишка не настоящій преступникъ, а подставное лицо, понимаете?

(Изъ двери около Татьяны осторожно выходитъ Яковъ и молча смотритъ, то закрывая, то открывая глаза. Порою голова его безсильно опускается, точно онъ задремалъ; вскинувъ голову, испуганно оглядывается)

ВОБОВДОВЪ

(не понимаетъ).

Ага-а.. да, да, да! Скажите, а?..

НИКОЛАЙ.

Это заговоръ! Коллективное преступленіе... Онъ мнѣ дорого заплатитъ!..

ВОБОВДОВЪ.

Каковъ мерзавецъ, а?

НИКОЛАЙ.

Пусть вахмистръ уведетъ его пока. Самая строгая изоляція! Я сейчасъ уйду на минуту... Конь, вы пойдете со мной! Гдѣ генераль?

КОНЬ.

Червей роетъ...

(Уходятъ)

ВОБОВДОВЪ.

Квачъ, уведи-ка этого. И смотри́тъ за нимъ! Чтобы ни-ни.

КВАЧЪ.

Слушаю! Ну, идемъ, малый.

ЛЪВШИНЪ (ласково).

Прощай, Пашокъ, прощай, милый!..

ЯГОДИНЪ (угрюмо).

Прощай, Павлуха!..

РЯБЦОВЪ.

Прощайте... ничего!

БОВОѢДОВЪ (Лѣвшину).

Ты, старикъ, знаешь его?

ЛЪВШИНЪ.

А какъ не знать? Работаемъ вмѣстѣ.

БОВОѢДОВЪ.

А тебя какъ зовутъ?

ЛЪВШИНЪ.

Ефимъ Ефимовъ Лѣвшинъ.

БОВОѢДОВЪ

(Татьянѣ негромко).

Вы посмотрите, что будетъ! Скажи мнѣ, Лѣвшинъ, правду—ты человѣкъ старый, разумный, ты долженъ говорить начальству только правду...

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Зачѣмъ врать...

Б О Б О Ъ Д О В Ъ

(съ упоеніемъ).

Да. Такъ вотъ, скажи ты мнѣ по чистой совѣсти— что у тебя дома за образами спрятано, а? Правду говори!

Л Ъ В Ш И Н Ъ (спокойно).

Ничего тамъ нѣтъ.

Б О Б О Ъ Д О В Ъ.

Это правда?

Л Ъ В Ш И П Ъ.

Да ужъ такъ.

Б О Б О Ъ Д О В Ъ.

Эхъ, Лѣвшинъ, стыдно тебѣ! Ты вотъ лысый, сѣдой, а врешь, какъ мальчишка!.. Вѣдь начальство знаетъ не только то, что ты дѣлаешь, а что думаешь—знаетъ. Плохо, Лѣвшинъ! А это что такое въ рукахъ у меня?

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Не видать мнѣ... слабъ я глазами...

Б О Б О Ъ Д О В Ъ.

Я скажу. Это запрещенныя правительствомъ книжки, призывающія народъ къ бунту противъ Государя. Эти книжки взяты у тебя за образами... ну?

Л Ъ В Ш И Н Ъ (спокойно).

Такъ.

Б О В О В Д О В Ъ.

Ты признаешь ихъ своими?

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Можетъ быть, и мои... Вѣдь онѣ всѣ похожи одна на другую...

Б О В О В Д О В Ъ.

Такъ какъ же ты, старый человекъ, лжешь?

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Да я вамъ, ваше благородіе, сущую правду сказалъ. Вы спросили, что у меня за образами лежитъ, а ужъ если вы спрашиваете объ этомъ, значить, тамъ ничего нѣтъ, значить—вытащили. Я и сказалъ—ничего тамъ нѣтъ. Зачѣмъ же стыдить меня? Я этого не заслужилъ!

Б О В О В Д О В Ъ (смущень).

Вотъ какъ? Прошу, однако, поменьше разговаривать... со мной шутки плохи! Кто далъ тебѣ эти книжки?

Л Ъ В Ш И Н Ъ.

Ну, это зачѣмъ же вамъ знать? Этого я не скажу. Ужъ я и позабылъ, откуда они... Вы ужъ не беспокойте себя.

Б О В О В Д О В Ъ.

Ага... такъ? Хорошо!.. Алексѣй Грековъ? Который Грековъ?

ГРЕКОВЪ.

Это я.

БОВОЉДОВЪ.

Вы привлекались къ дознанію въ Смоленскѣ по дѣлу о революціонной пропагандѣ среди ремесленников— да?

ГРЕКОВЪ.

Да, привлекался.

БОВОЉДОВЪ.

Такой молодой и такой талантливый? Пріятно познакомиться!.. Жандармы, выведите ихъ на террасу... здѣсь стало душно. Вырыпаевъ Яковъ? Ага... Свистовъ Андрей?..

(Жандармы выводятъ всѣхъ на террасу. Бобовъ со спискомъ въ рукахъ идетъ туда же)

ЯКОВЪ (тихо).

Нравятся мнѣ эти люди!

ТАТЬЯНА.

Да. Но почему они такъ просты... такъ просто говорятъ, просто смотрять... и страдаютъ? почему? Въ нихъ нѣтъ страсти? нѣтъ героизма?

ЯКОВЪ.

Они спокойно вѣрятъ въ свою правду...

ТАТЬЯНА.

Должна быть у нихъ страсть! И должны быть герои... Но здѣсь... ты чувствуешь—они презираютъ всѣхъ!

Я К О В Ъ.

Хорошъ Ефимычъ!.. Какіе у него все понимающіе, грустно-ласковые глаза. Онъ какъ бы говорить:—„ну, зачѣмъ все это? Ушли бы вы въ сторону... дали бы намъ свободу... ушли бы!“

З А Х А Р Ъ

(выглядывая изъ дверей).

Удивительно тупы, эти господа представители закона! Устроили судьбище... Николай Васильевичъ держится какимъ-то завоевателемъ.

Я К О В Ъ.

Ты, Захаръ, только противъ того, что вся эта исторія разыгрывается у тебя на глазахъ?

З А Х А Р Ъ.

Ну, конечно, меня могли бы избавить отъ этого удовольствія!.. Надя совсѣмъ взбѣсилась... наговорила мнѣ и Полинѣ дерзостей, назвала Клеопатру шукой, а теперь валяется у меня на диванѣ и реветъ... Богъ знаетъ что дѣлается!

Я К О В Ъ (задумчиво).

А мнѣ, Захаръ, становится все болѣе противенъ смыслъ происходящаго.

З А Х А Р Ъ.

Да, я понимаю... Но что же дѣлать? Если нападутъ—надо защищаться. Я, положительно, не могу найти себѣ мѣста въ домѣ... точно онъ перевернулся

книзу крышей! Сыро сегодня, холодно... этотъ дождь!..
Рано идетъ осень!

(Идутъ Николай и Клеопатра
оба возбужденные)

НИКОЛАЙ.

Я убѣжденъ теперь,—его подкупили.

КЛЕОПАТРА.

Сами они не могли этого выдумать... Богданъ Де-
нисовичъ! Тутъ необходимо искать умнаго человѣка.

НИКОЛАЙ.

Вы думаете—Синцовъ?

КЛЕОПАТРА.

А кто же? Богданъ Денисовичъ!..

БОВОѢДОВЪ

(съ террасы).

Чѣмъ могу служить?

НИКОЛАЙ.

Я окончательно убѣдился, что мальчишку подку-
пили... (Говорить тихо)

БОВОѢДОВЪ (негромко).

О-о? Мм...

КЛЕОПАТРА (Бобоѣдову).

Вы понимаете?

БОВОДОВЪ.

М-н-да-а... Какіе мерзавцы!

(Оживленно разговаривая, Николай и ротмистръ скрываются въ дверяхъ. Клеопатра оглянувшись видитъ Татьяну)

КЛЕОПАТРА.

А... вы здѣсь?

ТАТЬЯНА.

Еще что-то случилось?

КЛЕОПАТРА.

Вамъ это безразлично, я думаю... Вы слышали о Синцовѣ?

ТАТЬЯНА.

Знаю.

КЛЕОПАТРА

(съ вызовомъ).

Да, арестованъ! Я рада, что, наконецъ, выкосили на заводѣ всю эту сорную траву... а вы?

ТАТЬЯНА.

Я думаю, вамъ это безразлично...

КЛЕОПАТРА (злорадно).

Вы симпатизировали этому Синцову! (Смотрить на Татьяну и лицо ея становится мягче) Какъ вы странно смотрите... и лицо измученное... почему?

ТАТЬЯНА

Вѣроятно, отъ погоды.

КЛЕОПАТРА

(подходить къ ней).

Вотъ что... можетъ быть, это глупо... но я—человѣкъ прямой!.. Пожила я... много! Много чувствовала... и очень обозлилась! Я знаю, что только женщина можетъ быть другомъ женщины...

ТАТЬЯНА.

Вы что-то хотите спросить?

КЛЕОПАТРА.

Сказать, не спросить! Вы мнѣ нравитесь... такая вы свободная, такъ ловко одѣты всегда... и хорошо держитесь съ мужчинами. Я завидую вамъ... и какъ вы говорите, и какъ ходите... А иногда я васъ не люблю... даже ненавижу!

ТАТЬЯНА.

Это интересно. За что?

КЛЕОПАТРА (странно).

Кто вы такая?

ТАТЬЯНА.

То есть?

КЛЕОПАТРА.

Не понимаю я—кто вы? Я хочу видѣть всѣхъ людей опредѣленными, я люблю знать, чего человѣкъ хо-

четь! По моему, люди, которые не твердо знают, чего они хотятъ—такіе люди опасны! Имъ нельзя вѣрить!

ТАТЬЯНА.

Странныя вещи говорите вы! Зачѣмъ мнѣ нужно знать ваши взгляды?

КЛЕОПАТРА

(горячо и тревожно).

Нужно, чтобы люди жили тѣсно, дружно, чтобы всѣ мы могли вѣрить другъ другу! Вы видите—насъ начинаютъ убивать, насъ хотятъ ограбить! Вы видите, какія разбойничьи рожи у этихъ арестантовъ? Они знаютъ, чего хотятъ, они это знаютъ. И они живутъ дружно, они вѣрятъ другъ другу... Я ихъ ненавижу. Я ихъ боюсь. А мы живемъ всѣ враждую, ничему не вѣря, ничѣмъ не связанные, каждый самъ по себѣ... Мы вотъ на жандармовъ опираемся, на солдатъ, а они—на себя... и они сильнѣе насъ!

ТАТЬЯНА.

Мнѣ тоже хочется спросить васъ прямо... Вы были счастливы съ мужемъ?

КЛЕОПАТРА.

Зачѣмъ вамъ это?

ТАТЬЯНА.

Такъ. Любопытно!

КЛЕОПАТРА (подумавъ).

Нѣтъ. Онъ былъ всегда занятъ и слишкомъ красивъ. Онъ нравился вамъ, да?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ.

КЛЕОПАТРА.

Странно! Онъ нравился всѣмъ женщинамъ. Въ этомъ для жены мало радости!

ПОЛИНА (идеть).

Слышали? Конторщикъ Синцовъ—оказался социалистомъ! А Захаръ былъ съ нимъ откровененъ и даже хотѣлъ сдѣлать его помощникомъ бухгалтера! Это, конечно, пустяки, но, подумайте, какъ трудно становится жить. Рядомъ съ вами—ваши принципиальные враги, а вы ихъ не замѣчаете!

ТАТЬЯНА.

Какъ хорошо, что я не богата!

ПОЛИНА.

Ты скажи это въ старости! (Клеопатрѣ мягко) Клеопатра Петровна, васъ просятъ еще разъ примѣрить платье... И прислали крепь...

КЛЕОПАТРА.

Иду.. Нехорошо... не ровно бьется сердце у меня... Не люблю быть больной!

ПОЛИНА.

Хотите, я вамъ капель дамъ отъ сердцебіенія?.. Очснь помогаютъ.

КЛЕОПАТРА (идя).

Спасибо!..

ПОЛИНА.

Я сейчасъ приду. (Татьяна) Съ ней необходимо быть мягче: это ее успокаиваетъ! Это хорошо, что ты поговорила съ ней.. И вообще, я завидую тебѣ, Таня.. ты всегда умѣешь встать на такую удобную центральную позицію!.. Пойду, дамъ ей капель.

(Оставшись одна, Татьяна смотритъ на террасу, гдѣ подъ карауломъ солдатъ расположены арестованные. Изъ двери выглядываетъ Яковъ)

ЯКОВЪ

(съ усмѣшкой).

А я стоялъ за дверью и слушалъ.

ТАТЬЯНА (разсѣянно).

Говорять, это не хорошо... подслушивать...

ЯКОВЪ.

Вообще не хорошо слышать, что говорятъ люди. Какъ-то жалко ихъ... и скучно. Вотъ что, Таня! Я уѣзжаю.

ТАТЬЯНА.

Куда?

ЯКОВЪ.

Вообще... Не знаю еще... Прощай!

ТАТЬЯНА (ласково).

Прощай!.. Напиши!

Яковъ.

Ужасно скверно здѣсь!

Татьяна.

Ты когда ѣдешь?

Яковъ.

(странно улыбаясь).

Сегодня... Уважай и ты... а?

Татьяна.

Да, я уѣду. Почему ты улыбаешься?

Яковъ.

Такъ... Можетъ быть, мы не увидимся болѣе...

Татьяна.

Глупости!

Яковъ.

Ну, прости меня. (Татьяна цѣлуетъ его въ лобъ. Онъ тихо смѣется, отстраняя ее) Ты поцѣловала меня точно покойника...

(Медленно уходитъ. Татьяна, посмотрѣвъ вслѣдъ ему, хочетъ идти за нимъ, но останавливается, сдѣлавъ слабый жестъ рукой. Выходитъ Надя, съ зонтомъ въ рукахъ)

Надя.

Пожалуйста, пойдемъ со мной въ садъ... У меня голова болитъ... я сейчасъ плакала, плакала... какъ дура! Если я пойду одна, снова буду плакать.

ТАТЬЯНА.

О чемъ плакать, дѣвочка? Не о чемъ!

НАДЯ.

Мнѣ досадно. Я ничего не понимаю. Кто же правъ? Дядя говорить—онъ... а я не чувствую этого! Онъ добрый, дядя? Я была увѣрена, что онъ добрый... а теперь—не знаю! Когда онъ говорить со мной, [мнѣ кажется, что я сама злая и глупая... а когда я начну думать о немъ... и спрашивать себя обо всемъ... ничего не понимаю!

ТАТЬЯНА (грустно).

Если ты будешь сама себѣ ставить вопросы—ты сдѣлаешься революционеркой... и погибнешь въ этомъ хаосѣ, милая ты моя!..

НАДЯ.

Надо чѣмъ-нибудь быть, надо! (Татьяна тихо смѣется) Чему ты смѣешься? Надо! Нельзя жить и хлопать глазами, ничего не понимая!

ТАТЬЯНА.

Я потому засмѣялась, что сегодня всѣ это говорить... всѣ, вдругъ! Почему?

(Идутъ. Навстрѣчу имъ генералъ и поручикъ. Поручикъ ловко уступаетъ дорогу)

ГЕНЕРАЛЪ.

Мобилизація, поручикъ, необходима! Она имѣетъ двойную цѣль... (Надя и Татьяна) Вы куда, а?

ТАТЬЯНА.

Гулять.

ГЕНЕРАЛЪ.

Если встрѣтите этого конторщика... какъ его? Поручикъ, какъ фамилія этого человѣка, съ которымъ я васъ познакомилъ давеча?

ПОРУЧИКЪ.

Покатый, ваше превосходительство.

ГЕНЕРАЛЪ (Татьянѣ).

Пошлите его ко мнѣ, я буду въ столовой пить чай съ коньякомъ и съ поручикомъ... х-хо-хо! (Оглядывается, прикрывъ ротъ рукой) Благодарю поручикъ! У васъ хорошая память, да! Это прекрасно! Офицеръ долженъ помнить имя и лицо каждаго солдата своей роты. Когда солдатъ рекрутъ, онъ хитрое животное, хитрое, лѣнивое и глупое. Офицеръ влѣзаетъ ему въ душу и тамъ все поворачиваетъ по своему, чтобы сдѣлать изъ животнаго человѣка, разумнаго и преданнаго долгу...

(Идетъ Захаръ, озабоченный)

ЗАХАРЪ.

Дядя, вы не видѣли Якова?

ГЕНЕРАЛЪ.

Не видалъ Якова... Тамъ есть чай?

ЗАХАРЪ.

Есть, есть! (Генераль и поручикъ уходятъ. Съ террасы идетъ Конь, сердитый, растрепанный) Конь, вы не видѣли брата?

КОНЬ (сурово).

Нѣтъ. Я теперь не буду говорить ничего. И увижу человѣка—не скажу... Буду молчать... Ладно! Я поговорилъ на своемъ вѣку...

ПОЛИНА (идеть).

Тамъ пришли мужики, они опять просятъ отсрочить аренду.

ЗАХАРЬ.

Вотъ! Нашли время...

ПОЛИНА.

Жалуются, что урожай плохой и платить имъ нечѣмъ.

ЗАХАРЬ.

Они всегда жалуются!.. Ты не встрѣчала Якова?

ПОЛИНА.

Нѣтъ. Что же имъ сказать?

ЗАХАРЬ.

Мужикамъ? Пусть идутъ въ контору... я не буду съ ними говорить!

ПОЛИНА.

Но въ конторѣ нѣтъ никого! Ты же знаешь—у насъ полная анархія. Вотъ ужъ скоро обѣдъ, а этотъ ротмистръ все проситъ чаю... Въ столовой съ утра не убранъ самоваръ и вообще—жизнь похожа на какое-то дурачество!

ЗАХАРЪ.

Ты знаешь, Яковъ вдругъ собрался куда-то ѣхать!
эти больные люди!..

ПОЛИНА.

Ты прости мнѣ, но, право, хорошо, что онъ уѣдетъ...

ЗАХАРЪ.

Да, конечно. Онъ ужасно раздражаетъ, говоритъ чепуху... Вотъ сейчасъ, присталь ко мнѣ, спрашиваетъ, можно ли изъ моего револьвера убить ворону? Говорилъ какія-то дерзости. Наконецъ, ушелъ и унесъ револьверъ... Всегда пьяный...

(Съ террасы входятъ Синцовъ съ двумя жандармами и Квачъ. Полина, молча посмотрѣвъ на Синцова въ лорнетъ, уходитъ. Захаръ смущенно поправляетъ очки, потомъ отступивъ)

ЗАХАРЪ (укоризненно).

Вотъ, г. Синцовъ... какъ это грустно! Мнѣ очень жаль васъ... очень!

СИНЦОВЪ

(съ улыбкой).

Не беспокойтесь... стоитъ ли?

ЗАХАРЪ.

Стоитъ! Люди должны сочувствовать другъ другу... И даже, если человѣкъ, которому я довѣрялъ, не оправдалъ моего довѣрія, все равно, видя его въ несчастіи,

я считаю долгомъ сочувствовать ему... да! Прощайте,
г. Синцовъ!

С и н ц о в ъ!
До свиданія.

З а х а р ъ.

Вы не имѣете ко мнѣ... какихъ-либо претензій.

С и н ц о в ъ.

Рѣшительно никакихъ.

З а х а р ъ (смущенно).

Прекрасно. Прощайте! Ваше жалованіе будетъ вы-
слано вамъ... да! (Идетъ) Но это невозможно! Мой домъ
становится какой-то жандармской канцеляріей!

(С и н ц о в ъ усмѣхается. К в а ч ъ
все время пристально разсматриваетъ
его, особенно руки. Замѣтивъ это, С и н
ц о в ъ тоже нѣсколько секундъ смо-
тритъ въ глаза К в а ч а. Тотъ усмѣ-
хается)

С и н ц о в ъ.

Ну? Въ чемъ дѣло?

К в а ч ъ (радостно).

Ничего... ничего!

В о в о в д о в ъ (выходитъ).

Г. Синцовъ, вы сейчасъ отправитесь въ городъ...

К В А Ч Ъ (радносно).

Ваше благородіе, они совсѣмъ не г. Синцовъ, а другое!..

Б О В О Ъ Д О В Ъ.

Какъ? Говори яснѣе!

К В А Ч Ъ.

Да я же ихъ знаю! Они жили на Брянскомъ заводѣ и тамъ ихъ имя было Максимъ Марковъ!.. Тамъ мы ихъ арестовали... два года назадъ, ваше благородіе!.. Они и не баринъ, а, просто, слесарь, и на лѣвой рукѣ на большомъ пальцѣ у нихъ ногтя нѣтъ, я знаю! Они не иначе, какъ бѣжали откуда-нибудь, если по чужому паспорту живутъ!

Б О В О Ъ Д О В Ъ

(пріятно удивленъ).

Это правда, г. Синцовъ?

К В А Ч Ъ.

Все правда, ваше благородіе!..

Б О В О Ъ Д О В Ъ.

Что же вы молчите, а? Позвольте-ка вашу руку... Квачъ, ноготь есть?

К В А Ч Ъ.

Да нѣтъ же!

Б О В О Ъ Д О В Ъ.

Какъ же васъ зовутъ, а?

С И Н Ц О В Ъ (спокойно).

Какъ вамъ угодно...

Б О В О В Д О В Ъ.

Такъ, значить, вы не Синцовъ, те-те-те!

С И Н Ц О В Ъ.

Кто бы я ни былъ, вы обязаны вести себя со мной прилично... не забывайте!

Б О В О В Д О В Ъ.

Ого-го? Сразу видно серьезнаго человѣка. Квачъ ты самъ повезешь его!.. Смотри въ оба!

К В А Ч Ъ.

Слушаю!

Б О В О В Д О В Ъ (радостно).

Такъ вотъ, г. Синцовъ, или какъ васъ тамъ зовутъ, вы ѣдете въ городъ. Ты, Квачъ, немедленно доложишь начальнику все, что знаешь о немъ, и сейчасъ же затребовать прежнее производство... впрочемъ, это я самъ! Подожди, Квачъ... (Быстро уходитъ)

К В А Ч Ъ (добродушно).

Вотъ и снова встрѣтились!

С И Н Ц О В Ъ (усмѣхаясь).

Вы рады?

К В А Ч Ъ.

А какъ же? Знакомый!

С И Н Ц О В Ъ (брезгливо).

Вамъ—пора бы уже бросить это дѣло. Волосы сѣдые, а приходится, какъ собакѣ, выслѣживать... Неужели вамъ не обидно?

К В А Ч Ъ (добродушно).

Ничего, я привыкъ! Я уже двадцать три года служу... И совѣмъ не какъ собака!—Начальство меня уважаетъ. Орденъ обѣщали—Анну, да! Теперь—дадутъ!

С И Н Ц О В Ъ.

За меня?

К В А Ч Ъ.

А за васъ! Вы откуда бѣжали?

С И Н Ц О В Ъ.

Потомъ узнаете.

К В А Ч Ъ.

Узнаемъ! А помните, тамъ, на Брянскомъ, черный такой былъ, въ очкахъ? Учитель Савицкій? То онъ тоже былъ недавно опять арестованъ... Ну, только умеръ онъ въ тюрьмѣ... Очень больной былъ! Мало васъ, все-таки!

С И Н Ц О В Ъ (задумчиво).

Будетъ много... подождите!

К В А Ч Ъ.

О? Это хорошо! Больше политическихъ — намъ лучше!

СИНЦОВЪ.

Награды чаще получаете?

(Въ дверяхъ появляются Бобовъдовъ, генераль, поручикъ, Клеопатра и Николай)

НИКОЛАЙ (взглянувъ на Синцова).

Я чувствовалъ это... (Исчезаетъ)

ГЕНЕРАЛЬ.

Хорошъ!

КЛЕОПАТРА.

Теперь понятно, откуда все пошло!

СИНЦОВЪ

(съ ироніей).

Послушайте, г. жандармъ, вамъ не кажется, что вы ведете себя глупо?

БОВОДОВЪ.

Не... не учить меня!

СИНЦОВЪ (настойчиво).

Нѣтъ, я поучу! Прекратите этотъ дурацкій спектакль!

ГЕНЕРАЛЬ.

О-о... какой, а?

БОВОДОВЪ (кричить).

Квачъ, уведи его!

КВАЧЪ.

Слушаю! (Уводитъ Синцова).

ГЕНЕРАЛЪ.

Это, должно быть, звѣрь, а? Какъ онъ... рычить, а?

КЛЕОПАТРА.

Я увѣрена, что это онъ начало всему!

БОВОЪДОВЪ.

Возможно... очень возможно!

ПОРУЧИКЪ.

Будутъ его судить, да?

БОВОЪДОВЪ (усмѣхаясь).

Мы ихъ безъ соуса ѣдимъ... и такъ вкусно!

ГЕНЕРАЛЪ.

Это остроумно! Какъ устриць... хамъ!

КОНЬ

(съ террасы).

Слѣдователь пріѣхалъ!

БОВОЪДОВЪ.

Ага! Ну, вотъ, ваше превосходительство, теперь мы живо раздѣлимъ всю личь и избавимъ васъ отъ

этого анекдота! Николай Васильевичъ, вы гдѣ? Слѣдователь пріѣхалъ...

(Всѣ скрываются въ дверяхъ. Съ террасы входитъ становой)

СТАНОВОЙ (Коню).

Допросъ здѣсь будетъ?

КОНЬ (угрюмо).

Я не знаю. Ничего не знаю!

СТАНОВОЙ.

Столъ, бумаги... значить, здѣсь! (Говорить на террасу) Введите сюда всѣхъ! (Коню) Покойникъ-то ошибся: сказалъ, рыжій его застрѣлили; а оказывается, черноватый!

КОНЬ (ворчливо).

И живые ошибаются...

(Съ террасы снова вводятъ арестованныхъ)

СТАНОВОЙ.

Ставь ихъ здѣсь... рядомъ! Старикъ, становись съ краю! Не стыдно тебѣ? Старый чертъ!

ГРЕКОВЪ.

Зачѣмъ же вы ругаетесь?

ЛЪВШИНЪ.

Ничего, Алеша! Пускай его...

СТАНОВОЙ (грозя).

Я тебѣ поговорю!

ЛЪВШИНЪ.

Ничего! Должность такая... обижаящая человѣка!

(Входятъ Николай, Бобовдовъ и слѣдователь, толстый человѣкъ, съ большимъ краснымъ лицомъ. Садятся за столъ. Сбоку — письмоводитель, маленькій, сѣдой старичекъ въ очкахъ. Генераль усаживается на кресло въ углу, сади него поручикъ. Въ дверяхъ Клеопатра и Полина, потомъ, сади нихъ, Татьяна и Надя. Черезъ ихъ плечи недовольно смотритъ Захаръ. Откуда-то бокомъ и осторожно идетъ Пологи, влѣняется сидящимъ за столемъ и растерянно останавливается посреди комнаты. Генераль манитъ его къ себѣ движеніемъ пальца. Онъ идетъ на носкахъ сапогъ и становится рядомъ съ кресломъ генерала. Вводятъ Рябцова)

НИКОЛАЙ.

Начнемъ. Павелъ Рябцовъ...

РЯБЦОВЪ.

Ну?

ВОБОВДОВЪ.

Не—ну, дуракъ, а что угодно!

НИКОЛАЙ.

Итакъ, вы настаиваете, что директоръ убить вами?

РЯВЦОВЪ (недовольно).

Я сказалъ ужь... чего же еще?

НИКОЛАЙ.

Вы знаете Алексѣя Грекова?

РЯВЦОВЪ.

Это какого?

НИКОЛАЙ.

А вотъ, рядомъ съ вами стоитъ!

РЯВЦОВЪ.

Онъ у насъ работаетъ.

НИКОЛАЙ.

Значить, вы знакомы съ нимъ?

РЯВЦОВЪ.

Мы всѣ знакомы.

НИКОЛАЙ.

Конечно. Но вы у него бывали въ домѣ, гуляли съ нимъ... вообще, вы его коротко, близко знаете? Вы—товарищи?

РЯВЦОВЪ.

Я со всѣми гуляю. Всѣ мы—товарищи.

НИКОЛАЙ.

Да? Я думаю—вы лжете! Г. Пологий, скажите намъ, Рябцовъ и Грековъ въ какихъ отношеніяхъ?

ПОЛОГИЙ.

Въ тѣсныхъ отношеніяхъ дружбы... Здѣсь имѣется двѣ компаніи—молодыми предводительствуютъ Грековъ, юноша очень дерзкій въ обращеніи съ лицами, которыя стоятъ неизмѣримо выше его. А пожилыми—руководствуетъ Ефимъ Лѣвшинъ... человѣкъ фантастическій въ своихъ рѣчахъ и лисообразный въ обращеніи...

НА Д Я (тихо).

Ахъ, какой мерзавецъ!

(Пологий оглядывается на нее и вопросительно смотритъ на Николая. Николай тоже кидаетъ взглядъ въ сторону Нади)

НИКОЛАЙ.

Ну-съ, дальше!

ПОЛОГИЙ (вздыхнувъ).

Ихъ соединяетъ г. Синцовъ, который со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ. Это личность, непохожая на простаго человѣка, съ нормальнымъ умомъ. Онъ читаетъ разныя книги и имѣетъ обо всемъ свои сужденія. Въ квартирѣ у него, которая наискось моей и состоитъ изъ трехъ комнатъ...

НИКОЛАЙ.

Вы не такъ подробно...

ПОЛОГИЙ.

Извините!.. Правда требуетъ полноты фѣрмы!

НИКОЛАЙ.

Да, но намъ некогда!

ПОЛОГИЙ.

Въ квартиру его заходятъ всевозможныя личности, а также присутствующіе здѣсь, какъ-то, Грековъ...

НИКОЛАЙ.

Грековъ, эт правда?

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Прошу ко мнѣ не обращаться съ вопросами,—я отвѣчать не буду.

НИКОЛАЙ.

Напрасно!

НАДЯ (громко).

Вотъ хорошо!

КЛЕОПАТРА.

Что за выходки?

ЗАХАРЪ.

Надя, дорогая моя!..

БОВОДОВЪ.

Тсс...

(На террасѣ шумъ)

НИКОЛАЙ.

Я нахожу излишнимъ присутствіе здѣсь постороннихъ лицъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Гм... Кто же тутъ посторонніе?

БОБОВДОВЪ.

Квачъ, посмотри, что за шумъ!

КВАЧЪ.

Человѣкъ рвется въ дверь, ваше благородіе! Претъ въ дверь и ругается, ваше благородіе!

НИКОЛАЙ.

Что ему надо? кто это?

БОБОВДОВЪ.

Спроси!

ПОЛОГИЙ.

Прикажете продолжать или приостановиться?

НАДЯ.

О, подлець!

НИКОЛАЙ.

Приостановитесь... Постороннихъ лицъ я прошу уйти!

ГЕНЕРАЛЪ.

Позвольте... это какъ понять?

НАДЯ

(кричитъ задорно).

Посторонніе здѣсь—вы! Вы, а не я! Вы вездѣ посторонніе... я здѣсь дома! Это я могу требовать, чтобы вы удалились...

ЗАХАРЪ

(возбужденно Надѣ).

Наконецъ, уйди! Немедленно... уйди!

НАДЯ.

Да? Вотъ какъ!... Значить, это я... дѣйствительно, я посторонняя здѣсь? Такъ я уйду, но я скажу вамъ...

ПОЛИНА.

Удержите ее... она скажетъ что-нибудь ужасное!

НИКОЛАЙ (Бобовцову).

Скажите жандармамъ, чтобы закрыли двери!

НАДЯ.

Вы всѣ безсовѣстные люди... безъ сердца, жалкіе... несчастные.

КВАЧЪ

(входитъ радостно).

Ваше благородіе! Еще одинъ открывается!

БОВОЦОВЪ.

Что?

КВАЧЪ.

Еще одинъ убійца пришелъ!

(Къ столу идетъ не торопясь Якимовъ, рыжеватый парень съ большими усами)

НИКОЛАЙ

(неволью приподнимаясь).

Что вамъ нужно?

Я К И М О В Ъ .

Это я убилъ директора.

Н И К О Л А Й .

Вы?

Я К И М О В Ъ .

Я.

К Л Е О П А Т Р А (тихо).

А-а... мерзавецъ! Совѣсть имѣешь!

П О Л И Н А .

Боже мой! Какіе ужасные люди!

Т А Т Ъ Я Н А (спокойно).

Эти люди побѣдятъ!

Я К И М О В Ъ (угрюмо).

Ну, что же? Натѣ, ѣшьте!

(Общее смущеніе. Н и к о л а й что-то быстро шепчетъ слѣдователю. Б о б ѡ д о в ѣ растерянно улыбается. Въ толпѣ арестованныхъ молчаніе; всѣ стоятъ неподвижно. Въ дверяхъ Надя смотритъ на Я к и м о в а и плачетъ. П о л и н а и З а х а р ь шепчутся. Въ тишинѣ ясно слышенъ негромкій голосъ Т а т ь я н ы)

Т А Т Ъ Я Н А (Надѣ).

Не плачь, эти люди побѣдятъ!..

НИКОЛАЙ.

Ну-съ, г. Рябцовъ! А какъ же вы теперь?..

РЯБЦОВЪ (смущенно).

А—никакъ...

ЯКИМОВЪ.

Молчи, Паша... Ты—молчи!

ЛЪВШИНЪ (радостно).

Э-эхъ, братики, милые!...

НИКОЛАЙ

(ударивъ кулакомъ по столу).

Молчать!

ЯКИМОВЪ (спокойно).

Не кричи, баринъ. Мы не кричимъ.

НАДЯ

(Якимову громко).

Послушайте... развѣ это вы убили? Это они всѣхъ убиваютъ... это они убиваютъ всю жизнь своей жадностью, своей трусостью!.. (Къ всѣмъ) Это вы, вы—преступники!

ЛЪВШИНЪ (горячо).

Вѣрно, барышня! Не тотъ убилъ, кто ударилъ, а тотъ, кто злобу родилъ!.. Вѣрно, милая!

(Общее смѣтеніе, шумъ).

ЗАНАВѢСЬ.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ПУГАЧЪ.

Онъ сѣлъ въ глуши, въ шатрѣ столѣтней ели.
На яркій свѣтъ, сквозь вѣтки и сучки,
Съ безумнымъ изумленіемъ глядѣли
Сверкающіе золотомъ зрачки.

Я выстрѣлилъ. Онъ вздрогнулъ—и безшумно
Сорвался внизъ, на мохъ корней витыхъ.
Но и во мху блестятъ, глядятъ безумно
Круги зрачковъ лучисто-золотыхъ.

Раскинулись изломанныя крылья,
Но хищный взглядъ все такъ же дикъ и золь.
И сталь когтей съ отчаяньемъ безсилья
Вонзается въ ружейный скользкій стволъ.

II.

У Т Р О.

И скрипъ, и визгъ надъ бухтой, наводненной
Буграми влаги пѣнисто-зеленой:
Какъ въ забытѣи, шатаются надъ ней
Кресты нагихъ запутанныхъ снастей,
А чайки съ крикомъ падаютъ межъ ними,
Сверкая въ ряяхъ крыльями тугими,
Иль бѣлою яичной скорлупой
Скользятъ въ волнѣ зелено-голубой.
Еще бѣгутъ поспѣшно и высоко
Лохмотья тучъ, но вѣтеръ отъ востока
Ужъ далъ горамъ лиловые цвѣта,
Чеканить грани снѣжнаго хребта
На синемъ небѣ, свѣжемъ и блестящемъ,
И сыплеть въ морѣ золотомъ кипящимъ.

Ш.

ДЖОРДАНО БРУНО.

„Ковчегъ подъ предводительствомъ осла --
Вотъ міръ людей. Живите во Вселенной.
Земля—вертепъ обмана, лжи и зла.
Живите красотою неизмѣнной.

„Ты, мать-земля, душѣ моей близка—
И далека. Люблю я смѣхъ и радость,
Но въ радости моей—всегда тоска,
Въ тоскѣ всегда—таинственная сладость!“

И вотъ онъ посохъ странника беретъ.
„Открой забрало, Sancta Asinita!
Готовься въ бой!“—Мечта зоветъ впередъ
И келья монастырская забыта.

Въ дни дѣтства, у Везувія, весь свѣтъ
 Кончался тамъ... за древнимъ валомъ въ Нолѣ.
 Въ дни юности ему предѣла нѣтъ,—
 Предѣла нѣтъ для знанія и воли.

„Вы всѣ рабы. Царь вашей вѣры—Звѣрь:
 Я свергну тронъ слѣпой и мрачной вѣры.
 Вы въ капищѣ: я распахну вамъ дверь
 На блескъ и свѣтъ, въ лазурь и бездну Сферы.

„Ни безднѣ безднѣ, ни жизни грани нѣтъ.
 Мы остановимъ солнце Птоломея—
 И тьмы міровъ, горящій вихрь планетъ
 Предъ нами развернется, пламенѣя!“

И онъ дерзнулъ на все—вплоть до небесъ.
 Но разрушенье—жажда созиданья,
 И, разрушая, жаждалъ онъ чудесъ—
 Божественной гармоніи Созданья.

Глаза сіяютъ, дерзкая мечта
 Въ міръ откровеній радостныхъ уносить.
 Лишь въ истинѣ—и цѣль и красота.
 Но тѣмъ сильнѣе сердце жизни просить.

„Ты, дѣвочка! ты, съ ангельскимъ лицомъ,
Поющая надъ старой, звонкой лютней!
Я могъ твоимъ быть другомъ и отцомъ...
Но я одинъ. Нѣтъ въ мѣрѣ безпріютнѣи!

„Высоко несъ я стягъ своей любви.
Но есть другія радости, другія:
Оледенивъ желанія свои,
Я только твой, познаніе, Софія!“

И вотъ опять онъ странникъ. И опять
Глядитъ онъ въ даль. Глаза горять, но строго
Его лицо. Враги, вамъ не понять,
Что Богъ есть Свѣтъ. И онъ умретъ за Бога.

„Міръ—бездна безднѣ. И каждый атомъ въ немъ
Проникнуть свѣтомъ, жизнью, красотю.
И свѣтъ есть Богъ. И въ Богѣ мы живемъ
Единою всемірною Душою.

„Ты, съ лютнею! Мечты твоихъ очей
Не эту-ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвѣздія ночей!
Вы только этой Радостью дышали“.

И маленькій тревожный человекъ
Съ блестящимъ взглядомъ, яркимъ и холоднымъ,
Идетъ въ огонь. „Умершій въ рабскій станъ
Безсмертиемъ выигрывается—въ свободномъ!“

„Я умираю—ибо такъ хочу.
Развѣй, палачъ, развѣй мой прахъ, презрѣнный!
Привѣтъ Вселенной, Солнцу! Палачу!—
Онъ мысль мою развѣетъ по Вселенной!“

А. ТЕННИСОНЪ.

Г О Д И В А.

П О Э М А.

Съ английскаго. Переводъ Ив. Бунина.

Я въ Ковентри ждалъ поѣзда, толкаясь
Въ толпѣ народа по мосту, смотрѣль
На три высокихъ башни—и въ поэму
Облекъ одну изъ древнихъ мѣстныхъ былей.

Не мы одни—плодъ новыхъ дней, послѣдній
Посѣвъ Времень, въ своемъ нетерпѣливомъ
Стремленіи въ даль злословящій Былое,—
Не мы одни, съ чьихъ праздныхъ устъ не сходятъ
Добро и Зло, сказать имѣемъ право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правилъ
Назадъ тому почти тысячелѣтье,
Любила свой народъ и претерпѣла
Не меньше насъ. Когда налогомъ тяжкимъ
Графъ обложилъ свой городъ, и предъ замкомъ
Съ дѣтьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: „Подать намъ грозить
Голодной смертью!“—въ графскіе покои,
Гдѣ графъ, съ своей аршинной бородой
И полсаженной гривой, по залу
Шагаль среди собакъ, пошла Годива
И, рассказавъ о вопляхъ, повторила
Мольбу народа: „Подати грозятъ
Голодной смертью!“ Графъ отъ изумленья
Раскрылъ глаза.—„Но вы за эту сволочь

Мизинца не уколете!“—сказалъ онъ.
 „Я умереть согласна“—возразила
 Ему Годива. Графъ захохоталъ,
 Петромъ и Павломъ громко побожился,
 Потомъ по брилліантовой сережкѣ
 Годивѣ щелкнулъ:—„Розказни!“—„Но чѣмъ же
 Мнѣ доказать?“—отвѣтила Годива.
 И жесткое, какъ длань Исава, сердце
 Не дрогнуло. „Ступайте, молвилъ графъ,
 По городу нагая—и налоги
 Я отмию“—насмѣшливо кивнулъ ей
 И запахалъ среди собакъ изъ залы.

Такой отвѣтъ сразилъ Годиву. Мысли,
 Какъ вихри, закружились въ ней и долго
 Вели борьбу, пока не побѣдило
 Ихъ Состраданье. Въ Ковентри герольда
 Тогда она отправила, чтобъ городъ
 Узнать при трубныхъ звукахъ о позорѣ,
 Назначенномъ Годивѣ: только этой
 Цѣною облегчить могла Годива
 Его удѣлъ. Годиву любить,—пусть же
 До полдня ни единая нога
 Не ступить за порогъ, и ни единый
 Не взглянетъ глазъ на улицу: пусть всѣ
 Затворятъ двери, спустятъ въ окнахъ ставни
 И въ часъ ея проѣзда будутъ дома.

Потомъ она поспѣшно поднялась
 На верхъ, въ свои покои, разстегнула
 Орловъ на пряжкѣ пояса—подарокъ
 Суроваго супруга—и на мигъ
 Замедлилась, блѣдна, какъ лѣтній мѣсяцъ,

Полузакрытый облачкомъ... Но тотчасъ
Тряхнула головой и, уронивши
Почти до пять волну волосъ тяжелыхъ,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Внизъ по дубовымъ лѣстницамъ—и вышла,
Скользя какъ лучъ среди колоннъ, къ воротамъ,
Гдѣ ужъ стоялъ ея любимый конь,
Весь въ пурпурѣ, съ червонными гербами.

На немъ она пустилась въ путь—какъ Ева,
Какъ геній цѣломудрія. И замеръ,
Едва дыша отъ страха, даже воздухъ
Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ ѣхала она.
Разинувъ пасть, лукаво вслѣдъ за нею
Косился желобъ. Тявканье дворняжки
Ее кидало въ краску. Звукъ подковъ
Пугаль, какъ грохотъ грома. Каждый ставень
Былъ полонъ дыръ. Причудливой толпою
Шпили домовъ глазѣли. Но Годива,
Крѣпясь, все дальше ѣхала, пока
Въ готическія арки укрѣпленій
Не засіяли цвѣтомъ обѣлоснѣжнымъ
Кусты густой цвѣтущей бузины.

Тогда назадъ поѣхала Годива—
Какъ геній цѣломудрія. Былъ нѣкто,
Чья низость въ этотъ день дала начало
Пословицѣ: онъ сдѣлалъ въ ставнѣ щелку
И ужъ хотѣлъ, весь трепеща, прильнуть къ ней,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ
И вытекли,—да торжествуетъ вѣчно
Добро надъ Зломъ. Годива же достигла
Въ невѣдѣніи замка—и лишь только

Вошла въ свои покои, какъ ударилъ
И загудѣлъ со всѣхъ несмѣтныхъ башень
Стозвучный полдень. Въ мантии, въ коронѣ
Она супруга встрѣтила, сняла
Съ народа тяжесть податей—и стала
Съ тѣхъ поръ безсмертной въ памяти народа.

ВѢРА ФИГНЕРЪ.

МОЯ НЯНЯ.

Этотъ разсказъ имѣетъ автобіографическій характеръ. Онъ написанъ въ Шлиссельбургѣ въ 1892 г. по просьбѣ моего товарища, Н. А. Морозова, чѣмъ и объясняются начальныя строки разсказа.

В. Финнеръ.

Если у тебя была хорошая няня, то ты съ удовольствіемъ припомнишь ее... Если же ея не было, то тебѣ будетъ пріятно узнать о моей... И такъ какъ въ обоихъ случаяхъ ты останешься доволенъ, то слушай!

Жило-было одно дворянское семейство. Это было мое семейство: отецъ, мать да насъ 8 человекъ—дѣтей. Двое умерли маленькими, а я осталась старшею. И была у насъ, какъ водится, няня. Звали ее: Наталья Макарьевна, но мы-то, дѣти, конечно, звали ее попросту „няней“. Какъ я ее помню, она была уже стара: „седьмой десятокъ идетъ“... отвѣчаетъ, бывало, когда ее спросишь о лѣтахъ... и этотъ 7-ой десятокъ былъ, кажется, безконеченъ, потому что, сколько и когда бы ее ни спросили, вплоть до самой смерти, все было ей седьмой десятокъ: и когда я была маленькою, и когда выросла большою... вышла изъ института, вышла замужъ,—няня все твердила: „седьмой десятокъ“... И, такъ какъ ей, кажется, не было причинъ скрывать свои годы, то справедливость заставляетъ думать, что она искренно забыла свой возрастъ или сбилась со счету.

Во всякомъ случаѣ, няня была еще чрезвычайно бодрая и дѣятельная старушка и, не покладая рукъ, работала на господъ: варила варенье, маринады, пастилу, брагу; заготовляла наливки и всевозможные запасы фруктовъ, ягодъ и грибовъ на зиму; плела на клюшкахъ прекрасное кружево и вязала тончайшіе, всѣ въ узорахъ, чулочки, которыми не побрезговала бы

любая красавица. Какъ сейчасъ помню ея небольшую, съ чулкомъ въ рукахъ, немного сгорбленную фигуру, съ маленькими свѣтло-голубыми глазами и крупнымъ носомъ, на которомъ возсѣдаютъ пребольшіе и пребезобразныя, древніе, какъ и она сама, очки въ мѣдной оправѣ.

Когда въ Россіи пошла „цивилизациа“ (а она пошла, кажется, со времени эмансипациі крестьянъ), и распозлалась повсюду, то мы какъ-то міромъ—соборомъ уговорили няню сняться въ фотографіи. Няня любила старыя времена и относилась отрицательно ко всѣмъ новшествамъ, видя въ нихъ дьявольское навожденіе и признаки близости свѣтопреставленія.

Много нужно было хлопотъ и упрасиваній, чтобы затащить ее къ фотографу. Тамъ, въ рѣшительную минуту, отъ страха и смущенія она такъ выпучила глаза и сжала губы, что на ея портретъ,—который и до сихъ поръ, должно быть, лежитъ въ деревнѣ и можетъ удовлетворить любого археолога,—нельзя смотрѣть безъ смѣха.

Да! надо сказать правду—няня не была красива, но сама-то она была другого мнѣнія на этотъ счетъ, по крайней мѣрѣ, относительно прошлаго.. Когда мы подросли, то иногда задавали ей довольно нескромный вопросъ: „няня! почему ты не вышла замужъ?“... Няня какъ-то загадочно смотрѣла вдаль и, помолчавъ съ минутку, отвѣчала ничего незначащимъ: „такъ“!.. А затѣмъ, внезапно оживляясь и какъ бы боясь, чтобъ мы не приписали ея дѣвчества ненадлежащей причинѣ, прибавляла: „а красавицей была: глаза голубые... волосы, черныя, какъ смоля, кудрями вились по сю пору“—и она указывала на мѣсто, гдѣ подъ кофточкой должна была находиться ея талія,—„а грудь во какая“!.. и она отставляла руку на полъ-аршина отъ своей высохшей груди. Этотъ послѣдній наивный аргументъ былъ столь

убѣдительно, что мы привѣтствовали его дружнымъ взрывомъ хохота, а няня, глянувъ на насъ, бросала полусердитое: „озорники!“ и углублялась въ чулокъ. Но, какъ бы тамъ ни было въ прошломъ,—въ настоящемъ она бы не понравилась тебѣ... Но что-жъ изъ того?! „Намъ съ лица не воду пить“, говоритъ поэтъ,—и мы, дѣти, не промѣняли бы ее ни на какую писаную красавицу.

Какое удовольствіе, бывало, усѣвшись безцеремонно къ ней на колѣни, шлепать дѣтскими рученками ее по шеѣ или, охвативъ голову, осыпать постепенно поцѣлуями все это старческое лицо: низкій лобъ, морщинистыя щеки и маленькіе выпѣвшіе глаза!..

Къ тому же у няни былъ такой славный, мелодичный голосъ! Она никогда не пѣла... по крайней мѣрѣ, я не помню этого... Она только рассказывала,—сказки рассказывала... Да и сказокъ-то она знала не много... Если сказать всю правду, то всего, кажется, одну единственную... по крайней мѣрѣ, я только одну и помню: злая мачеха-царица превращаетъ нелюбимаго пасынка въ козленка... отецъ, не зная этого, велитъ заколоть козленка для пиршества... но Аленушка, сестра царевича, спасаетъ брата, разрушая чары мачехи въ самую рѣшительную минуту, когда:

«Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные».

Ахъ, какъ хорошо рассказывала няня эту сказку! Удивительно хорошо!.. Никогда, бывало, не устанешь слушать ее... Я и теперь послушала бы! и ты бы послушала... Должно быть, думаю я теперь, именно ради мелодіи этого старческаго речитатива, звучавшаго какой-то необыкновенной искренностью и наивностью, любили мы слушать ее...

А еще няня любила поговорить о разбойникахъ, о

бѣглыхъ, о злодѣйствахъ извѣстнаго Быкова, о кладахъ, которыхъ видимо-невидимо кругомъ, подъ землей. Бѣглые и клады были положительно слабостью няни. Въ каждомъ лѣсочкѣ, въ каждомъ оврагѣ чудились ей ихъ скрытыя убѣжища и мѣстонахожденіе, такъ, что первая мысль, которая у меня и теперь явится, когда я посѣщу дикія и уединенныя мѣста, гдѣ я бывала въ дѣтствѣ, будетъ непременно о бѣглыхъ. О кладахъ и говорить нечего: навѣрное, гдѣ-нибудь да таятся они! все дѣтство мы мечтали о нихъ, — жаль только, что не нашли ничего. Уже лѣтъ 12—13 увидимъ, бывало, гдѣ-нибудь вдали, въ полѣ, блесить что-то... солнце на стеклышкѣ играетъ... сестры, братья сейчасъ же въ походъ... за алмазомъ или бриллиантомъ.

То были, конечно, дальніе отголоски Поволжья, преданья о городѣ Болгарахъ, традиціи о находимыхъ кое-когда древнихъ серебряныхъ монетахъ.

Но развѣ одни рассказы привлекали насъ къ нянѣ?! У нея всегда былъ лакомый кусокъ для насъ: всякія сласти, заповѣдныя баночки съ груздочками, рыжиками и вареньемъ; всегда кипѣлъ самоварчикъ, и была мята и малина, чтобъ напоить, если головка болитъ или глазки невеселые... былъ, наконецъ, завѣтный желтый сундукъ, предметъ всѣхъ дѣтскихъ вождельній... Тамъ, въ этомъ сундукѣ, который раскрывался въ особенно добрыя минуты,—на крышкѣ виднѣлись налѣпленные картинки съ конфетъ, которыя мы великодушно дарили нянѣ, съѣвъ содержимое, и которыя теперь имѣли вновь прелесть новизны для насъ... Въ сундукѣ, какъ у прохожаго венгерца, лежали накопленныя десятками лѣтъ различныя матеріи, шерстяныя и ситцевыя, съ цвѣточками и безъ цвѣточковъ, подаренныя дѣдушкой, мамочкой, дядей, и исторію которыхъ мы охотно выслушивали... Тамъ же хранились разныя табакерки, ко-

робочки и прочая дребедень, которую дѣти такъ любятъ разсматривать, дай только волю ихъ рукамъ и не стѣсняй любознательность.

Но все это пустяки... то есть я говорю пустяки, а дѣло-то въ томъ, что няня, въ первые десять лѣтъ нашей жизни, была единственнымъ существомъ, съ которымъ мы чувствовали себя свободно и которое не ломало насъ; она одна, какъ умѣла и какъ могла, любила и ласкала насъ, и ее одну мы могли любить и ласкать безъ стѣсненія.

Въ семьѣ насъ держали строго, даже очень строго: отецъ былъ вспыльчивъ, суровъ и деспотиченъ... Мать—добра, кротка, но безгласна. Ни ласкать, ни баловать, ни даже защитить передъ отцомъ она насъ не могла и не смѣла,—а безусловное повиновеніе и подавляющая дисциплина были девизомъ отца. Откуда онъ набрался военного духа—право, не знаю... Быть можетъ, самъ воспитывался такъ или эпоха Николаевщины наложила свою печать на его личность и на его взгляды на воспитаніе—только трудно намъ было... Вставай и ложись спать въ опредѣленный часъ; одѣвайся всегда въ одно и то же, какъ бы форменное, платье; причесывайся такъ-то... не забывай оффиціально здравствоваться и прощаться съ отцомъ и матерью, крестись и благодари ихъ послѣ cadaго приема пищи; не разговаривай во время ѣды и жди за столомъ своей очереди послѣ взрослыхъ; никогда ничего не проси, не требуй ни прибавки, ни убавки и не отказывайся ни отъ чего, что тебѣ даютъ; доѣдай всякое кушанье безъ остатка, если даже оно тебѣ противно; если тебя тошнить отъ него—все равно—ѣшь, не привередничай, приучайся съ дѣтства быть не прихотливымъ. Довольствуйся молокомъ вмѣсто чая и чернымъ хлѣбомъ вмѣсто бѣлаго, чтобъ не изнѣжить желудка; безъ жалобъ переноси холодъ.... Не бери ничего безъ спроса

и въ особенности не трогай никакихъ отцовскихъ вещей; если сломаль, разбилъ или даже не на то мѣсто положилъ,—гроза на весь домъ и наказаніе: уголки дерка за уши или порка ременной плетью о трехъ концахъ, всегда висящей наготовѣ въ кабинетѣ отца. Наказывалъ же отецъ жестоко, безпощадно. Весь домъ ходилъ, какъ потерянный, послѣ экзекуцій надъ моими братьями. Никакая малость не проходила даромъ: былъ заведенъ порядокъ ничего не скрывать отъ отца—отъ насъ требовали всегда безукоризненной правдивости, и мать показывала примѣръ: сердце ея обливалось кровью, зная послѣдствія нашихъ проступковъ,—но ни одна черта нашего поведенія не утаивалась отъ строгости отца. А эта строгость распространялась даже на неосторожность съ огнемъ и кипяткомъ: если жгли руки, обваривали кипяткомъ, падали и получали поврежденія при дѣтскихъ проказахъ и затѣяхъ,—къ естественному наказанію—боли, прибавлялись нравственныя и физическія истязанія отъ отца. Правда, дѣвочекъ онъ не билъ; не билъ послѣ того, какъ меня, шестилѣтняго ребенка, за капризъ въ бурю, при переходѣ черезъ Волгу на паромѣ, чуть не искалѣчилъ... Но отъ этого не было легче: мы боялись его пуще огня.... одного его взгляда, холоднаго, пронизывающаго, было достаточно, чтобъ привести насъ въ трепетъ, въ тотъ нравственный ужасъ, когда всякое физическое наказаніе отъ болѣе добродушнаго человѣка было бы, кажется, легче перенести, чѣмъ эту безмолвную кару глазами.

И среди этой убійственной атмосферы казармы и бездушія—единственной свѣтлой точкой, одной отрадой и утѣшеніемъ была няня. Въѣея не было ни свободы, ни признанія личности въ ребенкѣ, какъ будущемъ человѣкѣ, ни пониманія дѣтскаго характера, дѣтскихъ потребностей... ни малѣйшаго снисхожденія къ дѣт-

скимъ слабостямъ.... одна безпощадность и плеть... Только въ комнатѣ няни, куда отецъ никогда не заходилъ, только съ ней одной чувствовали мы себя самими собой: людьми, дѣтьми и даже господами и притомъ любимыми, балованными дѣтьми и господами. Это былъ своего рода храмъ-убѣжище, гдѣ униженный и оскорбленный могъ отдохнуть душой. Здѣсь можно было излить всѣ дѣтскія горести и обиды, найти ласку и сочувствіе... зарывшись въ нянины колѣни, выплакать горе и осушить слезы ея поцѣлуями... Хорошая душа! Какъ бы безъ нея мы жили!? Это былъ цѣлый міръ теплоты и нѣжности, непринужденной веселости, любви и преданности....

И, какъ подумаешь, что эта привязанность и нѣжная отзывчивость изливалась въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ и не на одно, а на цѣлыя три дѣтскія поколѣнія,---невольно остановишься съ благоговѣніемъ. Да! Цѣлыхъ три поколѣнія!... Дѣвочкой лѣтъ 6 взяли ее къ дѣдушкѣ, Христофору Петровичу, не столько, чтобъ смотрѣть, сколько, чтобъ играть съ нимъ: ему было года 3 или 4. Выросъ дѣдушка—выросла и няня; его отдали въ ученіе, а ее—въ дѣвичью учиться всякимъ рукодѣльямъ и домашнимъ искусствамъ. Когда дѣдушка женился на бабушкѣ—няню отдали молодымъ. Родилась мамочка, родился братъ ея и три сестры... Всѣхъ ихъ вынянчила няня. Выросла мамочка и вышла за папочку—няню отдали имъ. Родился братъ Саша... родилась я и еще шесть человекъ,—всѣхъ восьмерыхъ вынянчила няня и могла бы нянчить и моихъ дѣтей!..

Ну, не почтенная ли древность?! И няня знала себя цѣну: она была чрезвычайно чувствительна къ тому, что ей казалось уваженіемъ и почетомъ. Неудовольствіе, косой взглядъ, простая забывчивость со стороны матери или кого-нибудь изъ взрослыхъ—переворачи-

вали ее вверхъ дномъ. Она начинала плакать и плакала до тѣхъ поръ, пока мы не забивали тревогу... Затѣмъ начинались сборы: няня приводила въ порядокъ свои пожитки и говорила, что уѣзжаетъ „за Волгу“. Что такое было тамъ „за Волгой“, право, не знаю... Въ умѣ няни это, очевидно, былъ не географическій терминъ, не громадный районъ, а опредѣленный маленький пунктъ, одной ей извѣстный и гдѣ, по ея словамъ, были ея родные. Какъ онъ назывался, и были ли вообще у нея родные—никто не зналъ,—а она подробностей не сообщала... Критическое изслѣдованіе, быть можетъ, привело бы къ тому, что все это было нѣчто въ родѣ мистическаго буки, про котораго дѣтямъ говорятъ: „смотри! придетъ, придетъ бука.... съѣсть!“.. Но намъ-то было страшно: мы отправлялись къ матери съ мольбами помириться съ няней и дать ей удовлетвореніе. Мать шла и дѣло улаживалось...

Вообще, когда мы подросли и я съ сестрой были ужъ въ институтѣ, то няня изъ покровительницы мало-по-малу перешла подъ покровъ нашъ. Обстоятельства измѣнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и роли: отецъ, подъ вліяніемъ „реформы“, смягчился. Быть можетъ, великое общественное движеніе, уравнивавшее раба съ господиномъ и ломавшее всѣ нравственные и экономическія отношенія стараго строя, пробудило лучшія стороны его натуры, и она была еще настолько пластична, чтобъ дозволить ему пойти по новому направленію,—во всякомъ случаѣ нравственный переворотъ въ отцѣ былъ глубокой: изъ крѣпостника, какимъ онъ являлся по отношенію къ прислугѣ, къ матери и къ намъ, онъ сталъ либераломъ и изъ человѣка необузданнаго—сдержаннымъ. Конечно, эта перемѣна произошла не въ одинъ день, не въ одинъ годъ... я не могу указать точно времени перелома... Новыя вѣянія доходили постепенно, вліянія были незамѣтныя... Въ

провинціи онѣ шли главнымъ образомъ чрезъ литературу, а мой отецъ читаль много. Къ тому же мать, бывшая на 15 лѣтъ моложе и вышедшая замужъ со всѣмъ неразвитымъ, по уму и характеру, ребенкомъ, къ этому времени—медленнымъ житейскимъ путемъ саморазвитія и чтенія—окрѣпла нравственно, выросла умственно и могла уже не подчиняться, а сама вліять на отца. И это вліяніе было благотворно. Тогда-то мы, дѣти, сблизились съ нею и въ самую серьезную эпоху нашего развитія шли подъ ея руководствомъ.

Тогда и няня стала не нужна. Но мы любили ее горячо, любили и за прошлое, и за настоящее, потому что то же любовное отношеніе къ намъ было у нея и теперь, только теперь мы сами могли иногда и побаловать, и защитить ее. Мы зорко слѣдили, чтобъ у няни было всего вдостоль: чтобъ за обѣдомъ ей быть посланъ хорошій кусокъ, чтобъ не забыли пирожного... Мы возмущались, что она получаетъ всего $\frac{1}{4}$ ф. чаю и $\frac{3}{4}$ ф. сахару въ мѣсяцъ и, такъ какъ не могли добиться прибавки, то опустошали въ ея польау материнскую сахарницу. Посылали ли насъ въ кладовую, мы нагружали для няни карманы урокомъ, изюмомъ—миндальными орѣхами... а няня, считая, что господское добро пойдетъ господамъ же, то есть намъ же при случаѣ, только въ претворенномъ видѣ, и правильно полагая, что у самихъ себя похитить нельзя—охотно принимала эти приношенія. Няня получала полтора рубля или, по ея счету, три рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ... Полтора рубля!—это ни на что не похоже! Но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь... Мать неумолима, а у насъ самихъ было только по четыре рубля въ годъ: по рублю къ рождеству, къ пасхѣ, именинамъ и рожденію. Папочка, вообще щедрый и расточительный, кажется, считаль нужнымъ, чтобъ мы учились, что денежка счетъ любить....

Такъ-то мы росли, да росли, и не переставали любить няню. Да что мы! мы были всетаки молодежь, дѣти... а ей оказывалъ почтеніе и дядюшка, ея прежній пигомецъ, а нынѣ мировой судья и земскій дѣятель, будущій членъ Земскаго Собора, если доживемъ до него... Каждый разъ, когда дядя бывалъ у насъ, передъ отъѣздомъ онъ говорилъ: „надо сходить къ нянѣ“, и поднимался на верхъ, поскрипывая сапогами, которые пищали подъ его тучнымъ тѣломъ. Дядя входилъ въ нянину комнату, здоровался и, грузно опускаясь на желтый сундукъ, начиналъ разговоръ о погодѣ, объ урожаѣ и о ломотѣ, которой страдала няня; а не то о новыхъ временахъ, чтобъ подзадорить ее къ ѣдкой критикѣ „карнолиновъ“ и прочихъ модъ или къ выраженію негодованія, что теперь и горничныя держать себя такъ, что „веретенонъ--хвостъ“. Затѣмъ дядя говорилъ: „а нельзя ли, Наталья Макарьевна, табачку понюхать?“

Ничѣмъ нельзя было больше угодить нянѣ; ея лицо свѣтлѣло, она вынимала изъ кармана серебряную табакерку, подарокъ дѣдушки, и, ударивъ двумя пальцами по крышкѣ, подносила ее дядѣ, а тотъ, взявъ крохотную щепотку, съ серьезнымъ видомъ важнаго дѣла начиналъ вдыхать табакъ то правой, то лѣвой ноздрей, а затѣмъ раздавалось богатырское „а...а...чхи!“ точь-въ-точь какъ здѣсь для нашего увеселенія чихаетъ одинъ товарищъ. Нѣсколько рукъ съ смѣхомъ протягивались затѣмъ къ табакеркѣ; мы брали всѣ по понюшкѣ и тогда-то поднималось такое радостное и разнообразное „а...чхи“... „чхи...“, что, какъ говорится, стѣны дрожали.. Дядя, поднявъ брови, смотрѣлъ поверхъ очковъ съ комически-удивленнымъ видомъ на племянниковъ, а няня, заславивая табакерку, прятала ее въ карманъ, говоря не то ласково, не то съ укоромъ: „озорники!“ послѣ чего дядя прощался, и церемоніальнымъ маршемъ всѣ спускались внизъ.

Черезъ годъ послѣ моего выпуска изъ института умеръ отецъ, и мать переѣхала въ губернской городъ, гдѣ былъ купленъ домъ. Няня уѣхала со всѣми и жила на прежнихъ основаніяхъ, ежегодно прѣзжая на лѣто въ деревню. Потомъ, когда я съ сестрой отправились учиться за границу, а братья должны были поступить въ высшія учебныя заведенія,— вмѣстѣ съ ними перебралась въ Петербургъ и мать. Но няню оставили въ деревнѣ, подѣ предлогомъ смотрѣть за хозяйствомъ, на самомъ же дѣлѣ по денежнымъ расчетамъ, не находя возможнымъ дать ей въ Петербургѣ прежнія удобства и возить ее каждое лѣто въ деревню и обратно.

Осталась няня въ деревнѣ и затосковала... Обидно да и скучно было ей... вѣдь любила же она всѣхъ насъ и пѣлую долгую жизнь провела неразлучно... А тутъ одиночество... И погибла няня. Быть можетъ, ужъ пора было ей сложить свои косточки; а можетъ быть, погибла она, какъ погибаетъ старый, хрупкій мохъ, который живетъ, пока лѣпится на стѣнѣ, хотя она и совсѣмъ голая и какъ-будто ничего не даетъ ему,— а отколупнешь его—посохнетъ мохъ и умретъ...

Осталась няня жить во флигелѣ съ семьей прикащика. Прикащикъ былъ отличный человѣкъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ моего дѣдушки и жена его тоже бывшая наша крѣпостная... семья у нихъ была большая, и няня считалась ихъ родственницей, потому ли, что крестила дѣтей у нихъ (.крестная"—почтенное и близкое родство въ глазахъ людей, болѣе простодушныхъ, чѣмъ мы), или потому, что всѣ они были крѣпостными одного барина... Въ первую же зиму няня простудилась, схватила горячку или воспаленіе какое-то. Лѣчили ли ее—не знаю. Вѣрно, нѣтъ! Гдѣ тамъ, въ деревнѣ, докторовъ звать... ближе 20 верстъ и фельдшера-то нѣтъ! Заболѣла няня, а на душѣ у нея была одна мысль о насъ. Въ

бреду она вскакивала съ постели, радостно махала руками и съ крикомъ: „господа пріѣхали! господа пріѣхали!“ рвалась въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами къ выходной двери. Ее схватывали, укладывали... она сопротивлялась и кричала: „что-жъ вы не встрѣчаете? что-жъ вы не встрѣчаете ихъ?! Развѣ не слышите: чу! колокольчикъ... Пріѣхали! пріѣхали!“ и снова рвалась и металась... Такъ съ этими словами: „пріѣхали! господа пріѣхали!“ и умерла она.

Когда я возвратилась изъ-за границы, то съѣздила въ деревню, чтобъ повидаться съ дядей, котораго всегда любила, и посмотреть на родное пепелище. Я пріѣхала съ женой дяди и, пока она говорила съ прикащикомъ о хозяйствѣ, обошла домъ и садъ. Все было пусто и уныло. Мышь пробѣжала торопливо по полу комнаты, въ которой я присѣла на минуту... всѣ углы были заткапы паутиной... Въ саду прудъ, по которому я изъ шалости и на зависть братьямъ и сестрамъ когда-то плавала въ корытѣ, вооружась лопатой вмѣсто весла, заросталъ травой, и въ немъ пропала рыба: „за отсутствіемъ ловцовъ“, какъ говорила мать. Тетка торопила ѣхать къ нимъ, быть можетъ, для того, чтобъ сократить для меня тяжелое впечатлѣніе, которое всегда оставляетъ опустѣлый домъ, который мы видѣли когда-то оживленнымъ. Я попросила заѣхать на кладбище, которое было въ сторону отъ дороги. Тамъ я вышла изъ экипажа, перепрыгнула канавку, отдѣляющую деревенскій погостъ отъ луга, по которому иногда прогоняется стадо. Чугунная рѣшетка и крестъ стояли на могилѣ отца, а рядомъ лежала тетка и тутъ же няня... Невысокая полевая трава покрывала могилу... двѣ—три березки бѣлѣли своими тонкими стволами, и молодые, блестящіе листики трепетали въ лучахъ заходящаго солнца...

И повѣришь ли: изъ трехъ могилъ—самой дорогой была могила няни.

ЕВГ. ТАРАСОВЪ.

ЧЕРНЫЙ СУДЪ.

ЧЕРНЫЙ СУДЬ.

I.

Пугливо вздрогнуть мостъ подъемный.
Часы собора полночь бьютъ.
Во тьмѣ оконченъ черный судъ
И скрыть надежно ночью темной.
 Минуетъ ночь—рукой наемной
 Святую женщину убьютъ.

Боязнь во взорахъ ихъ чернѣла,
Надъ ними рѣялъ блѣдный страхъ,
Когда въ ослѣпнувшихъ стѣнахъ
Они свершили злое дѣло.
 Она одна не поблѣднѣла—
 Ихъ обреченный на смерть врагъ.

Не надо словъ—теперь безплодныхъ.
Упреки, просьбы, слезы?—Прочь!
Никто не въ силахъ ей помочь,
Она вдали отъ всѣхъ свободныхъ.
 Она во власти стѣнъ холодныхъ.
 Предъ нею—смерть и съ нею—ночь.

II.

Чернѣть островъ въ дымкѣ мутной,
Молчить молчаньемъ гробовымъ,
И тѣни носятся надъ нимъ,
И съ ними бродить ужасъ смутный.
 Но тихъ покой ея минутный
 Передъ покоемъ вѣковымъ.

Сейчасъ за сумрачной рѣшеткой
Блеснуть разсвѣтные лучи.
Заплачутъ звонкіе ключи.
Все ближе, ближе. Мигъ короткій—
 И къ жертвѣ медленной походкой
 Войдутъ нѣмые палачи.

На плитахъ ляжетъ свѣтъ заемный.
Рѣвка застынетъ въ серебрѣ.
На многовидѣвшемъ дворѣ
Угромо встанетъ призракъ темный.
 Ея враги рукой наемной
 Ее задушатъ на зарѣ.

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

КОРОЛЬ.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІАХЪ.

Семенъ Юшкевичъ. Король.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гл. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, Ив. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:

*Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow“.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДАВИДЪ ГРОСМАНЪ, владѣлецъ мельницы.
ВТЕЛЪ, его жена.

АЛЕКСАНДРЪ, студентъ.

ЖЕНЯ.

МАША.

ПЕТЯ, гимназистъ.

ЯКОВЪ РОЗЕНОВЪ, врачъ, мужъ Жени.

ВАЙЦЪ, репетиторъ Пети. Живеть у Гросмана.

ГЕРМАНЪ, управляющій на мельницѣ.

Горничная.

ЭРШЪ, портной.

РОЗА, его жена.

МИРОНЪ.

БЕЛЯ.

НАХМАНЪ.

ШМИЛЬ, сапожникъ. Живеть у Эрша.

МАНЯ, сестра госпожи Гросманъ.

АБРАМЪ, мужъ ея.

ЧАРНА, сосѣдка Эрша. Старуха.

ДАВИДЕА.

ГОСЬКА.

АРНЪ.

ЯКОВЪ.

СТЕПАНЪ.

} Ихъ дѣти.

} Ихъ дѣти. Рабочіе.

} Рабочіе на мельницѣ Гросмана.

Рабочіе, служащіе на мельницѣ, сосѣди, сосѣдки.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая въ домѣ Гросмана. Большая, просторная комната. Четыре окна на улицу, балконъ. Посреди длинный, дубовый столъ. Вдоль стѣны дубовые стулья съ высокими спинками. Надъ столомъ виситъ тяжелая бронзовая лампа. Двѣ двери: направо и налево. Дверь съ лѣвой стороны ведетъ въ кабинетъ Гросмана, а съ правой въ другія комнаты. Съ правой же стороны колоссальный буфетъ и стѣнные часы въ деревянномъ футлярѣ. Нѣсколько картинъ—копій въ большихъ золоченыхъ рамахъ. У стѣны слѣва широкій кожаный диванъ съ высокой спинкой. Изъ оконъ видно море. Нѣсколько ближе вырисовывается большое зданіе мельницы съ высокой трубой посрединѣ. На диванѣ сидятъ Этель Гросманъ съ Женей. Этель высокая женщина въ пеньюарѣ. Въ ушахъ брилліантовые серьги. На пальцахъ масса колець. Жена, высокая, стройная. Держитъ на колѣняхъ раскрытую книгу. Говоритъ всегда напыщенно. Ея жесты вульгарны...Голосъ крикливый, манерный...

этель. Я и вчера говорила и сегодня говорю одно и то же: не надо было бросать дома.

женя. Я не могла болѣе терпѣть...

этель. Что значить, Женичка, не могла? Я не понимаю, что значить—не могла. Если надо,—то надо. Сегодня или завтра въ городѣ узнаютъ объ этомъ и о насъ начнутъ говорить. Всѣ алородно скажутъ: дочь Гросмана бросила своего мужа. Отецъ вѣдь, слава Богу, имѣетъ враговъ.

женя. Но я же тебѣ говорю, мама, что не могла больше тянуть эту жизнь. Вставать по утрамъ и видѣть его заплывшіе глаза, его хищный ротъ...

этель (перебиваетъ). По моему, Яковъ красивый мужчина.

женя. Чувствовать его грубость во всемъ: въ словахъ, въ тайныхъ мысляхъ, во вкусахъ; згать, что самый мозгъ его зараженъ пошлостью, и всетаки жить съ нимъ, стало невозможнымъ. Я случайно узнала о его связи съ моей бонной... Подумай, на кого онъ меня промѣнялъ? На какую-то грязную служанку! Я даже не страдала... отъ гордости. (Понизила голосъ) Но это, мама, еще не все.

этель (со страхомъ). Что же еще?

женя (съ отвращеніемъ). Онъ сталъ биржевикомъ! Биржевикомъ! Въ моемъ домѣ появились какіе-то странные, неопрятные люди... У него замѣтно уменьшилась практикѣ. Больные вѣдь все замѣчаютъ... По-

думай только, мама, кто началъ заниматься этимъ грязнымъ дѣломъ. Докторъ, интеллигентъ! Вѣдь это ужасно! (Подносить платокъ къ глазамъ)

э т е л ь. Ему захотѣлось разбогатѣть.

ж е н я. Я все скрывала отъ васъ. Съ перваго дня моего замужества онъ далъ мнѣ почувствовать въ чьихъ рукахъ моя судьба, мое достоинство. Онъ безконечно грубъ, циниченъ. Онъ равнодушенъ ко всему прекрасному, идеальному...

э т е л ь. Почему же ты не пришла къ своей матери и не рассказала?

ж е н я. Случалось я по недѣлямъ не выходила изъ своей комнаты. Сидѣла и спрашивала себя: зачѣмъ же я училась въ гимназiи? Вѣдь я объ университетѣ мечтала. Нѣтъ, я не буду плакать... Я была такъ молода, когда выходила замужъ... Мнѣ нравилось быть взрослой, мнѣ хотѣлось, чтобы считались съ моими словами, я жаждала свободы! (Вытираетъ платкомъ глаза. Напыщенно) Свободы!

э т е л ь (мрачно). Всѣ думаютъ, что если человѣкъ очень богатъ, то онъ счастливъ!

ж е н я. Счастливъ! О, мама! Я бы отдала всѣ свои брилліанты, свою квартиру за простую комнатку, лишь бы быть въ ней съ человѣкомъ, котораго уважаешь. У меня трое дѣтей. Они выростутъ и у нихъ будутъ хищные рты. Они станутъ биржевиками. (Встаетъ) Никогда я не вернусь къ нему, никогда! (Подходить къ окну и выглядываетъ на улицу) Какъ здѣсь красиво. (Вздыхаетъ) Вотъ море, мельница...

э т е л ь. Я заставлю отца переговорить съ Яковымъ. Ты знаешь, отецъ не любитъ этихъ дѣлъ, но я его заставлю.

ж е н я (машетъ рукой). Не надо! Вчерашнее для меня стало прошлымъ.

э т е л ь (недовольно). Вотъ это нехорошо, Женичка.

Поссорились, — помиритесь! Мнѣ развѣ не случилось ссориться съ отцомъ? Но я знаю, когда уступить и когда стать вотъ такъ, и — какъ онъ ни богатъ — сказать ему: этого не будетъ Давидъ!.. Уйти отъ мужа! А палками меня бы выгнали изъ своего дома? Что ты будешь у насъ дѣлать? Смотрѣть на стѣны или слушать разговоры о томъ, что на мельницѣ рабочіе забастовали. Мы сами умѣемъ слушать. Подумать изъ-за чего? У мужа любовница! Пусть любовница. Какой мужъ не имѣетъ любовницъ? Что дѣлаетъ жена? Беретъ любовницу за косу, выбрасываетъ ее вонъ и конецъ. Что же еще? Онъ сталъ играть на биржѣ. Какое несчастье! Но ради кого онъ это дѣлаетъ? Ради тебя же. Больше денегъ, — больше платьевъ, больше брилліантовъ. Перестань, дурочка. Ты-то гони его отъ себя, пусть онъ и постоитъ на колѣвняхъ передъ тобой, этотъ разбойникъ, но въ душѣ ты должна знать, что поѣдешь до-мой. (Умоляетъ) Женичка...

Ж е н я. Довольно, мама. Говорить такъ, значить не знать, что въ моей душѣ, что держу затаеннымъ въ мысляхъ.

(Э т е л ь удивленно разводитъ руками. Дверь справа медленно пріоткрывается и въ ней на мигъ появляется голова Э р ш а, потомъ скрывается)

э т е л ь. Кто это тамъ? Кажется, Эршъ? Женичка, пришелъ чужой...

(Дѣлаетъ ей знаки. Ж е н я подходитъ къ окну, опирается о подоконникъ и мечтательно смотритъ на мельницу. Опять показывается голова Э р ш а. Онъ осторожно открываетъ дверь и останавливается на порогѣ. Въ рукѣ у него узелъ. Кланяется, заискивающе улыбается, но не рѣшается переступить дверей)

э р ш ь. Здравствуйте... (Кланяется) Здравствуйте!

э т е л ь. Войдите же, Эршъ. Вы принесли шубу?

э р ш ь. Я принесъ шубу.

э т е л ь (невнятно, скороговоркой къ Ж е н ь). Видишь, кто

шьеть отцу? Все тотъ же Эршъ. А почему? Потому что онъ шьеть дешево. Мы сами когда-то были бѣдны и знаемъ, что деньги не валяются на улицахъ. Почему же не простить Якову? Пусть дѣлаетъ все, что хочетъ, лишь бы хорошо зарабатывалъ. Войдите же, Эршъ. Сколько разъ васъ нужно просить?

Э Р Ш Ъ (входитъ прихрамывая). Вотъ я уже вошелъ. Господинъ Гросманъ дома?

Э Т Е Л Ъ. Давидъ дома, но онъ теперь занятъ. О забастовкѣ вы вѣдь знаете? Вотъ онъ и сидитъ съ Германомъ въ кабинетѣ и работаетъ. Хорошія времена наступили, Эршъ,—нечего сказать.

Э Р Ш Ъ. Ну, я подожду. Что, у меня времени нѣтъ? Имѣю время. (Замѣтилъ, что Ж е н я смотритъ на него) Здравствуйте.

Ж Е Н Я (неохотно). Здравствуйте!

Э Т Е Л Ъ. У васъ есть время, Эршъ, а мнѣ жалко человѣка. Я всегда жалѣю рабочаго человѣка. Пойду и посмотрю, что дѣлаетъ Давидъ.

Э Р Ш Ъ. Нѣтъ, нѣтъ... Къ чему? Имѣю время. Я васъ прошу—не беспокойте ихъ. Это же человѣкъ! Такія дѣла, и вдругъ Эршъ съ своей шубой. Я васъ прошу. Они разсердятся, я потеряю языкъ, а шуба вѣдь не скажетъ, что она хорошо спита. Вотъ я уже выхожу въ переднюю, уже сижу тамъ и уже никто не знаетъ, что я пришелъ...

Э Т Е Л Ъ. Такъ посидите здѣсь (Указываетъ ему мѣсто въ углу)

Э Р Ш Ъ (твердо). Могу постоять...

(Садится и старается сдѣлать видъ, что его нѣтъ въ комнатѣ. Э т е л ь переходитъ комнату и усаживается на стулѣ у лѣвой стѣны. Небольшая пауза)

Э Р Ш Ъ. Будетъ холодная зима... уже будетъ зима...

Ж Е Н Я (вскользь). Если бы можно было уѣхать отсюда.

Э Т Е Л Ъ. Расскажите лучше, что въ городѣ слышно, Эршъ? Тихо? Вы же должны все знать... Вотъ я выѣзжаю. Если Давидъ очень хочетъ, я сажусь въ свою карету и выѣзжаю. Но что можно изъ кареты видѣть

или слышать? Вотъ когда Давидъ работалъ на сахарномъ заводѣ...

Э Р Ш Ъ (перебиваетъ. Когда говорить, встаетъ). Что значить? Развѣ я не помню, когда господинъ Гросманъ работали на сахарномъ заводѣ? Сколько разъ они у меня закусывали, когда возвращались съ работы. Спросите-ка у нихъ? Я тогда былъ молодъ и они были молоды...

Э Т Е Л ь. Объ этомъ, Эршъ, нужно уже забыть. Работалъ? Пусть работалъ. Но не кралъ, никого не ограбилъ. Былъ человѣкомъ, скопилъ деньги и купилъ мельницу. Развѣ у того же хозяина другіе не работали вмѣстѣ съ нимъ? А что они? Гдѣ они? Кто любитъ деньги, тотъ умѣетъ дѣлать деньги. Купилъ мельницу, потомъ перестроилъ ее, потомъ сломалъ и выстроилъ эту. Что же вы рассказываете, что онъ у васъ закусывалъ. Вы хотѣли, вы угощали... А онъ и тогда не нуждался...

Э Р Ш Ъ (сажая). Я ничего этимъ не думалъ.

Э Т Е Л ь. Я не говорю, что вы думали. Еще думать, что вы думали. Перестаньте! Такъ тогда, Эршъ, когда онъ еще работалъ на сахарномъ заводѣ, я обо всемъ знала, что дѣлалось въ городѣ. Обо всемъ.—И кто женится и кто развелся, и кого убили; а теперь я ничего не знаю.

Ж Е Н Я. Зачѣмъ, мама, такъ много говорить?

Э Т Е Л ь. Почему много? Это вѣдь Эршъ. Не учи меня. Я сама знаю, съ кѣмъ и какъ, и сколько надо говорить.

Э Р Ш Ъ (хочетъ угодить обнимъ. Встаетъ). Я ничего не слышала. Эршъ слышитъ? Много онъ можетъ услышать, когда вотъ адѣсь бьется, а тутъ дрожитъ... Я бы, кажется, пушки не слышала, если бы она даже выстрѣлила возлѣ моего уха.

Э Т Е Л ь. Такъ. (Киваетъ увѣренно головой) Значить, вы хотите сказать, что очень плохо?

Э Р Ш Ъ (встаетъ). Плохо. Это тоже называется словомъ? Сидишь и шьешь. Шьешь? А что же дѣлать? Танцовать? Но гдѣ душа? Не о чемъ говорить...

ж е н я (заинтересованная). Расскажите, Эршъ.

э р ш ъ. Считайте, что я рассказалъ. Такъ уже легче? И какое другое дѣло есть, какъ не бить еврея? Это какіе-нибудь люди? Это же звѣри! И теперь идти уже не на шутку. Теперь насъ всѣхъ вырѣжутъ. Что? Вы спрашиваете, какъ еврей не убѣгаетъ? Вотъ такъ онъ не убѣгаетъ. Куда ему бѣжать? Въ землю? въ Америку? къ Герцлю? Да, да, можно поблагодарить войну.

э т е л ь. Чѣмъ война виновата?

э р ш ъ. А кто же виноватъ? Я?..

э т е л ь. Рассказывайте, Эршъ. Ну, ну! Смотрите, какъ у меня похолодѣли руки. Они стали холодны, какъ ледъ. Обо всемъ могу слушать, но когда услышу объ евреяхъ, у меня стынетъ кровь...

э р ш ъ. Что же еще сказать? Я уже все сказалъ. А дома я молчу? Говорю... Ну, такъ говорю! Много это помогаетъ. Сижу со своей женой и толкую: еврей долженъ сидѣть тихо. Богъ, — еврей!.. Что же они дѣлаютъ? Что они дѣлаютъ? И что это за бомбы, я васъ спрошу? Бомбы намъ нужны? Спрячьтесь въ норы и пусть вашего носа не увидятъ, когда въ странѣ такое происходитъ. Я кричу: еврей, сидѣть тихо! Зачѣмъ намъ эти демократы, эти оборванцы мальчишки, дѣвченки, эти книжки? Они хотятъ биться головой о стѣнку, пусть стѣнка бьетъ ихъ назадъ... Имъ нужна революція, пусть они и цѣлуются съ нею. А вы, оборванцы, влѣзьте въ свои норы и затаите дыханіе... (Замѣтилъ, что сталъ очень развязнымъ, и оборвалъ)

ж е н я (вскользь). Какой-то проклятый народъ, эти евреи. Скорѣе бы уже всѣхъ перерѣзали.

э т е л ь. Что же будетъ?

э р ш ъ. Вы хотите, чтобы я сказалъ, что будетъ? Хорошо попали! Ну хорошо, я скажу... Будутъ рѣзать. Даже два раза переспрашивать не надо.

(Входитъ П е т я, 15-лѣтній гимназистъ съ собакой. Одытъ съ иглочки. Нетерпѣливый голосъ. Держится гордо)

п е т я. Мама, дай мнѣ десять рублей. Байронъ, сюда! Кушь, ложись!

э т е л ь (съ любовью оглядываетъ его). Зачѣмъ тебѣ, Петенька, десять рублей?

п е т я. Стану я рассказывать. (Возьмется съ манжетомъ) Проклятая запонка. Если я говорю, что мнѣ нужно десять рублей, значить, мнѣ не нужно двадцати. Байронъ! Байронъ, сюда!

ж е н я. Не понимаю, зачѣмъ мальчику могутъ быть нужны десять рублей?

э т е л ь. Конечно, Петенька. Въ среду ты взялъ у меня пять рублей. Вчера тоже пять. Я вѣдь не жалѣю денегъ. Но деньги вѣдь отецъ выдаетъ, а я не получаю у него тысячъ на недѣлю. Нѣтъ, нѣтъ, Петенька. Если бы отецъ узналъ, что я даю тебѣ столько денегъ, онъ бы меня убилъ. Возьми, Петенька, два рубля.

п е т я. Отецъ, деньги!.. Ты всегда строишь изъ себя нищую, когда я прошу у тебя денегъ. И не хочу я, чтобы Женька вмѣшивалась. Какое ей дѣло? Сама тратить сотни на тряпки...

ж е н я. Никогда я не тратила сотенъ на платья.

п е т я. И почему она здѣсь поселилась? Теперь она будетъ во все вмѣшиваться. Байронъ! Байронъ! Пусть вернется къ своему милому мужу.

э т е л ь. Петя, Петенька! Здѣсь вѣдь чужой человекъ.

п е т я. Хоть бы сто чужихъ было. Что правда, то правда. Я самъ былъ при томъ, когда она заплатила портнихѣ сто двадцать рублей за платье.

э т е л ь (разсмѣялась). Ну, и на здоровье. Мужъ заработалъ и купилъ ей. Дай Богъ, чтобы онъ могъ купить ей платье въ тысячу рублей. Петенька, возьми же два рубля. Возьми. Теперь на мельницѣ забастовка.

п е т я. Знаю, знаю. Вы всегда вадыхаете. То цѣна

на муку упала, то пшеница вадорожала, то забастовка. А касса полна денегъ. Я былъ вчера въ кабинетъ и видѣлъ, какую кучу денегъ папа вложилъ въ кассу. Трудно вамъ дать десять рублей. И не хочу я разговаривать съ вами объ этомъ, я уже вырослый и у меня большія потребности. Папа платитъ десять рублей за сотню сигаръ, а я вѣдь не говорю, чтобы онъ курилъ сигары въ два рубля.

э т е л ь. Но зачѣмъ тебѣ столько денегъ? Дорогой мой, вѣдь я боюсь. Подумай—десять рублей! Петенька, сыночекъ, возьми три рубля.

ж е н я. Богъ знаетъ, что изъ него выйдетъ.

п е т я. Какое тебѣ дѣло? Что изъ тебя вышло? Училась, училась, и вышла замужъ за толстоносаго доктора. Хорошая карьера! А вотъ изъ меня что-нибудь выйдетъ. Я не буду вѣчно возиться съ рабочими, какъ Сашка. Я буду инженеромъ, папа дастъ мнѣ денегъ Открою фабрику и покажу всѣмъ, кто я.

э т е л ь. Ну, Эршъ? Какъ ему не дать десяти рублей? Что скажете на моего сыночка? (Подходить къ Петѣ и цѣлуетъ его) Петенька, возьми пять рублей. Ну, для меня. Ты вѣдь любишь свою мать.

п е т я (холодно). Десять.

ж е н я (съ досадою). Ты его губишь, мама.

э т е л ь (вынимаетъ деньги изъ кошелька). Уже погубила? Посмотрите на этого погубленнаго мальчика. Онъ бѣдненькій пьянствуетъ, лазить по карманамъ.

(Разсмѣялась. Цѣлуетъ его. Эршъ подобострастно улыбается)

п е т я (вытираетъ платкомъ губы). Всегда ты цѣлуешь прямо въ губы. Можно и въ щеки цѣловать.

э т е л ь (смѣется). Что скажете на моего послѣдненькаго, Эршъ? (Даетъ ему деньги)

э р ш ь. Скажу,—дай Богъ всѣмъ имѣть такихъ хорошихъ, красивыхъ дѣтей, какъ вашъ Петя. Ахъ, ма-

дамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Почему одни счастливы и богаты, а другіе несчастны и бѣдны? Положимъ, я уже хорошо спросилъ. За такіе вопросы честные люди не должны меня впускать въ свой домъ. Но я вѣдь пришелъ оттуда. (Указываетъ пальцемъ на окно) Вотъ тамъ за моей спиной, что-то плачетъ, что-то мучается. Мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Вѣдь это же наши братья—евреи! Потрудитесь и зайдите когда-нибудь къ намъ. Вотъ изъ окна видно, гдѣ мы живемъ, и эти руины говорятъ, какъ мы живемъ.

э т е л ь . Я сама вышла оттуда.

э р ш ь . Вы забыли... Но вѣдь это же наши братья, вотъ что я хочу сказать. Почему ругать ихъ, если они бросили работу? Кто соглашается голодать отъ радости? Ахъ, мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! А плачь этихъ святыхъ еврейскихъ женщинъ и этихъ бѣдныхъ дѣтей? И холодъ и скорби и нищета! Кто эти трое, что ходять въ нашихъ домахъ?

э т е л ь (холодно и строго). А кто велѣлъ имъ бросить работу? Что вы говорите, Эршъ? Вѣдь я могу подумать, что у васъ въ головѣ нехорошо, или что васъ подкупили! Какъ? Бороться съ Гросманомъ? Кто хочетъ бороться? Оборванцы, нищія! Развѣ Гросманъ не былъ отцомъ всѣмъ рабочимъ на мельницѣ? Или вы такъ глупы, что думаете, забастовка намъ пользу приносить? Или вамъ нужно растолковать, что она насъ разоряетъ? Перестаньте, Эршъ. Пусть стонуть. И скорби, и голодь и нищета... Такъ имъ и слѣдуетъ.

э р ш ь (уныло). Такъ, я уже не говорю. Конечъ. Я уже всего добился. Конечъ.

п е т я . А когда вы, Эршъ, отрѣжете свою противную бороду?

(Подходить къ нему, дергаетъ его за бороду и смѣется.
Э р ш ь подобострастно улыбается и несмѣлыми жестами пытается освободить ее)

Эршъ. Будьте здоровы. Зачѣмъ мнѣ срѣзать бороду? Я уже красивый.

Петя. А вотъ я вамъ отрѣжу кусокъ бороды. Мама, дай мнѣ ножницы.

Эршъ. Вы шутите, Петенька. Кому нуженъ кусочекъ еврейской бороды?

Этель. Петенька! Ну, что ты скажешь, Женя? Перестань же!..

Петя. А я хочу! Непремѣнно евреямъ нужна вотъ такая борода. Оттого и мальчишки кричатъ намъ на улицѣ: ты—жидъ!..

Эршъ. Такъ кричатъ! Пусть кричатъ. А я смѣюсь надъ ними и иду своей дорогой. Я вѣдь знаю, кто правъ. Отпустите бороду, я васъ прошу.

Петя (съ отвращеніемъ). Противный народъ еврей. Байронъ, сюда!

(Быстро выходитъ. Эршъ скорбно смотритъ ему вслѣдъ; вздыхаетъ)

Этель. Не обижайтесь на него. Вѣдь онъ еще мальчикъ. Выростетъ и станетъ хорошимъ евреемъ, какъ всѣ мы.

Эршъ. Конечно, конечно, мадамъ Гросманъ. Теперь онъ еще немножечко дикій. Пусть живетъ и растетъ счастливымъ.

(Изъ комнаты слѣва доносятся голоса; одинъ громкій, хриловатый, другой высокой теноровый)

Этель. Вотъ и Давидъ. Развяжите узелъ. Онъ не любить ждать.

(Входитъ Гросманъ и Германъ. Гросманъ высокий, плотный человѣкъ. Борода клиномъ, низко подстрижена. На пальцахъ массивныя кольца. Тяжелая дѣль на жилетѣ. Куритъ сигару. Германъ бритый, низенькій, толстый)

Гросманъ. Повторяю еще разъ, Германъ, что всему виной вы. Не возражайте же.

Германъ (робко). Я не возражаю.

ГРОСМАНЪ. Молчите же. Во всемъ вижу вашу вину. Но на этотъ разъ я прощаю. Не будемъ спорить: рабочій распустился! Теперь уже нѣтъ того рабочаго, который былъ прежде. Но но, но и но! Вы своей политикой совсѣмъ испортили ихъ.

ГЕРМАНЪ. У меня была хорошая политика. Я думаль...

ГРОСМАНЪ (рѣзко). Вы думали! Не нужно было думать, а дѣлать... Съ рабочими можетъ быть только одна политика: строгость и строгость. Закапывать ихъ въ землю. Гдѣ же была ваша строгость? Вы, управляющій, способны были зазывать рабочаго въ контору и тамъ съ нимъ разговаривать. Я бы его позвалъ въ контору? Онъ бы у меня увидѣлъ контору? Эга политика стоила мнѣ въ прошломъ году десять процентовъ прибавки. Я сказалъ бы прямо, что вы меня разоряете. (Къ Этелю, которая подошла къ нему и потянула за рукавъ) Что такое?

ЭТЕЛЬ. Давидъ, Эршъ здѣсь. Онъ принесъ тебѣ шубу.

ГРОСМАНЪ (сердито). Какой Эршъ, какая шуба? Значить, я долженъ бросить всѣ дѣла ради какой-то шубы? Пусть подождетъ...

ЭТЕЛЬ (робко). Ну, не сердись. Я думала, что можно. Эршъ уже давно ждетъ тебя.

ГРОСМАНЪ. Такъ еще подождетъ. Городъ не горить.

ЭРШЪ (тихо). Конечно, Эршъ подождетъ. Что значить? (Осторожно выходитъ)

ГЕРМАНЪ. Вы ударили меня прямо по головѣ. Я вамъ служу вѣрно. Что же я дѣлалъ? Правда, иногда я бывалъ мягокъ. Но развѣ изъ любви къ нимъ? Я дѣлалъ все, чтобы расположить ихъ къ намъ. Если я выдавалъ имъ подѣ праздникъ впередъ за работу, или зимой отпускалъ уголь по своей цѣнѣ, то не для того

ли, чтобы они были покорны? Я быть строго всегда и рѣдко добръ. Но то, что теперь происходитъ, идетъ помимо насъ. Теперь уже нельзя испугать рабочаго...

ГРОСМАНЪ (съ силой). Можно.

ГЕРМАНЪ. Въ странѣ революція...

ГРОСМАНЪ. Это насъ не касается. Развѣ люди уже перестали жить? Лавки торгуютъ, люди кушаютъ. Задайте имъ революцію, если они этого хотятъ. Покажите, какъ можно подкупить рабочаго. У насъ есть средства. Уступокъ на этотъ разъ, Германъ, не будетъ. Никакихъ прибавокъ, никакого восьмичасового дня. Никакой врачебной помощи и другихъ глупостей.

ГЕРМАНЪ. Мои люди уже работаютъ. Но рабочіе теперь просто съ ума сошли.

ГРОСМАНЪ. Мы ихъ выльчимъ. Подойдите-ка сюда. (Отводитъ его въ сторону) Распустите слухъ, что я очень озлобленъ на рабочихъ и хочу остановить мельницу. Понимаете? Мозги у васъ имѣются въ головѣ?

ГЕРМАНЪ (покорно). Имѣются.

ГРОСМАНЪ. Не моргайте же глазами. Поговорите съ русскими рабочими и общайте имъ что-нибудь. Надо напоить ихъ... А съ еврейскими рабочими не церемоньтесь. Что у васъ за противная привычка моргать, когда съ вами говорятъ. Приведите завтра ко мнѣ двухъ—трехъ... Я самъ съ ними поговорю..

ГЕРМАНЪ. Уже иду и уже начну, какъ вы приказали. (Голосъ его становится молящимъ) Господинъ Гросманъ я вѣдь служу вамъ хорошей палкой. Вы, можетъ быть, думаете, что рабочіе любятъ меня? Боятся моего духа. Сколько разъ эти руки били рабочихъ ради вашихъ интересовъ? А убить меня не хотѣли? Вы же все знаете. Господинъ Гросманъ—я не виновать...

ГРОСМАНЪ. Ну, ну, ступайте. Я васъ знаю. Ступайте и помните, что за эти пять дней я уже потерялъ три тысячи. (Германъ удаляется, Гросманъ опять зоветъ

Э т е л ь . Нужно тебѣ слушать, что она говорить.

Г р о с м а н ь . Я голодень. Скажи тамъ, чтобы принесли что-нибудь. Сейчасъ пойду въ мельницу. Покажите же шубу, Эршъ.

(Осматриваетъ ее. Э т е л ь выходитъ)

Э р ш ь . Это уже шуба. Это царская шуба.

Г р о с м а н ь (надѣваетъ шубу). Ну что, Эршъ, дѣлаете деньги? Нѣтъ? По прежнему не хотите? Ой, Эршъ, мы посоримся съ вами изъ-за этого.

Э р ш ь . Что же дѣлать, господинъ Гросманъ. Не всѣ вѣдь такіе счастливыцы, какъ вы. (Вдыхаетъ) Э, какъ-нибудь до могилы. Извините, здѣсь васъ не жметъ?

Г р о с м а н ь . Не жметъ. .

Э р ш ь . И здѣсь тоже нѣтъ? (Отступаетъ и оглядываетъ Г р о с м а н а) Въ этой шубѣ вы похожи на короля...

Г р о с м а н ь (бормочетъ). На короля... У васъ, кажется, есть сынъ, Эршъ, и двѣ дочери? Или два сына и одна дочь?

Э р ш ь . Два сына и одна дочь, господинъ Гросманъ, и всѣ мучаются, всѣ мучаются. Одинъ даже работаетъ у васъ на мельницѣ. Какъ же! Миронъ у васъ работаетъ.

Г р о с м а н ь (холодно). Можете передать ему, что его-то не примутъ обратно.

Э р ш ь (вздрыгнувъ. Испуганно). Его - то? Что значить, его-то?

Г р о с м а н ь . Значить. Будто вы, Эршъ, не знаете. По настоящему я бы не долженъ былъ принять у васъ шубы и самого, просто, выгнать. Какъ? Кормиться моею работой и допускать, чтобы сынъ на моей же мельницѣ устраивалъ забастовки? Какой же вы отецъ? и какой вы человѣкъ? Развѣ вы не могли хорошенько палкой побить его? Вы не могли сказать ему: собака, противъ кого ты бунтуешь? Противъ Гросмана, который всѣхъ насъ кормить?

Эршъ (помертвѣвъ). Господинъ Гросманъ, Господинъ Гросманъ...

Гросманъ. Вы не могли сказать ему: собака, ты хочешь, чтобы господинъ Гросманъ остановилъ мельницу? Такъ онъ ее остановитъ. Не бойся, собака, остановитъ! Всѣ будете съ голодудохнуть. Возьмите шубу (Таинственно) И сказать вамъ правду, Эршъ, я окончательно рѣшилъ, если не утихнетъ, остановить мельницу. Спрошу васъ, зачѣмъ мнѣ мельница? Теперь революція, погромы висятъ въ воздухѣ, кто можетъ и кто не можетъ развѣзжается. Возьму и я свою жену, дѣтей и уѣду въ Европу. Развѣ я съ моими деньгами не могу спокойно жить въ Европѣ?

Эршъ. Вы таки правы, господинъ Гросманъ. Я самъ имъ говорилъ: что вы, евреи, дѣлаете? Кому хотите вы зло сдѣлать? Еврею? Вѣдь намъ евреямъ нужно быть связанными, какъ пальцы на рукѣ. Такъ меня и послушали! Я вѣдь все знаю. Я прошу, я кричу: еврей не долженъ идти противъ еврея. Вѣдь въ этомъ все наше еврейство!

Гросманъ (холодно). Не говорите глупостей, Эршъ. Какое еврейство? Я не знаю никакого еврейства. Вы работаете,—я плачѣ. Вы не работаете,—я не плачѣ. Вотъ и все еврейство. А если правду сказать, то мнѣ русскіе рабочіе дороже еврейскихъ. Еврей всегда лѣзетъ съ своимъ еврействомъ. Рабочіе должны знать, что я хозяинъ, а они мои слуги...

Эршъ. Вы таки правы, господинъ Гросманъ. Но меня учили, что еврейство есть. Я такъ слышалъ... (Складываетъ шубу) Прошу васъ за моего сына, господинъ Гросманъ. Такое тяжелое время... Прошу васъ за моего сына.

Гросманъ (будто не слышитъ). Когда вы принесете шубу?

Эршъ. Черезъ недѣлю или черезъ десять дней. Господинъ Гросманъ, прошу за сына. Хочу хорошее слово услышать.

ГРОСМАНЪ (варочно кричить). Этель, гдѣ же закуска? (Эршъ смотритъ на него, уныло качаетъ головой. Уходитъ. Входитъ Этель, за ней слѣдуетъ горничная съ большимъ подносомъ на рукахъ)

ЭТЕЛЬ. Это такая рыба! (Хлопочетъ около Гросмана. Обращается къ горничной) Принеси самоваръ.

(Горничная выходитъ. Гросманъ садится у стола, засовываетъ край салфетки за жилетку. Этель садится противъ него, сложила руки на груди, смотреть, какъ онъ ѣстъ. Подаетъ ему то хлѣбъ, то ножъ, то лимонъ)

ГРОСМАНЪ (сквозь зубы). Ну, а ты?..

ЭТЕЛЬ. Кушай, кушай. Найду, что поѣсть. Не ѣшь такъ быстро. Ты когда-нибудь подавишься! (Онъ кашляетъ) Вотъ ты уже закашлялся. Лай-ка я переберу рыбу. (Онъ молча жуетъ) Дать еще лимона?

ГРОСМАНЪ. Дай лимонъ. Женья, ты не хочешь?

(Она садится у стола и отрицательно киваетъ головой)

ЭТЕЛЬ. Ну, что будетъ?

ГРОСМАНЪ (раздраженно). Не спрашивай меня! Когда я молчу, молчи тоже. Я имъ покажу забастовку. Я изъ нихъ всѣ жилы вытяну, такая это будетъ забастовка. Кто поднйаль носъ? Мироны, Иваны!..

ЭТЕЛЬ. Изъ-за этой смуты всѣ низкіе поднимають носъ.

ЖЕНЯ. Папа!

ГРОСМАНЪ. Я имъ покажу носъ... Подумаешь, что случилось? Мироны и Иваны вадумали отдыхать. Какъ будто у нихъ мало времени, чтобы попянствовать, пошарлатаничать? Дай имъ восьмичасовой рабочей день! А болячекъ не возьмете?

ЖЕНЯ. Папа, выслушай меня хоть одинъ разъ...

ЭТЕЛЬ. Съ евреями, Давидъ, надо быть подобрѣе.

ГРОСМАНЪ (сердито). Почему съ евреями? Развѣ они мои родственники? А если и родственники? Значить, я долженъ отдать имъ свое богатство? Вотъ почему я не люблю разговаривать съ тобой. Что такое

еврей? Нахаль! Что еще? Собака, деракій. Ему первому все не нравится. (Саркастически смѣется) Еврей! Вѣдь это же язва! Спроси-ка у меня, кто портитъ моихъ русскихъ рабочихъ. (Женя встала. Ходитъ по комнатѣ) Гдѣ же сладкое?

э т е л ь. Вотъ сладкое. Почему ты разсердился? Ты какъ спичка, Давидъ. Что же я сказала? Еврей вѣдь мнѣ ближе, и я сказала. А для меня пусть у нихъ всѣхъ болячки посядають въ горлѣ, если они желаютъ намъ зла.

Г р о с м а н ь (ѣсть сладкое). Они хотятъ двадцать пять процентовъ прибавки и смѣны. Знаешь, во что это обойдется мнѣ, если на мельницѣ работаютъ выше ста человѣкъ? Чистые пустыаки. Что-то около двадцати пяти тысячъ въ годъ, если не больше.

э т е л ь. Чума бы ихъ унесла! Сломали бы они себѣ руки и ноги.

Г р о с м а н ь. Не кричи. Вотъ ты уже кричишь. Надо быть хладнокровнымъ. Они хотятъ! Этого еще мало, что они хотятъ. А гдѣ же я? Мнѣ только немного мѣшаетъ эта глупая революція, а то я бы имъ показаль, кто такое Гросманъ. Если бы не революція! Чего тебѣ, Женичка?

(Вытираетъ усы. Горничная вноситъ самоваръ. Входятъ Вайцъ и Маша).

ж е н я. Нѣтъ ничего, папа. Мнѣ уже ничего не нужно.

Г р о с м а н ь. Не нужно? Такъ не нужно! Этель, дай мнѣ стаканъ чаю. (Смотритъ на часы, подаетъ руку Вайцу) Что новаго Вайцъ? Какъ идутъ занятія съ Петей?

в а й ц ь. Какъ всегда, господинъ Гросманъ. Онъ немножко лѣнится, но удивительно способный.

Г р о с м а н ь. Ну, это ваше дѣло. Главное, чтобы мозгъ у него развился. Мнѣ не нужно высшаго образованія, сумасшедшихъ знаній. Это все пустыаки. Я уже вижу, что изъ Саши выйдетъ. Главное въ жизни—голова для оборотовъ. Вѣдь я самъ былъ простымъ ра-

бочимъ, а математику знаю не хуже учителя. Въ политикѣ и въ социальномъ вопросѣ поспорю съ знатокомъ. На ходу всему выучился.

В А Й Ц Ъ. Я знакомъ съ вашими взглядами и дѣлаю, что могу.

ГРОСМАНЪ (уже забывъ о немъ. Пьетъ чай, разговариваетъ съ Этелъ). Мнѣ бы только до главныхъ зачинщиковъ добраться. (Говоритъ тихо)

МАША. Какъ скучно... (Домаетъ пальцы) Здѣсь, Вайцъ, и воздухъ, какъ въ тюрьмѣ. Когда онъ... (указываетъ на отца) говоритъ, —мнѣ начинаетъ казаться, что я схожу съ ума. Деньги, деньги, рабочіе, мельница... Повернитесь къ нему спиной и не слушайте. Повернитесь, я такъ хочу. Отъ дыханія его падаютъ люди.

В А Й Ц Ъ (тихо). Милая Маша, онъ можетъ услышать. (Повернулся спиной къ Гросману)

МАША (упрямо). Пусть услышитъ! Я бы наконецъ высказала ему все, все... И однако, Вайцъ, люблю его, ее... (указываетъ на мать) Какъ странно!

В А Й Ц Ъ. Мама вамъ даетъ чай.

МАША. Чай? Ахъ, хорошо. (Засмѣялась) Буду пить чай. ЭТЕЛЪ. Ты сегодня блѣдна, Машенька.

МАША. Блѣдный цвѣтъ лица очень интересенъ. Онъ нравится офицерамъ.

В А Й Ц Ъ (съ упрямомъ). Зачѣмъ вы такъ говорите? (Старикъ тихо разговариваютъ)

МАША. Хочу... Дайте потихоньку вашу руку. (Устало) Нѣтъ, не надо. Мнѣ хочется чего-то страшнаго, мучительнаго... криковъ.. Я хотѣла бы, чтобы всѣ кричали отъ боли.. Слышите, опять: деньги, деньги. Папа, сколько ты сегодня заработалъ?

ГРОСМАНЪ. Я ежедневно теряю шестьсотъ рублей.

МАША. Такъ мало? (Киваетъ головой) Какъ хорошо было-бъ, если бы ты обѣднѣлъ!

ГРОСМАНЪ (солидно). Не говори глупостей.

М А Ш А. Хочу говорить глупости. Развѣ здѣсь можетъ придти въ голову что-нибудь умное? Спроси у меня хоть разъ, что я дѣлаю по цѣлымъ днямъ? Кончила гимназію и жду жениха, которому ты дашь пятьдесятъ тысячъ или двадцать тысячъ, какъ тебѣ будетъ выгодноѣе.

Э Т Е Л ь. Перестань, Машенька.

М А Ш А. Развѣ это неправда?

Г Р О С М А Н ь (равнодушно). Приданое зависитъ отъ мельницы. Можетъ быть, пятьдесятъ тысячъ, а можетъ быть, и двадцать.

М А Ш А. Все мельница, мельница, а отца какъ будто и нѣтъ...

Г Р О С М А Н ь. Не серди меня. Мельница? Что вы въ ней понимаете? Мельница не ты, и не я. Она выше всѣхъ насъ. Отъ нея кормится сто двадцать рабочихъ и шестьдесятъ служащихъ,—съ семьями это семьсотъ человѣкъ. Она выработываетъ три тысячи пудовъ въ день, кормитъ сотни купцовъ, тысячи пекарей и десятки тысячъ людей. Мой хлѣбъ ѣдятъ въ Америкѣ и въ Европѣ. Твоя жизнь въ рукахъ мельницы, Маша! А всѣхъ этихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей? Кто даетъ хлѣбъ, радость и надежду? Мельница! Кто можетъ жениться, если мельница не хочетъ? Пусть мельница сгоритъ, и пропадетъ тысяча душъ. Вотъ что такое мельница.

Э Т Е Л ь (съ гордостью). Мы отдали ей всю жизнь. Нашими жилами двигаются ея колеса. Вся наша молодость, здоровье и силы разбросаны тамъ въ каждомъ уголку.

Г Р О С М А Н ь (съ презрѣніемъ). Мы, мы! Перестань разговаривать. Пойдемъ, я переодѣнусь. Подумаю и, можетъ быть, поѣду къ полицмейстеру.

(Выходятъ)

М А Ш А (съ ужасомъ). Мнѣ иногда кажется, что они сумасшедшіе.

Ж Е Н Я. Въ моемъ домѣ не лучше.

В А Й Ц Ъ (встает). Я, можетъ быть, здѣсь лишній?
 Ж Е Н Я. Нѣтъ, нѣтъ, Вайцъ. Я рада новому чело-
 вѣку. Вы можете понять меня. Вѣдь уже ни для кого
 не тайна, что мой мужъ врачъ-биржевикъ и что я
 бросила его.

М А Ш А. Почему евреи такъ любятъ деньги, дѣла?
 Отецъ сказалъ бы: не говори глупостей. А я отвѣтила
 бы ему: потому насъ и бьютъ, рѣжутъ.

В А Й Ц Ъ. Не потому.

М А Ш А. Потому. Не спорьте. Я такъ хочу. Я сама
 себѣ противна. Мнѣ кажется, что я набита бумажками
 и что въ крови моей течетъ растворенное золото. Не-
 навизижу евреевъ.

В А Й Ц Ъ. Вы такъ быстро возбуждаетесь...

М А Ш А. Я завидую вамъ: вы свободны.

В А Й Ц Ъ. Не завидуйте. Если человѣкъ чувствуетъ
 себя гражданиномъ, какъ я, и не бросается съ головой
 въ революцію, а учительствуетъ, онъ жалокъ! Вотъ
 льется кровь. Но человѣческая кровь на мнѣ,—никогда!
 Мои руки въ крови,—никогда! Гиганты духа стаями
 опустили надъ страной, а я, Маша, въ сторонѣ. Быть
 сыномъ своего народа, вѣрить въ его творческія силы,
 знать, что въ революціи его исцѣленіе и держаться
 вдали,—позоръ!

Ж Е Н Я. Почему же вы не заставите себя?

В А Й Ц Ъ. Это легче сказать. На моихъ рукахъ боль-
 шая семья: слѣпой отецъ, старая мать, братья, сестры.
 Съ тѣхъ поръ, что я помню себя, я работалъ на нихъ.
 У меня не хватало времени на самое необходимое. Я—
 мечталъ о службѣ народу и превратился въ клячу.

Ж Е Н Я. Мнѣ жаль васъ, Вайцъ. Вотъ вы несчастны
 и я... Подадимъ другъ другу руку.

М А Ш А. Когда вы говорите о нашемъ народѣ, ко-
 тораго всегда оплевывали, всегда били и теперь рѣ-
 жутъ, я чувствую ненависть къ вамъ. Всѣми презирае-

мый,—нашъ народъ? Я завидую, Вайцъ, каждому христіанину, я завидую собакѣ христіанина.

ж е н я. Ты сумасшедшая.

в а и ц ѣ. Есть утѣшеніе, Маша. Мы, всѣ слабые, немощные, сольемся съ народомъ и будемъ страдать съ нимъ. Мы не умѣемъ хотѣть, смѣшаемся съ массой. Пусть и насъ уничтожатъ.

м а ш а. Нѣтъ, нѣтъ. Вотъ я ихъ вижу всѣхъ жалкихъ, оплеванныхъ, ненавидимыхъ... Страдать съ евреями? Нѣтъ! пусть ихъ вырѣжутъ. Лучше пойти къ христіанамъ и сказать: умертвите насъ.

ж е н я. Почему любить насъ, если мы сами себя ненавидимъ?

м а ш а. Въ моей душѣ тоска. Посмотрите на эти комнаты. Ихъ здѣсь двѣнадцать и ни одной уютной, человѣческой. Все грубо, пошло. Здѣсь обитаютъ вампиры.

(Сидятъ мрачно. Пауза. Входятъ Гросманъ и Этель.
Гросманъ въ сюртукѣ)

э т е л ь. Ну, поѣжай уже. Ты и такъ много времени потерялъ.

(Входитъ Розеновъ. Онъ средняго роста, изысканно одѣтъ, въ пальто. Въ рукѣ палка. Носитъ пенснэ. Всѣ смущены. Вайцъ выходитъ. Женя убѣгаетъ въ кабинетъ)

р о з е н о в ѣ (громко, вслѣдъ Женѣ). Женя, Женя!

э т е л ь. Что же ты, Яковъ, даже здравствуйте не скажешь? (Хочетъ взять у него палку и шляпу)

р о з е н о в ѣ. Нѣтъ, нѣтъ, мама. Я зашелъ только на минутку.

э т е л ь. Все-таки можно отдать шляпу и палку...

г р о с м а н ѣ. Зачѣмъ ты пристаешь къ нему? Не хочеть,—и не надо.

э т е л ь (робко). Сказать правду, Яша, я этого не ожидала отъ тебя. Это не идетъ къ тебѣ. Ты образованный человѣкъ, ты докторъ...

р о з е н о в ѣ (прерываетъ ее). А я отъ васъ не ожидаю такихъ дѣйствій.

ГРОСМАНЪ (сердито). Какихъ дѣйствій?

ЭТЕЛЬ. Ну, вотъ уже и мы виноваты. Я такъ и знала, что ты это скажешь. Яковъ, ты вѣдь меня называешь мамой. Будь со мной какъ съ матерью. Душа вѣдь болить и за тебя, и за нее.

РОЗЕНОВЪ. Почему же вы ей позволили остаться здѣсь?

ГРОСМАНЪ. Не задавай намъ вопросовъ и мы тебѣ не будемъ задавать. Я не хочу ничего знать. Я выдалъ ее за тебя и отсчиталъ тридцать тысячъ рублей. Я устроилъ такую свадьбу, которую будутъ помнить въ городѣ двадцать лѣтъ. А дальше не мое дѣло. Вотъ это я хотѣлъ сказать тебѣ. Дѣлайте, что хотите, но меня оставьте въ покоѣ.

ЭТЕЛЬ. Дорогой Яша, помирись съ ней. Она вѣдь молодая женщина. Выросла въ нѣжности, всѣ ей при-служивали. Пойди къ ней...

РОЗЕНОВЪ. Но развѣ я поссорился съ ней? Вамъ надо вникнуть въ нашу жизнь. Женья очень странная женщина. (Разстегнулъ пальто. Ходитъ по комнатѣ) Я не понимаю ее. То она запиралась въ своей комнатѣ и по цѣлымъ недѣлямъ ее нельзя было выманить оттуда. Вѣдь это невозможно. Подумайте, жена, которую мужъ по недѣлямъ не видитъ. Я самъ нѣсколько разъ собирался поговорить съ вами. Иногда она начинала швырять деньгами. Что же это такое? Тестъ, вы вѣдь знаете, что деньги не падаютъ съ неба. Вѣдь если бросать деньги направо и налево, какъ она, бывало, дѣлаетъ, то не только моей практики и вашихъ тридцати тысячъ не хватитъ, но можно и Блейхредера раззорить.

ГРОСМАНЪ. Вотъ я и правъ, когда говорю, что не хочу знать вашихъ дѣлъ.

РОЗЕНОВЪ. Войдите же въ мое положеніе. Я тяжелымъ трудомъ зарабатываю деньги и мой трудъ топчуть ногами. Со мной разговариваютъ, какъ съ мужчи-

комъ, меня упрекають въ мѣщанствѣ, въ скупости. Позвольте, кажется, я окончилъ университетъ и могу знать цѣну всѣмъ этимъ возвышеннымъ разговорамъ о мѣщанствѣ, объ идеалѣ. Въ правѣ ли я желать, чтобы въ моемъ домѣ было тихо? Подумайте же, тещь. Бросила дѣтей... На что это похоже? Хорошо еще, что моя мать согласилась присмотрѣть за домомъ и что насъ не бросила... эта добрая бонна. Теперь нужно бояться, чтобы скандалъ этотъ не огласился.

э т е л ь. Хорошо, я пойду къ ней. Только Яковъ... ты вѣдь тоже не правъ. Машенька, поиди къ себѣ. Мнѣ надо поговорить о томъ, чего дѣвушка нельзя знать и слушать.

м а ш а. Не хочу.

р о з е н о в ь. Пожалуйста, пожалуйста, мама, безъ интимностей. Все остальное,—наше дѣло, и я никому не позволю вмѣшиваться...

э т е л ь (покорно). Хорошо, не буду вмѣшиваться... Только ты, Яковъ, долженъ уступить ей. Ты долженъ. Ты старшій, а старшій всегда умѣе и уступаетъ.

г р о с м а н ь (съ скучающимъ лицомъ). А мнѣ пора. Устраивайтесь, какъ знаете. (Подаетъ руку Розенову)

р о з е н о в ь. Прощайте, тещь.

ж е н я (показывается въ дверяхъ кабинета). Мама, я не хочу, чтобы ты съ нимъ разговаривала. Выгони его. Не хочу знать ни его, ни его дѣтей, ни его родственниковъ! Его мать, когда приходитъ, изводитъ меня.

р о з е н о в ь. Женя, Женя, постыдись же...

ж е н я (у дверей). Не хочу стыдиться. Начни ты первымъ. Ты врачъ и сталъ биржевикомъ. А я не хочу жить съ биржевикомъ.

р о з е н о в ь (обращаясь къ старикамъ). Что вы скажете о ней? Вотъ такія сцены происходятъ у насъ ежедневно.

г р о с м а н ь (съ досадою). Оставьте вы меня всѣ въ покоѣ...(Быстро уходитъ)

МАША (съ ироніей). А полгорода завидуешь нашему счастью. (Выходить)

ЭТЕЛЬ. Женичка, прошу тебя. Послушай свою старую мать.

ЖЕНЯ. Пусть онъ уйдетъ... Вы еще не знаете его. На словахъ онъ всегда выйдетъ правымъ. Нужно его увидѣть дома. Это звѣрь. Онъ уже угрожалъ мнѣ кулаками. Да, да, кулаками. За кого вы меня выдали? (Истерично заплакала) Служанку мою сдѣлалъ своей любовницей.

ЭТЕЛЬ. Женичка, Женичка...

РОЗЕНОВЪ (въ гнѣвъ). Съ какимъ удовольствіемъ я бы убилъ тебя. Притворщица!.. Шарлотта Кордэ!.. Несчастенъ тотъ, кто рѣшается жениться на богатой дѣвушкѣ изъ простого грубаго дома.

ЭТЕЛЬ (обнявъ Женю). Кто грубый? Чтобъ у тебя языкъ отнялся! Скажите, пожалуйста! Его просили жениться на ней! Отъ тебя вѣдь, какъ отъ пѣвки, нельзя было отвязаться, когда ты ее увидѣлъ. Грубаго дома! А ты изъ какой семьи? Твой отецъ былъ лавочникомъ,— пусть честнымъ, но твоя мать? Вѣдь весь городъ знаетъ, что она подожгла свой домъ. Безсовѣстный! Онъ еще учился въ университетѣ! Взять такую нѣжную дѣвушку и замучить ее. Ты со мной поговори. На чьи деньги ты грязь свою обмыль?..

РОЗЕНОВЪ (въ себя). Сама ты безсовѣстная! Не смѣй такъ разговаривать со мной... (готовъ броситься на нее)

ЖЕНЯ (вскрикнула). Вонъ, вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ (быстро входитъ. Онъ въ черной косовороткѣ, подпоясанъ шнуркомъ). Что тутъ за крикъ? Какъ вамъ не стыдно? Яковъ, Женя!

С. Юшкевичъ. Король.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Окраина. Низенькое одноэтажное строение. Слева уголок улицы, — темный, непривѣтливый. Смутное очертаніе руинъ. Изъ тьмы выплываютъ тѣни людей и исчезаютъ. Далеко на небѣ застылъ тонкій рогъ луны. Силуэтъ мельницы и ея трубы отчетливо выдѣляются и какъ бы царятъ здѣсь. Поверхъ руинъ справа и далеко домъ Гросмана. Окна освѣщены. Вся картина мрачная, тяжелая. Квартира Эрша. Небольшая комната съ одной дверью направо въ кухню. Слева длинный портняжескій столъ. Эршъ въ очкахъ, разложивъ на столѣ шубу, стоя работаетъ. Въ правомъ углу сапожникъ Шмилъ прилаживаетъ подметку къ башмаку. Передъ нимъ низенькій столикъ, покрытый кожей. На столикѣ сапожный инструментъ. Недалеко отъ Эрша на скамеечкѣ сидитъ Бетя и клеитъ коробочки. Жена Эрша, Роза, высокая старуха съ пергаментнымъ лицомъ, въ цветной косынкѣ, вяжетъ чулокъ. Посреди комнатки столъ, за которымъ сидятъ старшій сынъ Эрша Миронъ и ужинаетъ. Комната освѣщается двумя лампами. Одна виситъ на стѣнѣ надъ Эршомъ, другая маленькая на кожаномъ стулѣ Шмиля. Остальная обстановка жалкая. На полу соръ. Чувствуется тѣснота, спертый воздухъ и трудъ. Два оконца заклеены бумагой; оба выходятъ на улицу.

Э Р Ш Ъ (рѣжетъ ножницами). Такого времени я не запомню. Вотъ тебѣ и время. Чтобы еврей шелъ противъ еврея. Этого никогда не было. Бывало, случится, рабочий поспорить съ хозяиномъ. Такъ поспорить. Чѣмъ же кончалось? Хозяинъ выгонялъ рабочаго, и былъ конецъ и было тихо...

МИРСНЪ (вѣсть). Это время уже не вернется.

В Е Т Я. Сварила я хорошей клейстеръ. Придется таки его выбросить. Я его слишкомъ рано сняла съ огня.

Р О З А (почесала спицейъ въ вискахъ). Когда вы всѣ летите... Что такое? Горить? Нигдѣ не горить. Сдѣлала бы медленно,—не пропалъ бы матеріаль.

В Е Т Я. А ты хочешь отдыхать? Я тоже хочу. Можетъ быть, меня колетъ во всѣхъ мѣстахъ отъ сидѣнія. На работалась, какъ хорошая лошадь за цѣлый день,—пусть хоть вечеръ будетъ моимъ. Нѣтъ, вечеръ есть у господь... Развѣ у меня не такая же душа, какъ у нихъ? Но нѣтъ. Работай и работай.

Р О З А. Въ твои годы я работала двадцать четыре часа въ день. Раскричалась!..

В Е Т Я. Ты много выиграла отъ этого. Посмотри-ка, въ какихъ палатахъ ты живешь. Отложила тысячи на старость. Отецъ не работаетъ, мы не мучимся, ты сохранила здоровье, и совсѣмъ не кашляешь часами по ночамъ. Не говори глупостей. Ты и теперь живешь только, чтобы служить... этимъ звѣрямъ.

Р О З А. Что правда, то правда. Капель такъ доби-
ваетъ меня, но я не жалуюсь.

В Е Т Я. Всякій знаетъ, что ты выжила изъ ума.
Стану еще тратить время на разговоры съ тобой. (Вы-
ходить и уносить кастрюльку съ клейстеромъ)

Р О З А (качаетъ головой). Вотъ и разговаривай съ ними.
Я сумасшедшая!.. Почему не они? Если я не ненавижу
городъ и богачей и не кричу, что ихъ нужно уничто-
жить, то меня нужно выкинуть въ сорный ящикъ.

Э Р Ш Ъ. Зачѣмъ эти пустыне разговоры? Дай рабо-
тать спокойно. Богатый долженъ быть богатымъ, а бѣд-
ный—бѣднымъ. Возьми, Роза, парусину и намочи ее.
(Достаётъ изъ шкафика парусину) Такъ должно быть. Сколько
мѣръ существуетъ,—такъ было. И больше не о чемъ
говорить. Есть сильныя звѣри и есть слабыя животныя.

Р О З А. Дай уже парусину. Я едва на ногахъ дер-
жусь. Замученныя руки, умирающія ноги и яма передъ
глазами. Имъ жалко? Есть большой сынъ, но онъ ѣсть.
Возьми ты парусину и намочи. Развѣ для моихъ рукъ
выжать изъ нея воду?

М И Р О Н Ъ. Вотъ покушаю и сдѣлаю.

Ш М И Л Ъ (говорить въ носъ). Сядьте же, Роза. Что вы
всегда торопитесь? Говорятъ же вамъ, что сдѣлають.

Р О З А. А я не хочу. У насъ развѣ ихъ сердца? Мнѣ
вѣдь его жалко. Каждой косточки Мирона мнѣ жалко.
Вотъ мой Михель еще въ солдатахъ. Оторвали бѣд-
ненькаго отъ жены, отъ дѣтей. Война уже кончилась,
а онъ все еще гдѣ-то пропадаетъ. Жена и дѣти уми-
рають съ голоду, лежатъ на нашихъ плечахъ. А кто
плачетъ по ночамъ? Мать!.. Они могутъ быть только...
демократами...

В Е Т Я (возвращается). Теперь клейстеръ хорошъ. Если
меня не будутъ отрывать отъ работы, то я черезъ два
часа кончу. Который часъ? (Садится) Спина такъ ноетъ,
что не могу и разогнуться.

Р о з а. Но я все-таки не могу тебѣ помочь. Я не понимаю этой работы. И руки дрожать. Возьму картонъ въ руки и такъ его верчу, и такъ,—что я могу понять? **В е т я.** Тебя никто не просить.

Э р ш ь. Ну, иди же. Ты только намочи парусину, а я ее уже самъ выжму.

(Роза медленно, шаркая, выходитъ)

В е т я (работаетъ). Сегодня забастовали на чайной и на пробочномъ заводѣ. Хотѣла бы знать, когда уже это начнется и у насъ? Никогда не начнется. Развѣ наши дѣвушки люди? Это скотъ. Кажется, я раньше поспѣдю, чѣмъ наши сдѣлаются сознательными.

Э р ш ь. Попросилъ бы тебя не рассказывать о забастовкахъ. Не хочу слушать въ моемъ домѣ о забастовкахъ. Они у меня уже вотъ гдѣ сидятъ. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы я не зналъ этого. Ты смѣешься, Миронъ? Работаешь и умираешь съ голоду, но что будетъ, когда и работать перестанете? Спасибо Гросману за шубу. Мы еще имъ только и держимся.

М и р о н ь. Перестань отецъ. Дай ей рассказать. Ты уже пожилъ, а мы только начинаемъ... Развѣ рѣчь идетъ только о насъ, о ней, о тебѣ или обо мнѣ? Рѣчь идетъ обо всемъ рабочемъ классѣ, о счастья всего народа. Развѣ ты не видишь и не понимаешь, что кругомъ происходитъ? (Продолжаетъ ѣсть)

Э р ш ь. Понимаешь? Понимаю!.. У меня еще столько ума, сколько у тебя. Ну, а если я боюсь? Кого я боюсь? Я боюсь чертей. Все это пахнетъ чертями. Кто-кто, а евреи заплатятъ таки кровью за эти забастовки, за эти революціи... Ихъ-то бросятъ на костеръ... А твоя жизнь не въ опасности?.. Я вѣдь изъ-за тебя по ночамъ не сплю...

М и р о н ь. Убиваютъ же другихъ. Чѣмъ я дороже? За то отдамъ жизнь за рабочій классъ.

Э р ш ь. Такъ я пойду танцевать, что за рабочій

классъ. Ты хорошо сказалъ. А что вернетъ мнѣ за сына рабочій классъ? Я ему плюну своей кровью въ лицо. Что вернетъ? Его кости? Но если бы ты шелъ своимъ путемъ, какъ шелъ я, то ты не братался бы съ русскими, зарабатывалъ и было бы хорошо и тебѣ, и намъ.

ш м и л ь. Ай, ай, ай, Эршъ! Вотъ тутъ уже вы говорите криво. Вы прошлись, какъ хромой.

м и р о н ъ (встаётъ). Въ нашей борьбѣ нѣтъ ни русскихъ, ни евреевъ, а есть рабочіе и эксплуататоры

э р ш ъ (къ Шмилю). Что значить—криво, Шмиль? Покажите не криво. Мы развѣ не работали, не мучились и не мучаемся? Но покажите, когда это было, чтобы мы братались съ русскими? Вы братались когда-нибудь съ русскими? Слава Богу, прожили больше пятидесяти лѣтъ и никогда съ русскими дѣлать не имѣли. Дѣйствительно, мы покупаемъ матерьялъ у русскихъ, или они у насъ, живемъ иногда сосѣдями, говоримъ имъ здравствуйте или прощайте, но это вѣдь не связь? Они живутъ отдѣльно и мы отдѣльно. Что же вы говорите, Шмиль? Вѣдь вы человѣкъ въ лѣтахъ. Можетъ быть, вамъ еще нравится, что евреи борются съ евреями? Что? Конечно, развѣ есть лучше дѣло, какъ сдѣлать нищимъ богатаго еврея? Я не понимаю, кто изъ насъ сумасшедшій. А сговариваться съ русскими рабочими противъ еврея тоже хорошо? Это вѣдь опрокинутый свѣтъ! Теперь спрошу васъ, чтобы вы, Шмиль, сдѣлали на мѣстѣ Гросмана?

ш м и л ь. Я бы себя высѣкъ.

э р ш ъ (съ досадою). Ну, вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. Съ вами вѣдь нельзя разговаривать почеловѣчески. (Къ Мирону) Вотъ я просилъ за тебя господина Гросмана. Онъ даже отвѣтить мнѣ не хотѣлъ. Онъ даже отъ гнѣва затрясся, когда услышалъ твое имя. Хорошо ли это, Миронъ? Одного заказчика имѣю и того ты долженъ прогнать.

м и р о н ь. Зачѣмъ же ты просиль? Ты вѣдь долженъ знать, что это не люди, а звѣри. Кто задавилъ всѣхъ насъ? Они! Кто сдѣлалъ всѣхъ насъ забитыми, испуганными, кто сотни лѣтъ высасывалъ изъ насъ мозгъ и кровь? Они!.. Ты вѣдь долженъ это знать.

э р ш ь. Если сказать правду, то хозяинъ и не можетъ быть другимъ.

м и р о н ь. Мы ихъ выучимъ, отецъ. Прошли уже тѣ времена, когда можно было ни за что избивать рабочаго, выбрасывать его на улицу, отправлять его въ тюрьму, когда хозяину этого хотѣлось. Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, я не хотѣлъ бы теперь быть на мѣстѣ Гросмана. Хорошо уже этому магнату, когда приходится подкупать своихъ рабочихъ, льстить однимъ, спаивать другихъ... Но это ему даромъ не пройдетъ. Онъ лезетъ керосинъ на огонь.

э р ш ь. Слышите, Шмиль? Онъ не хотѣлъ бы быть на мѣстѣ Гросмана? А на твоемъ мѣстѣ тебѣ лучше? Вотъ онъ броситъ мельницу и уѣдетъ въ Европу. Что вы тогда запоете? Вы уже и теперь отъ забастовки ходите съ высунутыми языками, а что будетъ, если онъ уѣдетъ? Вы начнете падать, какъ мухи...

(Роза входитъ и съ охавьемъ садится; вѣжетъ чулокъ)

м и р о н ь (смѣясь). Гросманъ уже пытался напугать тебя, а черезъ тебя и насъ. Понимаемъ его штуки!.. Онъ такъ же можетъ уѣхать въ Европу, какъ ты можешь уѣхать. (Встаетъ) Ну, я ухожу. Я вернусь съ товарищами. Намъ нужно переговорить о дѣлѣ.

р о з а. Что? опять? Разбойникъ!.. Что же ты съ нами дѣлаешь? Не хочу я этого. (Кашляетъ) Не допущу. Скажи, чтобы я ради тебя влѣзла въ горящую печь,—влѣзла, какъ теперь ночь на землѣ. Но этого,—нѣтъ!..

ш м и л ь. Ай, ай, ай, Роза! что же вы не даете рости молодому? Миръ вѣдь долженъ двигаться.

м и р о н ь. Ты, мать, не вмѣшивайся.

Эршъ. И я бы тебя тоже попросилъ, Миронъ,—не надо! Пусть будетъ, не надо! Отецъ просить. Сдѣлай удовольствіе отцу. Не заслужилъ я у тебя, чтобы ты мнѣ уступилъ?

Миронъ (сердится). Что же? Посадить свою голову на ваши плечи? Не проси меня, я дѣлаюсь злымъ. Когда оглядываюсь на то, что теперь происходитъ, то думаю, какъ хорошо было бы безъ стариковъ и всегохлама, который мѣшаетъ намъ.

Шмилъ (смѣется). Мнѣ хочется что-то сказать, но я скажу послѣ. Веселѣе, Миронъ!.. Не робѣй!..

Эршъ (къ Розѣ, печально). Мы, Роза, давно должны были умереть.

Бетя. Вы лишь теперь вспомнили объ этомъ.

(Миронъ надѣваетъ шапку и выходитъ)

Роза (къ Шмилю). Вамъ на зло этого не будетъ. Я сижу тутъ и все вижу, что дѣлается въ мірѣ. Пусть дѣлается. Я съ мѣста не тронусь...

(Входитъ сосѣдка, старушка Чарна. Медленно передвигается, задыхается и дрожить, словно отъ холода)

Чарна. Морозикъ, морозикъ! Что-то холодно моимъ костямъ. (Кутается въ тряпье) Скажите, пожалуйте, найду я у васъ стаканъ чаю? Что-то рано начались морозы, а дома ничего нѣтъ. Таки ничего нѣтъ и конецъ. Таки нѣтъ, что можно дѣлать?

Роза. Вотъ Эршъ кончитъ, и я пошлю Бетю заварить чай.

Чарна. Ай, спасибо вамъ. Горячій стаканъ чаю! Стаканъ горячаго чаю! Согрѣю свои кости.

Шмилъ. Что слышно о вашемъ зятѣ? Уже получили письмо?

Чарна. Что? Болѣзни мы получили. Кто говорить о письмахъ? Надо говорить о дочери и о дѣтяхъ. А онъ здѣсь былъ шарлатаномъ, и тамъ имъ остался.

Шмилъ. Но за то онъ въ Америкѣ.

Р о з а. Большое счастье, что въ Америкѣ. Америка уже перестала быть Америкой. Можно уже вычеркнуть Америку. Мужъ Песи не вернулся оттуда? А мужъ Бейлы? Танцуютъ евреи кадрили! Пара туда, пара назадъ...

Ч а р н а (какъ сквозь сонъ). Не понимаю, зачѣмъ живу? Смотрю наверхъ и спрашиваю. Никакого отвѣта. Если я ничего не понимаю, то меня надо убрать, такъ я думаю. Что-то летитъ передъ глазами. Блестятъ ножи. Что-то прыгаетъ, танцуетъ, кричитъ, и я кричу, и вокругъ меня кричатъ. Сумасшедшій міръ. Найду я у васъ стаканъ чака?

Р о з а. Я вѣдь вамъ сказала; вотъ Эршъ кончить работу...

Ч а р н а. Да, да, вы сказали... Да, да, вы обѣщали...

Ш м и л ь. Надо сказать, какъ молодые говорятъ: если бы смерть задавила богатыхъ и провалился бы вотъ этотъ проклятый городъ, то Чарна сидѣла бы теперь у себя въ хорошей комнатѣ, и на столѣ у нея уже кипѣлъ бы самоваръ,—вотъ такой самоваръ.

В е т я. Почему только богатыхъ и одинъ городъ?.. Всѣ города пусть молнія сожжетъ. А богатые? Они все еще думаютъ, что только богатые виновны. Загляните въ книжку и вы узнаете. Есть еще другіе и еще другіе и еще другіе...

Р о з а. Хочу, чтобы она замолчала, Эршъ!.. Ты длинная лошадь, молчи! Не твое дѣло!..

В е т я (смѣется). Мы никого не боимся.

Р о з а (сердится). Одеръ! У тебя вѣдь капли крови нѣтъ въ жилахъ, а тоже вылъбаешь впередъ. Что? Смѣешься? А желчью? Что же ты молчишь, Эршъ? Хорошій отецъ! Доведешь ты своихъ дѣтей до каторги этимъ молчаніемъ.

Э р ш ь. Что же я могу сдѣлать?

Р о з а . Что? Онъ еще спрашиваетъ. Дерись съ ней. Возьми палку, вѣнникъ, утюгъ и бей ее по головѣ. Говорю вамъ разъ навсегда: хочу голодать, мучиться, кричѣть и ничего не имѣю противъ этого. Люблю богатыхъ и почитаю ихъ и ничего вы со мной не сдѣлаете...

ш м и л ь . Ай, ай, ай, Роза!... Чѣмъ же это набита ваша голова?

Р о з а . А вы, Шмиль, молчите. Вы вѣдь извѣстный сумаспешій. Кто говорить? Развѣ вы магнать, или солдаты васъ защищаютъ, что вы суетесь? Вбивайте гвоздики въ подметки, пойте свои сапожничьи пѣсенки и лежите въ землѣ.

в е т я . Почему же ему не говорить, когда теперь уже стѣны говорятъ. Мы рабочіе знаемъ одно: все наше. Мы хозяева, а не эти живодеры-богачи и другіе, и еще другіе...

Р о з а . Что же ты молчишь, Эршъ? Развѣ это дѣвушка? Это же чертъ. Посмотри-ка на ея глаза. Они блестятъ, какъ у разбойника. Она вѣдь можетъ зарѣзать человѣка.

в е т я (разсмѣялась). Пусть только меня разсердятъ и я еще хуже сдѣлаю. Со мной нельзя шутить... Вѣдь это сердце бьется... за правду, за справедливость!.. И горить въ немъ такая ненависть!..

Р о з а . Эршъ! Ты не возьмешь ее за косы?

в е т я . Попробуй только!..

(Входитъ рабочій Д а в и д к а)

д а в и д к а . Добрый вечеръ, Эршъ. Добрый вечеръ. Говорятъ, что сегодня у васъ опять соберутся?

Э р ш ъ . Я не ихъ сторожъ и ничего не знаю. (Снял очки, отложилъ работу) Бетя, поиди завари чай.

(Бетя беретъ чайникъ и выходитъ)

д а в и д к а (сѣлъ, лотираетъ лобъ). Голова идетъ кругомъ. Затѣяли забастовку, а ты голодай. А зачѣмъ за-

бастовали? Получали до рубля въ день. Ну, такъ получали... А сколько же надо? Двадцать?

Ч А Р Н А (какъ со сна). Что забастовка? Что значить забастовка?

Д А В И Д К А (быстро повернулся къ ней). Уже, значить. Чортъ ихъ знаетъ, почему они поднялись. Я съ первой минуты не хотѣлъ, но идите-ка противъ нихъ. И кто виноватъ? Все вашъ Миронъ, Эршъ. Рабочій классъ туда, эксплуатація сюда, а я пока голодай. Такой грубый простой человѣкъ, какъ я, который не можетъ считать, сколько два и два, долженъ знать, что эти слова означаютъ. Будто у меня нѣтъ другихъ заботъ въ головѣ.

Р О З А. Вотъ это человѣкъ.

Д А В И Д К А. А то что же? Лошадь? Я не стыжусь, я простой человѣкъ. Дайте мнѣ мой рубль и конецъ. Вотъ у меня жена и полная комната дѣтей. Кто я теперь? Никто. Вчера былъ человѣкомъ, а сегодня нищій. Зачѣмъ мнѣ это?

Р О З А. Конечно. Рубль въ день составляетъ шесть въ недѣлю. И если не быть шарлатаномъ, не пить и не играть на биллиардѣ, то можно еще прожить какъ-нибудь.

Д А В И Д К А. Между нами говоря, это, положимъ, не много. Ай, что вы говорите. Какъ мы живемъ? Мы вѣдь съ женой только во снѣ кушаемъ. Вотъ видите, это моя самая лучшая рубаха. Другой нѣтъ. Держимся долгами. Долженъ лавочнику, хозяину за квартиру, сапожнику. Гдѣ же помѣстится забастовка? Хотите, чтобы я бастовалъ, возьми васъ чертъ, и дайте помощь. Что же вы выдаете на такую семью, какъ моя, пятьдесятъ копеекъ въ день!

Ш М И Л ь. Скажите спасибо за это.

Д А В И Д К А. Скажите вы спасибо!.. Хорошій совѣтъ вы мнѣ подали. Отъ него таки можно хлѣбъ кушать. На пятьдесятъ копеекъ вѣдь лучше уже купить ве-

ревку для всѣхъ... Дѣти ищутъ корокъ въ корытѣ для свиней... Забылъ вамъ сказать. Вѣдь моего маленькаго чуть собака не съѣла. Подбѣжала собака и стала его грызть. Что, собака кушать не хочетъ?

ш м и л ь. Такъ посадите ее за столъ и кушайте въ компаніи.

ч а р н а. А я собираю кости въ сметѣ и варю изъ нихъ супъ.

д а в и д к а. Вы смѣтаетесь надо мной? Я вѣдь кровью говорю: Развѣ я могу бороться съ Гросманомъ? Посмотрите на меня! Живой мертвецъ, конченный человѣкъ. И я борець? А другіе лучше меня? Кто же борцы? Что стоитъ Гросману раздавить насъ, какъ червей?

р о з а. Онъ и раздавить. Вотъ пусть мой Эршъ скажетъ себѣ: довольно работать. Давайте портные сдѣлаемъ забастовку...

ш м и л ь (прерываетъ ее). Это не было бы такъ плохо.

р о з а. Болячку вамъ въ горло. Вы насъ прокормите? Увидѣли у насъ богатство? Вотъ Миронъ не работаетъ, а гдѣ беретъ хлѣбъ? У отца? А гдѣ спитъ? У отца. Что дѣлаютъ другіе рабочіе? Какъ пьявки сосутъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ.

д а в и д к а. А Гросманъ катается въ своей каретѣ, подавиться бы ему! Когда онъ, бывало, зайдетъ на мельницу, такъ стѣны, бывало, трясутся отъ страха, такой это человѣкъ. Попробуй, чтобы при немъ мѣшокъ лопнулъ, чтобы фунтъ муки разсыпался. Такъ уже смерти не нужно!..

(Ботя входитъ съ чайникомъ)

э р ш ь. Что такъ долго?

в е т я. Времени у тебя нѣтъ? Успѣешь! Возьми, мать, чайникъ.

(Ботя сѣла за работу. Роза кашляетъ; встаетъ, достаетъ стаканы изъ шкафчика; наливаетъ чай Эршу и Чарнѣ)

РОЗА. Если хотите чаю, Шмиль, то налейте себѣ стаканъ.

ЧАРНА. Ай, чай! Спасибо вамъ, Роза. Душа обрадовалась отъ тепла. Ай спасибо вамъ.

(Входитъ рабочій Арнъ. Густая черная борода. Взглядъ исподлобья)

АРНЪ (къ Давидкѣ). Ты уже здѣсь? Соберутся сегодня?

ДАВИДКА (нехотя). Не знаю... Меня не спрашивай...

ВЕТЯ (сердито). Могли бы не приходить сюда, Арнъ... Соберутся не соберутся, — не ваше дѣло. Безъ васъ обойдется. Ступайте и полижьте лучше ноги у Гросмана.

АРНЪ. Что значить полижьте ноги у Гросмана? Вы развѣ были при этомъ.

ВЕТЯ. Не стройте изъ себя дурачка, мы это понимаемъ. А еще рабочій, товарищъ!..

АРНЪ. Таки рабочій и товарищъ. Знайте это. А то что же, миллионеръ?

ВЕТЯ. Гнилыя штучки. Всѣ знаютъ, что вы приходите вывѣдать что-нибудь, а потомъ доносите Герману. Когда-нибудь это кончится плохо...

АРНЪ. Не пугайте меня. Развѣ я доношу? Они выдумали про меня. Рабочіе сердиты за то, что я получаю не восемьдесятъ копеекъ, а рубль въ день. Вотъ вся правда. А если я получаю больше другихъ, то во мнѣ всѣ пороки. Почему же вы не спросите, отчего я получаю больше? Прямой отвѣтъ: я работаю лучше.

ДАВИДКА. Этого не говори. Мы всѣ хорошо работаемъ.

ЭРШЪ. Перестаньте, прошу васъ. Ссориться ступайте на улицу.

ВЕТЯ. А кого видѣли на черномъ ходѣ у Германа?

АРНЪ. Что же я долженъ дѣлать? Разъ меня по-

звали, я долженъ былъ явиться. И почему мнѣ скрывать, что я противъ забастовки? Я всегда былъ противъ этихъ проклятыхъ забастовокъ. Хозяинъ даетъ намъ хлѣбъ, мы обязаны вѣрно служить ему. Въ прошломъ году у меня заболѣлъ ребенокъ. Благодаря кому его приняли въ больницу? Благодаря Герману.

Б Е Т Я. Сколько онъ вамъ обѣщаль за ваши рѣчи?

Ш М И Л Ъ. Ай, ай, ай, Арнъ!.. Начнется это и смететь, васъ, какъ соломинку. Что вы становитесь противъ вѣтра, когда поднялась буря?

Д А В И Д К А. Вотъ это, Шмиль, я и хотѣлъ сказать. Ты таки противъ забастовки, ругаешь ее, а все-таки что-то тянешь. Покажешься на улицѣ,—тамъ забастовки, адѣсь забастовки. Что-то хорошее несется въ воздухѣ, и думаешь: развѣ я не человекъ? Да, у себя дома, когда видишь эту кучу дѣтей съ раскрытыми ртами, эту низенькую комнату, гдѣ по стѣнамъ всегда ползетъ вода, и эти слезы и проклятiя, тогда падаешь духомъ.

А Р Н Ъ. Потому что ты дуракъ. Нужно имѣть крѣпкую голову. Гдѣ ты видишь это хорошее? Въ смугѣ? Спрячуть ее въ карманъ, эту смугу.

Э Р Ш Ъ. Возьми у меня стаканъ, Роза. Сяду работать.

Р О З А. Ты могъ бы уже отдохнуть. (Береть у него стаканъ. Къ Д а в и д к ѣ) Арнъ говоритъ правду. Ай, мы будемъ плакать. На свои годы будемъ плакать.

Д А В И Д К А (къ Б е т ѣ). Ну, какъ мнѣ, Бетя, знать, что дѣлать? Слушаю его и уже начинаю колебаться. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ это кончится? Видите! Вотъ мы хотимъ,—вотъ мы боимся.

Б Е Т Я (встаетъ въ гнѣвъ). А я хочу, чтобы онъ ушелъ отсюда. Сейчасъ же! Ну, Арнъ, маршъ отсюда! И берегите свои бока. Я отъ Мирона знаю, кто ведетъ это подлое дѣло. Наступило уже время, когда рабочіе ста-

новятся сознательными, и вотъ являются подлецы, которые портятъ рабочее дѣло. Можете передать Герману, что ему это даромъ не пройдетъ. Думаетъ, что если можно подкупить такихъ подлецовъ, какъ вы, то рабочіе откажутся отъ своихъ требованій...

РОЗА (къ Эршу). Хочу увидѣть, какъ ты ей закроешь ротъ. Покажи хоть разъ.

ЭРШЪ (хмуро). Оставь меня въ покоѣ. Начну плакать: не мучьте меня.

АРНЪ (вдругъ встаетъ). Ну, хорошо, хорошо, я запомню ваши слова.

БЕГЯ. Можете даже записать ихъ. Онъ запомнить! Выходи отсюда! Вонъ, измѣнникъ, предатель, подлець!.. Подожди, придетъ на васъ смерть.

АРНЪ (стоя у дверей). Посмотримъ на кого. (Уходитъ) шмиль. Вотъ хорбшо. Славно ты его отдѣлала.

РОЗА. Ну, жизнь теперь!.. Славная жизнь. (Шмиль смѣется) Желтымъ смѣхомъ вамъ смѣяться. (Кашляетъ) Въ печонкѣ вы сидите у меня съ своимъ смѣхомъ.

НАХМАНЪ (входитъ; навеселѣ. Грубымъ голосомъ). Ну, добрый вечеръ. Хорошій дождикъ на дворѣ. Если бы такой въ апрѣлѣ, то сказали бы: будетъ хорошій урожай. А мнѣ все равно.

РОЗА. Смотри-ка, онъ уже пьянъ... Черная оспа убила бы тебя.

— [шмиль. Хватили уже рюмочку, Нахманъ?

НАХМАНЪ. Почему не хватить? Мнѣ все равно.

РОЗА. Иди уже спать, несчастье мое!..

НАХМАНЪ. На зло тебѣ буду сидѣть здѣсь. Мнѣ все равно.

ЭРШЪ (тихо). Ступай спать, Нахманъ. Ты кричишь, а намъ нужно работать.

НАХМАНЪ (вспыхнулъ. Бьетъ себя въ грудь). А я не работалъ сегодня? Не перетаскалъ на этихъ плечахъ тысячи пудовъ? Не издыхаю, какъ лошадь? Такъ, зна-

чить, мнѣ плакаться? Лежу въ землѣ. У города вѣдь такія лапы,—съ крючками... Такъ что же? Молчу... Можетъ быть, тоже, какъ другіе, хотѣлъ бы свѣтъ увидѣть? Можетъ быть, землю хочу грызть? Жалуюсь я кому-нибудь? Мнѣ все равно... Вотъ у меня сорокъ копеекъ осталось. Возьми мои сорокъ копеекъ.

ЭРШЪ (тихо). Не надо. Оставь у себя.

НАХМАНЪ. Можетъ быть, и я хотѣлъ учиться? А я долженъ быть скотиной. Ну?.. Такъ мнѣ все равно.

РОЗА. Что значить не надо? Возьми у него. (Къ Нахману) Дай сюда деньги.

НАХМАНЪ (смотреть на нее). Вотъ тебѣ не дамъ. Хотѣла ты посылать меня въ школу? Только и знала: ступай работать! И теперь я скотина. Не дамъ тебѣ денегъ.

РОЗА (плачетъ). Взялъ бы тебя Богъ у меня!..

НАХМАНЪ. Послушаетъ тебя Богъ. Какъ же!..

(Идетъ къ дверямъ. Входятъ рабочіе съ мельницы, русскіе и евреи, здороваются и разсаживаются, какъ попало. Нахманъ оглядываетъ ихъ)

НАХМАНЪ (смѣется). Демократы!.. (Плачущимъ голосомъ, очень громко) Демократы!.. (Машетъ рукой) А мнѣ все равно. (Выходить въ кухню)

ЯКОВЪ. А что, дядя Эршъ? Миронъ-то вашъ гдѣ?
ЭРШЪ. Миронъ? Скоро придетъ.

(Чарна поднимается, окидываетъ рабочіихъ взглядомъ пришибленнаго и медленно выходитъ)

СТЕПАНЪ. Юська, есть у тебя табакъ?

ЮСЬКА (не глядя даетъ ему желтую круглую коробку). На, возьми.

(Рабочіе тихо разговариваютъ между собой. Входитъ Маня. Худая, высокая женщина)

МАНЯ. Добрый вечеръ.

РОЗА. Добрый вечеръ, Маня. Присядьте возлѣ меня. (Маня сіла) Что слышно у васъ? были вы у сестры?

маня. Я была? Пусть чортъ съ ней видится! Послала къ ней свою Диночку. И что же? Думаете, она ее приняла? Подавиться бы ей такъ кускомъ хлѣба. Думаете, допустила въ комнаты? Жить бы ей такъ на свѣтѣ! Она мою Диночку приняла... знаете гдѣ? Въ передней!..

роза. Чтобы ей только жить въ передняхъ.

маня. Въ передней! Мою Диночку въ передней! Можетъ быть, позволила ей говорить? Рта не дала раскрыть. Кричала. Можете себѣ представить, какъ умѣетъ кричать моя добрая сестра, чтобы ей въ горлѣ заложило, и какъ мое дитя испугалось. Оно такъ испугалось, что чуть въ обморокъ не упало.

іосѣка (прислушался. Въжливю). Вы, кажется, рассказываете о мадамъ Гросманъ?

маня. Я рассказываю о мадамъ Гросманъ. Ну, ничего, Роза. Теперь я къ ней пойду. И если я не перебью ей всѣхъ стеколъ въ окнахъ, то вы меня Маней не будете называть.

яковъ. Слѣдовало бы. Очень хорошо бы это, чтобы ни одного стекла не осталось въ цѣлости. А еще сестра!.. Ай да сестра!.. (Смѣется)

степанъ. А еще говорятъ, что у нихъ своя, еврейская связь.

маня (стремительно подбѣгаетъ къ Степану). Я вамъ расскажу, Степанчикъ!.. (Беретъ его за бороду) Она же сестра, а я бѣдная. Такъ что же? Развѣ у васъ не бываетъ такъ, что одна богатая, а другая бѣдная?

степанъ. Что говорить!..

маня. Ну, ничего, такъ Богъ хотѣлъ. Онъ же сидитъ наверху и все видитъ, и лучше знаетъ. Но будь же человѣкомъ. Хорошо,—но будь же сестрой!.. Что твоя кровь и что моя кровь?..

яковъ. Правильно. (Моргаетъ глазами) Одно слово;—однокровки.

маня. А она этого не хочетъ знать. Мой мужъ ра-

ботаешь у ея мужа на мельницѣ. Его еще нѣтъ здѣсь, но онъ сейчасъ придетъ. Онъ придетъ! Спрашиваю васъ, Степанчикъ, надо ли помочь мнѣ? Но пусть ей на весь вѣкъ останется то, что она давала мнѣ до сихъ поръ. Что? Почему я брала? Что же бѣдный долженъ дѣлать? Когда дадутъ,—онъ беретъ. Но теперь, Степанчикъ, теперь!.. Такія времена, такая страсть... Ну, не будь сестрой, будь теткой, будь самой дальней родственницей. Помоги чѣмъ-нибудь. Нѣтъ, твой мужъ въ забастовкѣ! Гдѣ же ему быть? Въ землѣ? Пусть онъ не будетъ, такъ въ вѣдь его убьете. Правда, Степанчикъ, вы его убьете?

СТЕПАНЪ (высвободилъ бороду). Убить не убьемъ, но и по головкѣ не погладимъ.

МАНЯ (обрадованная). Ну, вотъ видите. Я ей это сказала, а она меня выгнала. Послала я къ ней сегодня дитя, и она ее тоже выгнала. Кого? Мою Диночку? Моя Диночка лучше, чѣмъ ея барышни. Можетъ быть, нѣтъ? Сидитъ одна худая, какъ скелеть, и смотритъ на васъ сумасшедшими глазами. Другую, слава Богу, мужъ уже прогналъ отъ себя. Конечно, прогналъ! Прогналъ, прогналъ!.. Богъ не будетъ молчать...

ГОСЬКА. Вы будьте совсѣмъ спокойны. Мы ихъ теперь хорошо прижмемъ къ стѣнѣ.

ЯКОВЪ. Чтобы пѣна пошла со рта...

МАНЯ. Чтобы таки пошла. Она говоритъ, что рабочіе ее раззорили и потому она не можетъ помогать... Забастовка имъ уже стоитъ десять тысячъ. Ничего, я еще доживу увидѣть ее нищей. Рабочіе требуютъ расходовъ на двадцать пять тысячъ рублей въ годъ. Требуйте на пятьдесятъ. Я первая буду кричать: душийте ихъ проклятыхъ. Сдирайте съ нихъ кожу, какъ они съ насъ сдираютъ. Не поддавайтесь.

ЯКОВЪ (поднялся). Всѣмъ бы подняться и пойти туда на мельницу...

СТЕПАНЪ. Намедни Германъ подсылалъ своихъ людей; кому деньги прислалъ, кому подарокъ. Нашихъ напоилъ. Вотъ и связь рушится. Вашъ-то деньги любить, а нашъ выпить. Вотъ и не поддавайся.—А я что? Я готовъ. Меня хоть ножемъ рѣжь, а я стѣну не сломаю. Ты мнѣ на выпивку, а я тебѣ въ зубы,—дал..

ІОСЬКА (говорить съ запинкой). Позвольте и мнѣ что-нибудь сказать. Прошу маленькаго слова. Чѣмъ, напримеръ, бѣдный рабочій виноватъ въ томъ, что разъ,—боится, два—береть деньги, и три,—согласенъ выдавать. Ну? Онъ бѣдный, темный!.. Онъ хочетъ кушать. Онъ, бѣдный, кушаетъ мясо разъ въ недѣлю и то—самое послѣднее мясо, которое съ червями. Онъ, бѣдный, въ заботахъ, и ходитъ оборванный. У тебя, Степанъ, напримеръ, сапоги цѣлы? Нѣтъ, ты правду скажи. Цѣлые у тебя сапоги?

СТЕПАНЪ. Я ихъ цѣлыми, можетъ, никогда и не видѣлъ... Вотъ они сапоги...

(Показываетъ. Рабочіе смѣются)

ЯКОВЪ. Кто видалъ сапоги Гросмана?

КТО-ТО. А у Германа башмачки на пуговичкахъ.

СТЕПАНЪ. Кухарка ихняя рассказывала, что каждый день по двѣнадцать фунтовъ мяса еврейскаго берутъ,—все слопать не могутъ, такъ собакъ имъ кормятъ.

ВЕТЯ. Не бойтесь. Они уже и свинину ѣдятъ.

ІОСЬКА (настойчиво). Ну, такъ это я хотѣлъ сказать. Вотъ бѣдный рабочій, оборванный, голодный!..

ЭРШЪ. Ты бы, Іоська, пересталъ. У меня руки начали дрожать.

ІОСЬКА. А если дрожать, такъ рабочему уже стало хорошо? Дайте же говорить, Эршъ. Я демократъ и говорю о положеніи бѣднаго рабочаго. И меня никто не можетъ остановить, ибо я желаю добра нашему рабочему классу. А почему имъ можно быть мерзавцами?

Колѣнкой нажимать на грудь бѣднаго рабочаго, чтобы у него глаза закатывались?

яковъ. Вѣрно, Юська. Валяй дальше...

степанъ. Ты, дядя Эршъ, уже помолчи. Маленечко потерпи.

Юська. На чемъ же я остановился? Да, такъ я говорю, бѣднаго рабочаго... А если ему дадутъ деньги, можетъ онъ сказать,—не хочу денегъ? Или если ему подносятъ водку,—можетъ онъ сказать, не хочу водки? Онъ таки не долженъ этого дѣлать, но вѣдь онъ еще несознательный. Слѣдовательно, кто же тутъ виновать? Опять-таки Гросманъ и его Германъ. Вотъ это я хотѣлъ сказать...

роза. Еще будете ноги цѣловать у Гросмана. Подождите, Юська. Это не кто-нибудь. Это Гросманъ,— Это король!.. Пусть уѣдутъ изъ города десять такихъ Гросмановъ, и всѣмъ намъ можно будетъ начать копать себѣ могилы.

шмилъ. Ай, ай, ай, и ай, ай, ай!..

(Входитъ Миронъ съ рабочими и сосѣди. Среди нихъ Абрамъ, мужъ Маня)

Юська. Вотъ и пришелъ товарищъ Миронъ...

(Выдвигается впередъ. Рабочіе окружаютъ Мирона. Абрамъ подходитъ къ Манѣ)

Абрамъ. Что ты тутъ дѣлаешь? Обойдутся безъ тебя. Иди домой.

Маня. Вотъ я уже ушла. Хочу тоже послушать.

Абрамъ. Нечего тебѣ слушать. Узнаешь, когда приду.

Маня. А я хочу остаться. Хочу увидѣть, какъ Гросмана закопаютъ въ землю.

(Ихъ закрываетъ кучка рабочихъ)

Юська. Товарищи, прошу всѣхъ сѣсть. Товарищъ Миронъ хочетъ говорить.

(Миронъ отдѣляется и начинаетъ очень просто, негромко и не тихо. Вниманіе растетъ. Прерываютъ жестами,

восклицаніями. Бетя бросила работу и стала недалеко от него. Эрш снял очки, подошелъ къ дверямъ и тамъ остался)

миронъ. Я хочу начать съ того...

роза (прерываетъ его). А я не хочу быть здѣсь. Чтобы мой сынъ! Тьфу на васъ! (Шлюетъ) Дождетесь вы всѣ Сибири. (Выходить. Ее сопровождаютъ смѣхомъ)

миронъ (улыбается). Она все еще боится... Такъ вотъ, мы собрались сюда, чтобы обсудить наши дѣла. (Восклицанія) Всѣ мы знаемъ, что Гросманъ не останавливается уже ни передъ чѣмъ, чтобы сломать нашу забастовку.

юсська. Прошу маленькаго слова...

яковъ. Подожди, Юсська.

миронъ. Спрашиваю у товарищей, что будетъ, если Гросманъ побѣдитъ?

степанъ. Известно, что будетъ: на шею верхомъ сидеть.

миронъ. Зачѣмъ же было начинать? Пусть каждый вспомнить, какъ мы живемъ. Вотъ здѣсь квартира рабочаго. Комната и кухня. Здѣсь живу я, сестра-работница, отецъ-работникъ, братъ Нахманъ и сапожникъ Шмилъ. Мы отравляемся вонью, что идетъ со стѣнъ и отравляемъ другъ друга собственнымъ дыханіемъ. Мы спимъ на полу, какъ собаки, и вши поѣдаютъ наше тѣло. Мы ѣдимъ черствый хлѣбъ и лишь по праздникамъ видимъ мясо. Наши развлеченія—или водка, или биллиардъ, или мертвый сонъ. Вотъ наше положеніе. Кто изъ насъ живетъ лучше, пусть отвѣтитъ.

голоса. Вѣрно, вѣрно...

миронъ. А какъ живетъ Гросманъ? Семья Гросмана изъ четырехъ человѣкъ. Эти четыре человѣка живутъ въ двѣнадцати комнатахъ, которыя стоили, какъ хвасталъ Германъ, шестьдесятъ тысячъ рублей. Для этихъ людей все доступно. Театръ, музыка, обра-

зованіе, хорошія книжки, лучшая пища, въ то время какъ для нашихъ дѣтей нѣтъ молока въ грудяхъ матерей, въ то время какъ мы гибнемъ отъ истощенія, отъ грязи и болѣзней. Я говорю къ вамъ и хотѣлъ бы, чтобы слова мои вмѣстѣ съ моей желчью и гнѣвомъ дошли до вашего сердца. У насъ есть одинъ выходъ. Не уступать!..

(Шумъ и возгласы)

яковъ (въ гнѣвѣ. Встаётъ). Перебить бы всѣхъ этихъ подлецовъ и былъ бы одинъ конецъ. (Грозою) Кто нарушитъ связь, тотъ со мной будетъ вѣдаться. Подожди, подлецы!..

миронъ. Не легко Гросману увеличить расходы по мельницѣ на двадцать пять тысячъ рублей. Но мы его заставимъ...

яковъ (грозою). Заставимъ, а не то всей мельницѣ капутъ!.. Такъ я говорю? Чѣмъ дальше мучиться, какъ мучились до сихъ поръ, такъ уже лучше на каторгу. Хуже мельницы каторги не можетъ быть.

голоса. Вѣрно, вѣрно. И всѣхъ ценятъ его слы-
дуетъ перебить!..

(Шумъ, гнѣвные жесты)

иоська. Прошу маленькаго слова... Почему товарищъ Миронъ не говсрить намъ о сынѣ господина Гросмана, Александрѣ? Мы знаемъ, что онъ демократъ. Почему же мы его не видимъ здѣсь, среди насъ? Какой же онъ демократъ, если не идетъ противъ своего отца-эксплуататора?

яковъ. Это ты, Иоська, правильно спросилъ!

степанъ. Оно, правду сказать, неловко какъ-то.

миронъ. Сынъ Гросмана на нашей сторонѣ. Онъ сегодня придетъ сюда, чтобы обсудить и рѣшить, какъ намъ дальше вести дѣло.

иоська. Bravo и bravo. Я удовлетворенъ.

яковъ. Значить, наша взяла, если сынишка Гросмана за насъ.

давидка (робко). Я, Миронъ, вотъ что хотѣлъ сказать. Я бы... (запинается)

яковъ. Дай ему по затылку, слова и пойдутъ.

д а в и д к а (улыбаясь). Что я хотѣлъ сказать? Такъ, ничего не хотѣлъ сказать. Но... но что-то мира хочется. Понимаете, чтобы было тихо, спокойно. Къ чему этотъ крикъ? Ну, хорошо, вотъ крикъ. Вотъ дитя дома плачетъ. Вотъ жена дома проклинаятъ. Такъ уже хорошо? И господинъ Гросманъ тоже не маленькій человѣкъ. Мы упряимся и онъ думаетъ: „смотри-ка, они со мной хотятъ бороться! Кто хочетъ, что хочетъ? Мы!.. Еще разъ кто? Вотъ эти мы!.. Противъ кого? Противъ Гросмана!..“

и о с ь к а. Прошу маленькаго слова... Ты кончилъ, Давидка? Если нѣтъ, то продолжай.

д а в и д к а. Я не кончилъ и я не началъ. Я только говорю, пусть все будетъ сдѣлано тихо, мирно. Мы евреи и онъ еврей. Не скушаемъ другъ друга. (Къ и о с ь к ѣ) Что? Ты говоришь, что здѣсь русскіе рабочіе? Что же изъ этого? Развѣ они не люди? Они меня понимаютъ. Правда, Яковъ, ты меня понимаешь?

яковъ. Пошелъ ты къ чорту.

д а в и д к а. Уже пошелъ.. Ну, а дальше? Что ты на меня смотришь, Иоська?

и о с ь к а. Я смотрю на тебя оттого, что ты ничего не понимаешь въ бѣдномъ рабочемъ. Когда я тебя выучу? Ты вѣдь набитый дуракъ, и я тебѣ сейчасъ докажу почему. Что такое, напримѣръ, капиталистъ-эксплуататоръ? Ну, что, что?..

д а в и д к а. Знаю, знаю...

и о с ь к а. Знаешь? Кушать ты знаешь! Капиталистъ-эксплуататоръ, это человѣкъ, который долженъ отнимать у рабочаго прибавочную стоимость. Ну а что такое рабочій? А? Рабочій, это человѣкъ, который, хотя не хочетъ, но долженъ отдавать капиталисту прибавочную стоимость. Не смотри на меня какъ баранъ передъ смертью. Ты уже понялъ? Что же отсюда слѣдуетъ? Что рабочій долженъ бороться съ капитали-

стомъ, пока не отниметь у него всю прибавочную стоимость. Осель, приче́мъ же тутъ еврей? Вотъ тутъ ты, Давидка, второй разъ дуракъ, и я тебѣ сейчасъ докажу почему. Если, напри́мѣръ, еврей капиталистъ выжимаетъ прибавочную стоимость изъ русскаго и еврейскаго рабочаго, а русскій капиталистъ выжимаетъ прибавочную стоимость изъ еврейскаго и русскаго рабочаго, то приче́мъ тутъ нація? Когда я говорю, что монета не имѣетъ націи, то ты это понимаешь. Почему же ты не понимаешь, что тотъ, кто любитъ монету, тоже не имѣетъ націи? (Рабочіе смѣются) Приче́мъ же здѣсь слова: еврей и русскій?..

я к о в ь. Ловко отдѣлалъ, Юська. Мы всѣ одно, что Степанъ, что Миронъ.

д а в и д к а (подумавъ). А почему русскіе устраиваютъ погромъ?

с т е п а н ь (погладивъ бороду. Сбивчиво). Да! Это ты правильно спросилъ. Это такъ.

ю с ь к а. Дуракъ. Мы бѣдные рабочіе иде́мъ къ одной цѣли. Русскіе и еврейскіе рабочіе не враги. Они уже поняли свои общіе интересы и рука объ руку идутъ въ бой со старымъ міромъ, чтобы его сокрушить. Я скажу такъ: русскіе и еврейскіе рабочіе,—братья!

я к о в ь. Вѣрно,—братья. Нашъ врагъ хозяинъ, а не еврей. Хозяину надо шею свернуть.

(Шумъ)

ш м и л ь. Ай, ай, ай! Братья!.. Это хорошо... Это по-еврейски!.. (Встаетъ и бросаетъ сапогъ) Слушайте дѣти... Это по-еврейски. Степанъ, знаешь ты, что значитъ по-еврейски? Это значитъ по-человѣчески: всегда и вездѣ еврейское было человѣческое. Дѣти,—люби враговъ своихъ, кто сказалъ? Это мы сказали. И кто сказалъ, подставь правую щеку, когда бьютъ въ лѣвую? Вы говорите, что вы. Но это неправда... Тоже мы!.. Эти слова пахнутъ еврейской болячкой, еврейской кровью.

Д А В И Д К А. (благоговѣнно). Таки пахнетъ еврейской болячкой.

І О С Ъ К А. Прошу маленькаго слова...

Ш М И Л Ь. Тысячелѣтія прижимали еврея, и онъ отъ боли скривилъ лицо и выкрикнулъ: люби враговъ своихъ. Некуда было дѣваться, Степанъ. Люби враговъ своихъ!.. Хорошо, но сейчасъ же проклялъ это, и оно стало чужимъ. Ай, ай, ай, ай, и ай, ай, ай!.. Сказать правду нужно. Это было еврейскимъ словомъ. А кто сказалъ, борись съ поработителемъ своимъ? Тоже мы!.. Все хорошее, человѣческое говорили мы и сейчасъ же дарили другимъ. Берите, мы не жадные. У насъ столько есть, что всѣмъ людямъ хватить. Не мѣшай же, Іоська. Мы сказали: борись съ поработителемъ своимъ, но это еще не по-еврейски!.. Но борись ты, угнетенный, рука объ руку не только съ евреемъ, а съ русскимъ, съ французомъ, съ полякомъ, противъ поработителей своихъ,—вотъ это по-еврейски. Тутъ еврей не скривилъ лицо и громко, Яковъ, и смѣло, Іоська, сказалъ: угнетенные, вотъ ваша дорога!.. Понимаете? понимаете? И я еще долженъ сказать, Степанъ, что все станетъ еврейскимъ!.. Нѣтъ, у васъ таки будетъ своя суббота, у французовъ своя, у нѣмцевъ своя, но духъ, духъ во всемъ будетъ жить еврейскій.

(Садится въ волненіи. Шумъ)

М А Н Я. Вамъ за это слѣдуетъ поцѣлуй, Шмиль. Вы всегда вмѣшиваетесь не въ свое дѣло. Вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. А я хочу видѣть, какъ похоронять Гросмана. Дѣти!.. Надѣвайте-ка на него саванъ!.. Кладите же его въ землю...

(Въ это время въ заднихъ рядахъ начинается движеніе. Всѣ оглядываются. Кто-то, протискивается черезъ толпу. Миронъ бѣжитъ навстрѣчу)

М И Р О Н Ъ. Это товарищъ Александръ, сынъ Гросмана. Пропустите товарища.

Э Р Ш Ъ (пораженный). Сынъ господина Гросмана
здѣсь!.. Самъ сынъ господина Гросмана!..

(Александра окружають рабочіе, пожимають ему
руку)

А Л Е К С А Н Д Р Ъ (звучнымъ голосомъ). Товарищи!.. (Всѣ
утихаютъ) Товарищи!..

З А Н А В Ъ С Ъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая въ домѣ Гросмана. Слышна игра на фортепиано. Звуки доносятся слабо. Музыка нѣжная, меланхолическая. Сѣрый, тусклый день. Мельница окутана туманомъ. Ея контуры неясно выдѣляются. Отъ тѣней столовая кажется печальной. Женя сидитъ на кушеткѣ, повернувшись спиной къ мужу. Этель, въ капотѣ, сидитъ за столомъ, повернувшись къ Розенову. Розеновъ, одѣтый съ иголочки, взволнованный, ходитъ по комнатѣ.

розововъ. Не говорите мнѣ, теща, объ этой дурацкой революціи. Я плевать хочу на нее. Вотъ этотъ скандалъ, который Женья устроила, хуже всякихъ революцій. Мнѣ никуда нельзя показаться. Понимаете, нельзя!.. Надо воспользоваться, теща, тревожными слухами и уѣхать мѣсяца на два за границу съ Женьей. О насъ забудутъ и перестанутъ сплетничать. (Женья киваетъ головой) Нѣтъ? (Грозно) Нѣтъ?

этель. Зачѣмъ такъ сердиться, Яковъ? Она вѣдь молоденькая. Ее надо попросить, приласкать. Вѣдь она у меня выросла въ роскоши. Ты образованный, ты знаешь самыя лучшія слова...

женья. Какъ вы мнѣ надоѣли!.. Всѣ, всѣ!.. (Повернулась въ другую сторону)

розововъ. Слышите, теща? Это ея постоянный жаргонъ. (Повторяетъ раздраженно) Какъ вы мнѣ надоѣли! Чѣмъ я вамъ надоѣлъ, принцесса?

женья. Интеллигентъ, ставшій биржевикомъ,—не человѣкъ!

розововъ. Слышите, теща, слышите? Четыре года я ей твержу: Женья, деньги! Женья, деньги и деньги! Вотъ результаты. Теща, вы знаете жизнь. Можно ли прожить безъ денегъ? И мужу нельзя объ этомъ сказать женѣ!..

этель. Что же дѣлать, если она такая. Она у меня не жадная.

розововъ (возмущенный). Какъ, что дѣлать? Вы

должны другое говорить, если желаете ей добра. Сдѣлайте ее жадной. Отнимите у нея платья, брилліанты, и она заголоситъ, какъ я голосилъ. Что дѣлать? Вотъ я прошелъ школу и хорошо знаю, что нужно дѣлать. Вамъ кажется, теща, что какъ только я пріѣхалъ изъ-за границы съ дипломомъ, то передо мной открылись всѣ двери?.. Ошибаетесь. Я былъ бѣденъ и со мной никто разговаривать не хотѣлъ. Ошибаетесь. Со мной теща не церемонилась. Прошло три тяжелыхъ года, пока я почувствовалъ подъ ногами почву.

э т е л ь. Положимъ, всѣмъ приходится трудно...

ж е н я. Я краснѣю, когда слышу объ этомъ. Сейчас пойдетъ рассказъ о больницѣ. И онъ даже не подзрѣваетъ, какъ это пошло.

р о з е н о в ъ. Пошло разыгрывать Софію Кавалевскую, когда въ сущности ты хочешь того же, что и я.

ж е н я. Я хочу? А мои идеалы...

р о з е н о в ъ. Знаемъ, знаемъ... Все въ высококомъ стилѣ: Богъ, идеалъ, искусство... Надо имѣть стыдъ, Женья! Въ больницѣ, теща, гдѣ я по пріѣздѣ изъ-за границы началъ работать, пришлось превратиться чуть ли не въ лакея извѣстныхъ врачей, чтобы добиться отъ нихъ какой-нибудь помощи. И я превратился, теща. Вотъ гдѣ истинная правда жизни. Я превратился, потому что понималъ,—иначе не пройдешь. Я развлекалъ ихъ женъ. Я былъ ловче другихъ, гулялъ съ ихъ идиотками дочерьми и за это иногда получалъ дежурство у богатаго больного. Я терпѣлъ... ради денегъ!..

э т е л ь. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Ты все-таки устроился...

р о з е н о в ъ. Конечно!.. И я побѣдитель. Я правъ и требую, чтобы она не становилась поперекъ моей дороги. Я долженъ быть богачомъ и буду имъ. Она не хочетъ понять, что практика врача рѣдко обогащаетъ. Посмотрите, теща, на нашихъ богатыхъ врачей. Развѣ

они живутъ? Развѣ они чувствуютъ сладость жизни? Другое дѣло биржа. Это чисто. Это пріятно. Вокругъ тебя кипитъ жизнь. Ты самъ какъ соломинка захваченъ водоворотомъ. Деньги растутъ! Деньги растутъ!

ЭТЕЛЬ (звонкимъ голосомъ). Я понимаю. Я чувствую, Яша! Помню, какъ это у насъ началось.

ЖЕНЯ. Ненавижу, презираю васъ...

ЭТЕЛЬ (дѣлаетъ Розенову знакъ. Шепотомъ). Поговори самъ съ ней. Я ничего не могу поддѣлать, а отецъ не хочетъ вмѣшиваться.

ЖЕНЯ (обернулась). О чемъ вы шепчетесь?

ЭТЕЛЬ. Я не шепчусь. Уже шепчусь! (Дѣлаетъ Розенову знакъ) Подойди же къ ней.

(Тихо выходитъ въ кабинетъ и закрываетъ дверь за собой. Розеновъ смотритъ на жену. Заложилъ руки за спину и ходитъ по комнатѣ. Останавливается. Недовольно машетъ головой и рѣшительно подходитъ къ ней)

РОЗЕНОВЪ (искусственно дрогнувшимъ голосомъ). Женичка!..

ЖЕНЯ. Не смѣйте касаться меня. Ступайте къ своей служанкѣ!

РОЗЕНОВЪ (вспыхнувъ). Ненавижу этотъ тонъ. Начиталась французскихъ романовъ и чуть что, сейчасъ на вы.

ЖЕНЯ. Я не хочу тебя знать больше. Моя жизнь пропала! (Приложила платокъ къ глазамъ) Если бы я знала, за кого шла замужъ. Скажи, чѣмъ ты теперь лучше бандита, который останавливаетъ путниковъ на большой дорогѣ съ крикомъ: кошелекъ или жизнь? Врачъ-биржевикъ! Какой позоръ, какой позоръ!

РОЗЕНОВЪ (сдерживается). Я третій разъ дѣлаю попытку примириться съ тобой. Двѣ недѣли, какъ ты бросила домъ. Дѣти страдаютъ,—ты замучилась. Послушай меня, поѣдемъ домой.

ЖЕНЯ (съ горечью). Ты заботишься обо мнѣ? (Криво) А какова была моя жизнь? Поговорилъ ли ты

со мной хоть однажды серьезно? Нѣтъ, серьезно, по-человѣчески. Чѣмъ я была для тебя? Куклой, выставкой! Ты покупалъ мнѣ брилліанты ради своихъ пѣлей, но скупился на покупку книгъ, произведеній искусства. Въ нашемъ домѣ нѣтъ ни одной скульптуры. Въ гостиной, на стѣнахъ висятъ большія олеографіи, въ этихъ пошлыхъ золоченыхъ рамахъ. Для кабинета ты отказывался приобрести бібліотеку...

р о з е н о в ъ . Эти бредни никого не грѣютъ. Мнѣ надоѣли книги. Я не признаю искусства.

ж е н я . Развѣ это не ужасно, не признавать искусства? Боже мой, я оставалась одна и думала: гдѣ же мои мечты? Когда мы познакомились, ты мнѣ понравился. (Опять напыщеннымъ тономъ) Я думала, что съ тобой изъ этого мертваго дома я выйду на свѣтъ, я увижу солнце. Жизнь наша будетъ заполнена благороднымъ трудомъ...

р о з е н о в ъ (сердито). Это все изъ романовъ. О какомъ трудѣ ты говоришь? Въ жизни все такъ ясно, такъ просто. Поѣдемъ домой. Твоя вспышка пройдетъ, и какъ ты будешь жалѣть, если мы разойдемся. Я женюсь вторично на молоденькой, богатой, ты останешься вдовой. Хочешь, я повезу тебя за границу? (Шепчетъ) Поѣдемъ, какъ любовники...

ж е н я . Не добьюсь у тебя, чтобы ты отнесся ко мнѣ, какъ челоуѣкъ. (Заплакала) Я говорю серьезно, Яковъ. Можетъ быть, это мои послѣднія слова! Я четыре года молчала. Я рвалась изъ нашей клѣтки къ прекрасному. И вотъ я вырвалась... не на радость.

р о з е н о в ъ (мѣняетъ тонъ). Не могу же я серьезно, хладнокровно слушать эту чепуху. Вѣдь я не мальчишка и не хожу, воздѣвъ очи горѣ. Я смолоду ненавиждѣлъ этотъ гнусный, высокій тонъ. Перестань думать, или я тебя заставлю. Бросила дѣтей и разыгрываетъ Жанну Даркъ.

ж е н я (задыхаясь). Меня заставить!

р о з е н о в ъ. Тебя, тебя. Я пойду до конца.

ж е н я. Ты думаешь, что разговариваешь съ своими любовницами?

р о з е н о в ъ. Молчать! (Сдавливает ей руку) Вдешь домой? Я спрашиваю, вернешься домой?

ж е н я (вырывает руку). Опять въ эти проклятыя комнаты тюрьмы? Никогда, лучше смерть! (Съ пафосомъ) Кому я нужна теперь? Кто протянетъ мнѣ руку, чтобы идти со мной впередъ, впередъ, безъ конца? Я одна!.. Моя жизнь пропала и вотъ я плачу. Кому я продана? Посмотри на себя. У тебя круглое брюхо и плотоядный ротъ. (Смѣется) У тебя цѣпочка на жилеткѣ. Нѣтъ, ты посмотри на себя. Какъ твой домъ устроенъ? Кабинетъ безъ библіотеки, гостинная безъ произведеній искусства, столовая и огромный буфетъ съ мраморной доской. Когда къ намъходишь, сразу охватываетъ атмосфера чего-то ужаснаго, мерзкаго, безстыднаго. Я плачу, пропала жизнь!

р о з е н о в ъ. Но ты вѣдь идиотка, честное слово. Твое мѣсто въ больницѣ.

ж е н я. Это тебѣ кажется страшнымъ. Все благородное для тебя не имѣетъ цѣны. Пусть! Я плачу. Пропала жизнь!

р о з е н о в ъ (въ бѣшенствѣ). Не знаю, что удерживаетъ меня ударить тебя. Но подожди, дойдетъ и до этого. Проклятіе гимназіямъ и подлымъ книгамъ! Почему я женился на тебѣ? Почему я тебя выбралъ? Развѣ въ городѣ мало другихъ богатыхъ идиотокъ, которыя почли бы за счастье выйти за меня замужъ? (Ж е н я рыдаетъ) Ты еще плачешь? Ты еще права? Подожди, прибѣжишь сама ко мнѣ.

(Въ гнѣвѣ убѣгаетъ. Пауза. Ж е н я плачетъ. Изъ кабинета тихо выходитъ Этель. Удивленно оглядывается. Музыка прекращается)

э т е л ь. Гдѣ же Яковъ?

(Женя молча поднимается и рыдая выходить изъ комнаты въ правую дверь. У дверей столкнулась съ Манией. Этель изумленно смотритъ на нее)

ЭТЕЛЬ (недовольно; разстроена). Какъ ты прошла сюда? Кто тебя впустилъ?

МАНЯ. Никто меня не впустилъ. У кого я должна спрашивать позволеніе? Какъ ты ни богата, и какъ я ни бѣдна, все-таки мы сестры. Еще могу зайти къ тебѣ безъ спроса. Когда-то вмѣстѣ въ камешки играли, когда-то сидѣли за однимъ столомъ. Вотъ такъ сидѣлъ отецъ, а тутъ мать и, слава Богу, меня считали немножко красивѣе и умнѣе тебя. Счастья твоего мнѣ только не хватало.

ЭТЕЛЬ. Пришла уже разговаривать. Мнѣ не такъ весело, чтобы тебя слушать.

МАНЯ. Можно подумать, что я прыгаю отъ веселья. Почему ты выгнала Диночку? Что она тебѣ сдѣлала? Вѣдь она пришла тебѣ поклониться?

ЭТЕЛЬ (хмуро). Чего тебѣ надо отъ меня? Зачѣмъ ты приходишь меня мучить? Думай о какой-то Динѣ! Слава Богу, у меня довольно своихъ заботъ.

МАНЯ. Я ничего не говорю.

ЭТЕЛЬ. Ты не говоришь? Знаю тебя. Твои глаза говорятъ. Пусти меня выйти. Смотри-ка, стала на порогахъ и не пропускаетъ!..

МАНЯ (тихо). Я ничего не хочу отъ тебя. Я пришла только рассказать тебѣ, что мы умираемъ съ голоду. Внизу стоитъ мой Абрамъ и падаетъ съ ногъ отъ слабости. Помощи нѣтъ ни откуда. Я прощаю тебѣ, что ты выгнала мою Диночку. Я прощаю тебѣ твои двѣнадцать комнатъ и то, что ты купаешься въ золотѣ, прощаю даже и то, что ты меня, свою сестру, не хотѣла вытащить изъ грязи, изъ этой бѣдноты, изъ этихъ скорбей. (Заплакала) Помоги мнѣ теперь...

ЭТЕЛЬ. А я тебѣ сто разъ говорила что я не Рот-

шилдь. Мнѣ не у кого взять денегъ. Ты думаешь, что золото у меня въ рукахъ? А если бы и было? Значить, я должна тебѣ всё отдать? Ты моя сестра, но теперь нѣтъ родства. Всякій живетъ для себя. Былъ бы твой мужъ умнѣе, дѣльнѣе, ты бы тоже достигла богатства. У меня есть люди поближе, чѣмъ ты. Спроси-ка сколько стоитъ вести хозяйство. Сколько стоятъ слуги, лошади, конюхи? Сколько нужно для дѣтей. И ничего не остается для другихъ. Теперь мельница стоитъ, а когда мельница стоитъ, то все равно, что мать умерла. Пропусти меня. Ты видѣла, моя Женичка плакала?

м а н я. Я не уйду отсюда. Мнѣ некуда идти. Лягу здѣсь и умру. Хорошо, нѣтъ родства. Пусть! Я не сестра, я, просто, бѣдная, несчастная женщина. Я пришла къ тебѣ. Я оглядываюсь и глаза не выносятъ блеска твоего богатства. Дома у меня холодно, въ окнахъ стекло нѣтъ, со стѣнъ течетъ зеленая вода. Каждая вещь, которая здѣсь валяется, могла бы осчастливить меня на всю жизнь. Смягчи свое сердце. Взгляни на меня и на себя: мы вѣдь дѣти одной матери. Ты вся сіяешь, а я худа, какъ загнанная лошадь, и годилась бы тебѣ въ матери. Мои руки такъ высохли, что въ нихъ едва бьются жилы.

э т е л ь. Кто же виновать? Плачься на Бога. Пусть мужъ работаетъ... Развѣ мой Давидъ отказывался когда-нибудь отъ работы? Никогда! Онъ всегда думалъ о томъ, чтобы дѣлать деньги. Пусть твой мужъ тоже работаетъ, пусть дѣти работаютъ. Не жрите столько, не покупайте туфелекъ, шляпокъ, корсетовъ и изъ этихъ копеекъ соберутся рубли.

м а н я (мрачно). Пусть то, что мы тратимъ на шляпки, достанется моимъ близкимъ и далекимъ врагамъ на всю жизнь.

э т е л ь (сердито). Ты еще проклинаешь? Ты! Ничтожная! Какъ же имѣть дѣло съ такими людьми, какъ вы?

Ты бы вѣдь меня зарѣзала. За что? Развѣ мы ограбили кого-нибудь? Что вамъ сдѣлалъ Давидъ? Если его мельница кормить васъ, то этимъ онъ плохъ? Кого Давидъ обидѣлъ? Всю жизнь онъ думаетъ о васъ, Изъ-за васъ нѣтъ ни дня, ни ночи. А чѣмъ вы платите за это?

м а н я. Прошу тебя... помоги мнѣ.

э т е л ь. У меня нѣтъ денегъ.

м а н я. А я перебую всѣ твои стекла. А я буду бѣгать по улицамъ и кричать: народъ, смотрите, какъ Этель Гросманъ поступаетъ съ своей несчастной сестрой! (Изступленно) А я повѣшусь у твоихъ дверей.

(На крикъ вбѣгаетъ Гросманъ. За нимъ почтительно входитъ Германъ)

г р о с м а н ь. Что тутъ за крикъ? Кто это?

э т е л ь. Это Маня. Она кричитъ, что ей плохо. Если нуждаешься въ помощи, то развѣ такими словами требуютъ?

м а н я (возбужденно). Вы, Гросманъ, мой шуринъ, а она моя сестра. .

г р о с м а н ь (въ гнѣвъ затопалъ ногами). Вонъ отсюда!

м а н я. Ну, выбросьте меня. Вотъ это я хочу видѣть. А ну, возьмите-ка меня за плечи. Мнѣ уже все равно. Ну, жирные звѣри, выбросьте меня!.. Развѣ вы люди? Эта женщина моя сестра! Собаку бы лучше мать родила.

г р о с м а н ь (топаетъ ногами). Вонъ, вонъ сейчасъ! Германъ, что же вы стоите? Вытащите ее отсюда.

г е р м а н ь (подходить къ М а н я, брать ее за руку). Идите отсюда. Вы вѣдь крикомъ ничего не добьетесь.

м а н я (вырывается изъ его рукъ). Разбойники! Я вамъ всѣ стекла перебую въ домъ. Вы вѣдь пьете нашу кровь. Подождите, мы вамъ покажемъ, какъ пить. Ты, пусти меня... жирный звѣрь!

э т е л ь. Пустите ее, Германъ. (Бросаетъ ей рубль) На, подавись! Можешь уже проститься съ мельницей.

м а н я (глядитъ на монету, которая покатила; поднимаетъ ее

съ пола). Рубли! Богачка Гросманъ бросаетъ голодающей сестрѣ рубль! Что бы одинъ рубль остался отъ твоего богатства. Имѣешь уже радости отъ своей Женички? Положди, подожди. Моя правда возьметъ верхъ. Подождите, разбойники!

(Быстро уходитъ. Германъ присаживается скромно къ столу и не поднимаетъ глазъ. Гросманъ взволнованъ. Заложилъ руку за спину и ходитъ по комнатѣ)

ГРОСМАНЪ. Вотъ положеніе еврейскаго богача. Онъ одинъ и всякихъ бѣдныхъ родственниковъ у него тысяча. Тому до зарѣау нужны деньги, тотъ умираетъ съ голоду. Этому найди службу. Воспитывай на свой счетъ десятокъ юношей и выдавай имъ стипендію. Благотворительныя учрежденія требуютъ пожертвованій, и кто только хочетъ, расхищаетъ твое состояніе. Почему? Потому что ты еврейскій богачъ. Къ русскому богачу никто не посмѣетъ явиться съ просьбами. А попробуй отказать—и ты разбойникъ!

ЭТЕЛЬ (робк.). Выбрось ее уже изъ головы. Сегодня Яковъ опять приходилъ.

ГРОСМАНЪ. Не хочу слушать объ этомъ. Пусть идутъ къ черту всѣ Яковы!..

ГЕРМАНЪ (скромно). Надо было ей выбросить что-нибудь. Меньше собакой,—меньше лая.

ЭТЕЛЬ. Но у меня нѣтъ столько денегъ. Пусть бы Давидъ далъ мнѣ сто рублей и сказалъ: эти деньги отдай сестрѣ. Подумайте, Германъ, сколько мнѣ нужно ежедневно расходовать.

ГРОСМАНЪ. У нея никогда нѣтъ денегъ, Германъ. Дайте ей тысячу рублей и черезъ минуту она скажетъ: у меня нѣтъ денегъ.

ЭТЕЛЬ. Когда я получала отъ тебя тысячи?

ГЕРМАНЪ. Я не о Манѣ говорю. Я хотѣлъ только сказать, что теперь ихъ не слѣдуетъ раздражать. Они и такъ голову потеряли.

ГРОСМАНЪ. А я говорю вамъ, Германъ, что плюю на рабочихъ и на революцію, и на все. Я никого и ничего не боюсь. Если бы они даже съ ума сошли отъ перваго до послѣдняго,—они ничего не получаютъ. Не раздражайте меня.

ЭТЕЛЬ. Дай ему хоть слово сказать. Вѣроятно, онъ знаетъ, что говорить.

ГРОСМАНЪ. Ты молчи. Не твое дѣло. Не вмѣшивайся...

ГЕРМАНЪ. Вы знаете, мадамъ Гросманъ, мою преданность вамъ. Вы меня вытащили изъ нищеты. И если бы вы сказали мнѣ: Германъ, бросься въ огонь, я закрылъ бы глаза и бросился въ огонь. Вѣрьте же моимъ словамъ. Послѣ той проклятой большой забастовки рабочіе превратились въ звѣрей. Во всемъ городѣ вы не найдете одного порядочнаго рабочаго. Волненія и слухи и все, что происходитъ въ эти проклятые мѣсяцы, дѣйствуетъ на нихъ, какъ огонь на порохъ. Они всѣ ходятъ съ глазами, налитыми кровью и съ сжатыми кулаками.

ЭТЕЛЬ (въ страхѣ). Слышишь, что онъ рассказываетъ?

ГРОСМАНЪ (сухо). Пусть рассказываетъ... Мы уѣдемъ...

ГЕРМАНЪ. Это другое дѣло. Еще недѣлю тому назадъ я думалъ, что все въ нашихъ рукахъ, а теперь я уже не вѣрю. Волненіе велико. Никто не знаетъ хорошо, чего хочеть, и всѣ кипятъ, какъ въ котлѣ. Дѣлается страшно!..

ГРОСМАНЪ. Если нужно будетъ,—я уѣду. Пусть все погибнетъ, а я не сдамся. Вы, можетъ быть, думаете, что я боюсь, если согласенъ уѣхать? Ошибаетесь. У меня свой планъ, я же смѣюсь надъ ними. Все это пустяки, вздоръ...

ГЕРМАНЪ. Дай Богъ, дай Богъ!..

ГРОСМАНЪ. У васъ, Германъ, маленькая голова и

вы не понимаете, что происходит. Надо подняться высоко и сверху посмотреть вниз. Тогда вамъ все откроется. Есть что-то постарше насъ съ вами, Германъ. Это наша власть. Эту власть хотятъ отнять у насъ, но мы не отдадимъ ея. Она должна существовать. Поднимитесь, Германъ, еще выше. Вотъ она власть! Въ золотъ и съ мечемъ. Поклонимся ей!..

ГЕРМАНЪ. Это не для моей головы.

ГРОСМАНЪ. Потому вы и трусите, что не понимаете. Нужно, Германъ, дать развиться силѣ и задушить ее... Мы обезоружимъ ихъ, и впряжемъ всѣхъ въ нашу колесницу. Я, Германъ, самъ работалъ, знаю ихъ силы, знаю, чего они хотятъ, но знаю теперь, кто мы.

ГЕРМАНЪ. Я не могу съ вами спорить. Мое дѣло сказать, что всѣ мы стоимъ теперь на пороховомъ погребѣ, что можетъ произойти взрывъ, отъ котораго ничего цѣлымъ не останется.

ГРОСМАНЪ (взволнованно). Нѣтъ такого взрыва, котораго не могли бы сдержать крѣпкія стѣны. Посмотрите, Германъ, кругомъ себя. Вѣдь то, что совершается кругомъ насъ, не есть только мое дѣло. Вопросъ стоитъ такъ: власть для однихъ или власть для всѣхъ. Я стою тутъ на сторожѣ и говорю: нѣтъ!.. Я говорю всѣмъ, имѣющимъ власть: нѣтъ, ни одной уступки. Я говорю всѣму міру: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Оставимъ это. Все равно, вы не поймете. Что вы хотѣли сказать?

ЭТЕЛЬ. Мнѣ страшно. Я бы спряталась въ самомъ глухомъ мѣстѣ. Когда мы были бѣдны, намъ было хорошо. Мы жили спокойно.

ГРОСМАНЪ. Молчи.

ГЕРМАНЪ. Я самъ все испробовалъ. На-дняхъ я призвалъ къ себѣ Степана. Онъ пользуется вліяніемъ среди своихъ. Степанъ, началъ я, что же ты дѣлаешь?

Ты русскій человекъ? Какъ тебѣ не стыдно водиться съ евреями? У тебя крестъ, у нихъ что? Кто дѣлаетъ смуту, какъ не еврей? Кто бунтуетъ, если не еврей? Ничего на помогло!

ГРОСМАНЪ. Вы хорошо сдѣлали, что такъ говорили о евреяхъ. Это должно подѣйствовать.

ЭТЕЛЬ. Зачѣмъ трогать евреевъ?

ГРОСМАНЪ. Какое тебѣ дѣло? Много добра ты видѣла отъ евреевъ?

ЭТЕЛЬ. Я знаю одно: евреевъ не нужно трогать...

ГЕРМАНЪ. Чѣмъ же отвѣтилъ Степанъ? Пришелъ вечеромъ и разбилъ камнями окна въ моей квартирѣ.

ЭТЕЛЬ. Вотъ видишь, Давидъ. Уступи имъ хоть что-нибудь... Станетъ спокойнѣе. Развѣ ты имѣешь дѣло съ людьми? Это вѣдь дикіе звѣри...

ГРОСМАНЪ. Пусть звѣри... Не твое дѣло. Я говорю, нѣтъ. Такъ и будетъ.

ГЕРМАНЪ. Хорошо. Можно подождать еще нѣсколько дней. Только... Только...

ГРОСМАНЪ. Что только?

ГЕРМАНЪ. Мнѣ тяжело причинить вамъ горе...

ГРОСМАНЪ. Какое горе? Что вы тянете?

ЭТЕЛЬ (испуганно). Боже мой, что еще?

ГЕРМАНЪ. Я преданъ вамъ и долженъ всю правду открыть. Я бы даже открылъ ее, если бы былъ постороннимъ—просто изъ сожалѣнія къ юношѣ.

ГРОСМАНЪ. Чортъ васъ возьми, Германъ. Вы тянете изъ меня жилы.

ГЕРМАНЪ (нерѣшительно). Вы... знаете, кто противъ васъ?

ГРОСМАНЪ. Какъ... Кто?

ЭТЕЛЬ. Боже мой!..

ГЕРМАНЪ. Въ дѣлѣ вѣдь замѣшанъ вашъ сынъ, господинъ Александръ. Вотъ правда, которую я узналъ.

ГРОСМАНЪ (съ крикомъ). Это!..

Э т е л ь. (всплеснула руками). Сашенька!..

Г е р м а н ь. И то, что господинъ Александръ въ забастовкѣ...

Г р о с м а н ь (обрываетъ его). Мой Саша? Неправда! Противъ меня!.. Не вѣрю!..

Э т е л ь. Ты таки не вѣрь, Давидъ, не вѣрь...

Г е р м а н ь. Мои люди мнѣ сказали.

Г р о с м а н ь. Мой сынъ? Ложь!.. Этель, гдѣ онъ? Позови его сейчасъ же сюда. Притащи его. Неправда, Германъ. Голову даю. Что, Этель, хорошихъ дѣтей ты родила? (Этоль, сгорбившись, выходитъ) Поклянитесь Германъ, что это правда!

Г е р м а н ь. Клянусь...

Г р о с м а н ь. Такъ у меня нѣтъ больше сына. (Кричитъ Этель, Этель, скорѣе! Терпѣніе мое истощилось!..)

Э т е л ь (вбѣгаетъ). Его нѣтъ дома. (Дрожитъ) Давидочка

Г р о с м а н ь. Такъ послать за нимъ. Отыскать его. (Къ себѣ) Тише, Гросманъ, тише. Не падай духомъ...

Г е р м а н ь. Господинъ Гросманъ, что съ вами?

Э т е л ь. Давидочка, мой дорогой Давидъ!.. Тебя прошу! Вотъ стану на колѣни передъ тобой. Только ты успокойся, только ты. Не смотри на дѣтей—только ты!..

Г р о с м а н ь. Уйди! Тише, Гросманъ, тише... Ты зналъ своего сына? Этель, въ первый разъ мы сойдемся съ нимъ лицомъ къ лицу. Мы разсмотримъ друга друга. Тише, Гросманъ, тише... Что ты сдѣлалъ, чтобы знать своего сына? Кто у тебя въ домѣ?

Г е р м а н ь. Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ?!..

Г р о с м а н ь. Ступайте, Германъ. Работайте. Я не сдаюсь. (Сердито) Не раздражайте же меня своими отвѣтами. Ступайте!..

Э т е л ь. Идите, идите. Вы видите, что съ нимъ. Ахъ, Германъ, печали вы принесли въ нашъ домъ, острый ножъ вы вонзили въ мое сердце...

ГЕРМАНЪ (бормочеть). Я долженъ былъ донести.
(Выходить. Гросманъ большими шагами ходить по комнатѣ)

ЭТЕЛЬ (умоляюще). Давидъ, Давидочка!..

ГРОСМАНЪ. А, что?

ЭТЕЛЬ. О чемъ ты думаешь? Не надо думать, не надо! Прогони свой гнѣвъ... Какъ намъ хорошо было, когда мы были бѣдны. Вотъ мы богаты. Стали ли мы счастливѣе? Нѣтъ однихъ заботъ, но выросли другія, худшія. Огромныя комнаты, кругомъ роскошь, а я кружусь въ нихъ, какъ заброшенная кошка. Женя несчастна!.. Не сердись на Сашу.

ГРОСМАНЪ (разсѣянно). Я хожу и думаю о томъ, какъ съ нимъ встрѣчусь. Намъ вѣдь нужно взглянуть другъ на друга. Этель, кажется, въ деньгахъ лежитъ что-то страшное. А? Чортъ сидитъ въ деньгахъ. Что? Ты знаешь Сашу? Мнѣ некогда было думать о немъ. Кто такой Саша? Какой онъ, высокій или низенькій? Выросли ли у него усы? Какой у него голосъ, громкій или тихій?

ЭТЕЛЬ. Нашъ Саша красивъ... Онъ добръ... Больше я ничего не знаю.

ГРОСМАНЪ (задумчиво). Почему же мы ничего не знаемъ?

ЭТЕЛЬ. Присядь, Давидъ. Я буду говорить и ты успокойсь. Никогда мы не разговариваемъ просто, какъ мужъ съ женой. Когда мы жили, Давидъ? Кажется... никогда!..

ГРОСМАНЪ. Ты говоришь, что Женя несчастна? Почему она несчастна? Пустяки! О чемъ я говорю? Ну, а кто такое Маша?

ЭТЕЛЬ. Люблю ее... но... ничего не знаю.

ГРОСМАНЪ. А Петя?

ЭТЕЛЬ (бормочеть). Петя, Петя... Люблю, дрожу...

ГРОСМАНЪ (вспыхиваетъ). Такъ всѣ они собаки? Всѣ мои! Что такое дѣти? Что такое мои? А если мои?..

Э т е л ь. Вотъ кровь опять тебѣ бросилась въ голову. Вотъ ты опять теряешь рассудокъ. Что дѣти? Только ты,—только ты!.. Тебя прошу...

Г р о с м а н ь (встаетъ и идетъ въ кабинетъ. Этель слѣдуетъ за нимъ. Сильно). Нѣтъ, нѣтъ! Кто я? Я Гросманъ! Гросманъ останется Гросманомъ... Мои дѣти! Скажите! Мои дѣти!..

П е т я (входитъ съ собакой, садится у стола). Бафронъ, сюда! (Вынимаетъ портсигаръ и закуриваетъ. Позвонилъ. Входитъ горничная)

П е т я (вдругъ). Вонъ! (Горничная испуганно убѣгаетъ. Онъ насвистываетъ, подходитъ къ буфету, достаетъ шоколадъ и ѣстъ. Опять звонятъ. Снова является горничная) Вонъ! (Расхохотался. Кормитъ собаку шоколадомъ)

В а й ц ь (входитъ). Я васъ ищу во всѣхъ комнатахъ. Пора заниматься.

П е т я (кормитъ собаку). Не хочу!..

В а й ц ь. Вы не можете не хотѣть. Мнѣ тяжело получалъ здѣсь даромъ деньги.

П е т я. Если вамъ платятъ, то это все равно.

В а й ц ь. Я не могу съ вами объ этомъ спорить. Не будите только грубымъ. Это одно, о чемъ я прошу. Я имѣю право требовать этого отъ васъ.

П е т я (пожимаетъ плечами). Не понимаю!.. (Насвистываетъ и возится съ собакой)

В а й ц ь. Какъ мнѣ ни тяжело, но я принужденъ буду сообщить вашему отцу о вашихъ отказахъ заниматься.

П е т я. Послушайте, Вайцъ. Сколько разъ нужно вамъ повторять, что я не боюсь отца. Подумаешь—отецъ!.. Получаете жалованье и будьте довольны...

В а й ц ь. Вы ставите меня въ тяжелое положеніе. Въ сущности я сейчасъ же долженъ былъ бы уйти изъ этого дома и... не могу. На моихъ плечахъ большая семья. Поймите это и прекратите ваши нападки.

П е т я (грубо). Какое мнѣ дѣло до вашей семьи? Смотритъ на Вайца. Смѣется) Бафронъ, сюда!..

(Насвистывая уходитъ. Вайцъ опустивъ голову. Сидитъ задумавшись)

М А Ш А (входитъ. Обходитъ съ скучающимъ видомъ комнату. Садится въ углу). Только что играла!.. Бросила! Пришла сюда изъ десятой комнаты и теперь буду сидѣть здѣсь какъ бы кому-то на зло. Буду думать, что мнѣ весело. (Закрываетъ глаза) Вотъ Вайцъ...

В А Й Ц Ъ (прерываетъ ее). Петя меня только что оскорбилъ... Почему же я не уйду? (Машетъ рукой)

М А Ш А (полузакрываетъ глаза). Вотъ, Вайцъ, вокругъ меня избранное общество, кавалеры и дамы. Они ведутъ блестящій разговоръ по-французски. Красавецъ корнетъ возбуждаетъ общее вниманіе. Посмотрите, Вайцъ, вотъ онъ встаетъ. Какъ онъ изященъ! Онъ постукиваетъ шпорами. Онъ прошелъ мимо и обдалъ меня огненнымъ взглядомъ. Я опустила глаза. Вотъ онъ наступилъ мнѣ на ногу и я вскрикнула. Вайцъ, всѣ оглянулись въ мою сторону. Разговоры смолкли. Какъ ясно пахнетъ фіалками. Вы, Вайцъ, хотите наказать деракаго!.. Вы въ мундирѣ и стройны. Какъ чудно пахнетъ фіалками. Корнетъ поблѣднѣлъ. Вы подходите и бросаете ему перчатку въ лицо. (Съ крикомъ) Вайцъ, вы дали ему пощечину! Вы дали ему пощечину!..

В А Й Ц Ъ. Зачѣмъ смѣяться надо мной?

М А Ш А. Нѣтъ я не смѣюсь. Я никого не вижу вокругъ себя. Поднимитесь, выпрямитесь! Почему вы сидите всегда сгорбившись? Развѣ трудно сдѣлаться стройнымъ, мужественнымъ? Вы вѣдь мужчина! У васъ гордая цѣли впереди. Я съ вами!.. (Усталымъ голосомъ) Какъ все скучно, Вайцъ! я чувствую, что угасаю. Вотъ брошенъ сорванный цвѣтокъ...

В А Й Ц Ъ. У васъ чудная душа. Когда я слышу вашъ голосъ, все благородное, что живетъ во мнѣ, пробуждается. Маша, на моихъ глазахъ погибаетъ чепуха!..

М А Ш А (угрюмо). Пусть гибнетъ!.. Зачѣмъ жить?

В А Й Ц Ъ. Зачѣмъ? Есть одна святая цѣль въ жизни. Это борьба за счастье своего угнетеннаго народа. Но это не для насъ. Есть, Маша, еще одна великая радость, которая можетъ заполнить жизнь. Это радость о томъ, что существуетъ Европа. Въ Европѣ, Маша, работаютъ. Это великое утѣшеніе. Европа работаетъ! Тутъ тьма, ужасъ, а тамъ въ лабораторіяхъ ищутъ рѣшеній міровыхъ загадокъ. Идутъ грандіозные поиски. Тайны раскрываются. Вырабатываются новыя формы искусства, переоцѣниваютъ старыя формулы науки. Тамъ въ университетахъ профессора разбрасываютъ сѣмена знанія и приобщаютъ народы къ высшему пониманію жизни. Уничтожаютъ варварство, убиваютъ пошлость.

М А Ш А. А я не родилась въ Европѣ. Какъ жалко! Зачѣмъ вы говорите мнѣ о народѣ? Мнѣ? Вы проливаете драгоценнѣйшія слезы на камень.

В А Й Ц Ъ. Маша!..

М А Ш А. Зачѣмъ же вы говорите мнѣ о народѣ? Гдѣ? Здѣсь! (Смѣется) Въ этомъ домѣ мертвыхъ людей? Вѣдь мы не евреи и не христіане! Вѣдь Петя способенъ затравить еврея собаками... Молчите о народѣ... (Пауза) Я сижу и гляжу на васъ.. (Вдругъ) Вайцъ, хотите бѣжать со мной?..

В А Й Ц Ъ. Что вы сказали? (Испуганно) Маша!..

М А Ш А (въ забытѣ). Вы любите меня... Убѣжимъ! Украдите меня! Когда взойдетъ луна, вы постучите въ мое окно и я выйду къ вамъ. Приготовьте быстрыхъ лошадей. Мы уѣдемъ и умретъ моя тоска...

В А Й Ц Ъ. Вы издѣваетесь надо мной.

М А Ш А. Мнѣ страшно въ этихъ пустынныхъ комнатахъ, меня убиваетъ пошлость. (Съ тоской) Меня убиваетъ пошлость...

В А Й Ц Ъ (дрожащимъ шепотомъ). Я люблю васъ!..

М А Ш А (удивленно смотреть на него). Вы? Меня? (Смѣется) Учитель въ очкахъ? (Смѣется) Гувернеръ! Меня? (Вдругъ) Станьте на колѣни. Сейчасъ, я хочу! Объяснитесь мнѣ въ любви. Объяснитесь поэтически, красиво... Высокій стройный юноша!.. Высокій нѣжный юноша!..

В А Й Ц Ъ (становится на колѣни). Да, да... Но отчего же вы плачете?

(Слышны шаги)

М А Ш А. Сюда идутъ. Не поднимайтесь... Хочу!.. Учитель Вайцъ на колѣняхъ...

В А Й Ц Ъ (тихо). Это позоръ!..

М А Ш А (смотреть на него. Устало). Встаньте!

(Входитъ Александръ. Подаетъ Вайцу руку)

А Л Е К С А Н Д Р Ъ (къ Вайцу). Переписали?

В А Й Ц Ъ (долго не отвѣчаетъ. Стараются подавить свое волненіе) Переписалъ!..

А Л Е К С А Н Д Р Ъ (звонитъ. Входитъ Горничная). Принесите мнѣ завтракъ...

(Горничная уходитъ. Доносится голосъ Гросмана: «Саша пришелъ? Гдѣ онъ?»)

А Л Е К С А Н Д Р Ъ. Отецъ зоветъ меня.

Г Р О С М А Н Ъ (входитъ). Саша!..

А Л Е К С А Н Д Р Ъ. Я тебѣ нуженъ, папа?

Г Р О С М А Н Ъ (грубо). Конечно. Я вѣдь говорю: Саша!..

А Л Е К С А Н Д Р Ъ (удивленно). Почему ты кричишь?

Г Р О С М А Н Ъ. Потому что я отецъ и могу кричать.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ (хмуръ). Ничего не понимаю.

Г Р О С М А Н Ъ (рѣзко къ Вайцу и Машѣ): Ступайте отсюда!..

(Вайцъ быстро уходитъ)

М А Ш А. Папа, ты не на мельницѣ.

Г Р О С М А Н Ъ. А я хочу быть какъ на мельницѣ. Я вамъ отецъ или нѣтъ? (Съ крикомъ) Кто здѣсь отецъ, я спрашиваю? Здѣсь въ комнатѣ кто отецъ?..

(Маша пожимаетъ плечами, выходитъ)

А Л Е К С А Н Д Р Ъ. Ну хорошо, ты отецъ. Что дальше?

ГРОСМАНЪ. Что дальше? Молчать! Не смѣй со мной такъ разговаривать.

АЛЕКСАНДРЪ. Ну хорошо, хорошо. Но почему же ты все-таки кричишь?

ГРОСМАНЪ. Почему? У тебя есть смѣлость смотрѣть мнѣ въ глаза? Гдѣ твоя совѣсть? покажи-ка ее!..

АЛЕКСАНДРЪ. Ты заговорилъ со мной такимъ тономъ, что я перестаю отвѣчать тебѣ. (Отвернулся)

ГРОСМАНЪ (съ гнѣвомъ повернулъ его къ себѣ). Я тебя заставлю отвѣчать.

АЛЕКСАНДРЪ. Прими руку...

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ). Давидъ, перестань! Вѣдь это нашъ сынъ, нашъ...

ГРОСМАНЪ (съ гнѣвомъ). Отойди отъ меня!.. Нашъ сынъ? Эго нашъ позоръ! (Александръ хочетъ уйти) Не смѣй уходить! Что? Говорю я, не смѣй уходить, или нѣтъ? Я прикажу связать тебя. Захочу и высѣку тебя. Засѣку... Замолчать!..

АЛЕКСАНДРЪ (къ матери). Что съ нимъ сегодня?

ЭТЕЛЬ (плачетъ). И ты тоже хорошъ. Отчего ты идешь противъ отца, противъ такого отца? Посмотри на него. Вѣдь онъ постарѣлъ на десять лѣтъ за эти полчаса, горя о тебѣ. Ты его не жалѣешь? (Громко заплакала) Гдѣ наши радости отъ дѣтей? Вотъ Женя заперлась въ дѣтской и плачетъ, и не выпускаетъ къ себѣ...

ГРОСМАНЪ (къ женѣ). Довольно! (Къ сыну) Саша, вотъ я сдержалъ себя. Кровь мнѣ бросилась въ голову, когда я тебя увидѣлъ. Вотъ опять гнѣвъ душитъ меня... Тише, Гросманъ, тише... Спокойно! хладнокровно!.. (Къ сыну) Ты учишь рабочихъ, какъ лучше сдѣлать мнѣ зло. Эго не укладывается въ моей головѣ. Почему? Что я сдѣлалъ тебѣ дурного?

АЛЕКСАНДРЪ (упрямо). Ничего...

ЭТЕЛЬ. Но вѣдь это твой отецъ, твой!..

ГРОСМАНЪ (вспыхнувъ. Къ женѣ). Съ кѣмъ ты разго.

вариваешь? Вѣдь онъ уже каторжникъ. (Повернулся къ сыну). Ты!.. (Топасть ногами. Минута напряженнаго молчанія. Безсмысленно оретъ) Ты проклятый социалистъ!.. Социалистъ! Въ моемъ домѣ! Мой сынъ!.. (Топасть ногами)

Э т е л ь (ломаетъ руки). Несчастный, несчастный!..

Г р о с м а н ь. Кого мы вырастили? Чего же ты хочешь отъ насъ? Огвѣчай, проклятый! Можетъ быть, зарѣзать? Ну, зарѣжь меня! Спряталъ револьверъ въ карманѣ? (Хватаетъ его за рубашку) Эго что за рубашка на тебѣ? Твоя? Врешь!.. Раздѣвай рубашку. Сейчасъ! Все это мое. На мои деньги купленное. Голымъ я выгоню тебя. (Горничная вноситъ завтракъ. Гросманъ бросаетъ тарелки на полъ. Съ новымъ гнѣвомъ). Вонъ отсюда сейчасъ, въ чемъ родился. Босымъ вонъ!.. Я тебѣ покажу, какъ со мной бороться. Ого, ты еще Гросмана не знаешь. Гросмана, Гросмана!.. Я убью тебя... (Подбѣгаетъ къ нему и поднимаетъ угрожающе руку)

А л е к с а н д р ь (спокойно). Ну?

Э т е л ь (вскрикнулъ). Чго же ты хотѣлъ сдѣлать, Давидъ? Кого ты хотѣлъ ударить? Сашенька, уйди теперь.

Г р о с м а н ь (грозно къ сыну). Проклять ты будь!.. (Къ женѣ) Ты его вырастила такимъ, Сашенька, Сашенька!.. Вотъ онъ Сашенька. Посмотри на его лицо. Развѣ онъ похожъ на насъ? У него звѣрскіе глаза. У него ножъ въ рукахъ. (Опять изступленно) Чго же ты молчишь, проклятый?

(Топасть ногами. Александръ упрямо молчитъ)

Э т е л ь. Можетъ быть, ты еще хочешь бросить насъ? (Изступленно) Нѣтъ, нѣтъ, я не пушу тебя... Я не хочу! Ты мой! Нѣтъ, нѣтъ!.. Я тебя на рукахъ носила, своимъ молокомъ вскормила. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, сыночекъ мой, дорогой мой!..

Г р о с м а н ь (съ бѣшенствомъ). Скажи же что-нибудь... Говори!..

(Топает ногами. Слышенъ выстрѣлъ. Этель присѣла отъ ужаса)

ЭТЕЛЬ. Боже мой!.. Несчастье! Что-то сердце мое плакало весь день. Боже мой!..

(Выбѣгаетъ. Доносится шумъ и крики)

ГРОСМАНЪ (обернулся). Что тамъ такое?.. Что тамъ?..

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ, рветъ на себѣ волосы). Застрѣлилась! Женичка застрѣлилась! Давидъ, Давидъ, я умираю. Конецъ нашей жизни!..

(Всѣ вскрикнули. Александръ бросается въ комнату Гросманъ бѣжитъ за нимъ. Этель въ изнеможениі падаетъ на стулъ).

ЗАНАВѢСЪ.

С. Юшкевичъ. Король.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ Гросмана. Большая, богато убранныя комната. Два венеціанскіхъ окна выхдять на площадь. Изъ нихъ двѣмъ видна мельница какъ на ладони. Теперь же едва вырисовывается мрачный силуэтъ всѣхъ ея зданій. Въ комнатѣ два письменныхъ стола, одинъ новый роскошный, за которымъ Гросманъ принимаетъ побѣгителей, другой простой. Гросманъ вѣрять, что этотъ принесъ ему счастье и, находясь среди своихъ, обыкновенно сидитъ за старымъ столомъ. Надъво желѣзная касса. У стѣны два дорожныхъ сундука. Комната освѣщается электричествомъ. Кругомъ бездѣлушки, картины въ золоченыхъ рамахъ и отдѣльно большой портретъ Гросмана. Двѣ двери. Справа вѣшетка. На ней отдыхаетъ Женя. Рука у нея подвязана послѣ неудачнаго выстрѣла. За столомъ сидитъ Гросманъ и куритъ сигару. Противъ него Этель. Эршь, держа шапку въ рукѣ, стоитъ въ почтительной позѣ и слушаетъ. Изрѣдка доносится глухой шумъ голосовъ.

ГРОСМАНЪ. Вамъ, Эршъ, слѣдуетъ за работу пять-десять рублей. (Вынимаетъ кошелекъ изъ кармана и считаетъ) У меня въ кошелькѣ всего тридцать рублей. Возьмите пока тридцать. Когда приѣду, сосчитаемся.

ЭРШЪ. Хотѣлъ бы, конечно, всѣ получить, господинъ Гросманъ. Такое тяжелое время... Но если вы такъ хотите, то пусть будетъ такъ, какъ вы хотите.

ГРОСМАНЪ (схвативъ зубы). Вы вѣдь старый плуть, знаю васъ. Готовъ даже побиться объ закладъ, что вы меня на-половину надули. (Смѣется) Но я не сержусь. Мнѣ нравится, что вы старый плуть, и я люблю, когда меня надуваютьъ... на-половину. Обманывайте дурака Гросмана, грабьте его.

ЭТЕЛЪ. Зачѣмъ ты мучишь человѣка?

ЭРШЪ. Э, они мучатъ Я даже не чувствую. (Завскакивающе) Можетъ быть, господинъ Гросманъ, у васъ найдется еще десять рублей?

ГРОСМАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ. Ни одной копейки. (Смотритъ въ кошелекъ) Я сказалъ неправду. Въ кошелькѣ осталась одна копейка. (Смѣется) У Гросмана въ кошелькѣ одна копейка. (Эршъ подобострастно улыбается) И такъ, Эршъ, мы въ расчетѣ. Передайте тамъ всѣмъ этимъ мерзавцамъ, что завтра Гросманъ уѣзжаетъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Европу. Вотъ видите, даже сундуки запакованы. Выбрали пять негодяевъ и думали, что Гросманъ станетъ съ ними разговаривать. Дураки! Что? Вы говорите, что они шумятъ тамъ. Очень хорошо.

Для меня это только пріятная музыка. Я отлично засну.

э р ш ъ. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ уважаете? Что-то все не вѣрилось. Говорили, говорили, а вотъ и правдой сдѣлалось. Пойдетъ теперъ голодь...

г р о с м а н ъ (довольный). Теперъ пойдетъ хорошій голодь. Хорошій кусочекъ голода. Они будутъ кушать воздухъ. Когда же я вернусь, то предложу устроить маленькій союзъ противъ рабочихъ. Къ моему пріѣзду глупая революція будетъ раздавлена и станетъ весело.

э р ш ъ (убѣжденно). Вы еще найдете средство бороться съ ними. Еще есть и есть и есть...

ж е н я. Папа, довольно, мнѣ скучно...

г р о с м а н ъ. Высунь, Женичка, голову изъ окна, и услышишь, какъ рабочіе начинаютъ мяукать передъ голодомъ. Эго тебя развеселить.

э т е л ь. Къ чему эти шутки? Тамъ вѣдь евреи! И душа моя что-то не спокойна. Что вы скажете, Эршъ? Вѣдь нисколько не весело. Страна горить, кипить, кричать, кровь льется. (Со вздохомъ) Нѣтъ спокойствія, Эршъ, нѣтъ его и надо уѣзжать. Не завидуйте намъ.

э р ш ъ. Я никогда никому не завидоваль. Я иду своей дорогой. Сторонкой я иду. Что Богъ далъ мнѣ, то и хорошо.

э т е л ь. И что они выиграли, спрошу васъ? Мнѣ вѣдь жаль евреевъ. Вотъ онъ уѣзжаетъ. Будетъ мельница стоять, какъ покойникъ, и всѣхъ пугать. Дѣти начнутъ умирать.

э р ш ъ. Уже будутъ умирать, мадамъ Гросманъ! Они хотѣли болячекъ? Теперъ они ихъ имѣютъ. Такъ уже плохо стало, какъ никогда не бывало. А шайка шарлатановъ собирается, ореть, всѣ потеряли голову, изъ каждой квартирки несетя вой и проклятія. Ай, какъ тамъ плохо!..

э т е л ь. Мнѣ хотѣлось бы только одно понять. Что

имъ сдѣлалъ мой мужъ, что? Или онъ ихъ мучилъ? Или придирался, или не платилъ? Чего можно желать отъ такого человѣка, какъ Давидъ? Могъ онъ, и прибавилъ имъ въ прошломъ году. Спросите, чего онъ не сдѣлалъ для нихъ? Я всегда говорила: надо быть плохимъ къ людямъ и они будутъ тебя почитать.

Эршъ (осторожно). Положимъ, доброта немножко лучше. Не скажу на много, но немножечко лучше. Доброта не мѣшаетъ...

Атель. Какъ же лучше, когда они называютъ его разбойникомъ? Посмотрите на этого разбойника. Вѣдь онъ ограбилъ весь мѣръ.

Гросманъ. Присядьте-ка здѣсь, Эршъ. Дѣло это прошлое, сундуки уложены, но между нами, скажите, кого я обидѣлъ въ своей жизни? Ударилъ ли я когда-нибудь рабочаго? Если Германъ давалъ ипогда волю своимъ рукамъ, то онъ вѣдь Германъ. Вѣдь это разбойникъ! Но я, я? Чего же они хотятъ? Чтобы я открылъ имъ свою кассу,—вотъ эту кассу, посмотрите на нее,—и ушелъ? Но я еще, благодареніе Богу, не сошелъ съ ума? Что, Эршъ? Или. можетъ быть, вы бы это сдѣлали? Сядьте же Эрщъ. Васъ же просятъ.

Эршъ (уклончиво). Господинъ Гросманъ, мнѣ надо идти работать. Вотъ на этомъ горбу хотя уже и взрослые, но все еще сидятъ дѣти: дочь, сынъ и еще сынъ. И сѣсть я тоже не могу. Что значить сѣсть? Развѣ я не знаю своего мѣста? Вы, слава Богу, господинъ Гросманъ, я... слава Богу, Эршъ! Слава Богу! Могу постоять... (Улыбается) У меня, господинъ Гросманъ, живеть сапожникъ, Шмиль его имя. Человѣчекъ! Ничего себѣ человѣчекъ! И шуточный. Онъ любитъ говорить такъ: „человѣкъ! Что такое человѣкъ? Это король земли... Король!“ Ну такъ я изъ тѣхъ королей земли, которые могутъ постоять передъ господиномъ Гросманомъ.

ГРОСМАНЪ (недовольный сердится). Вотъ это мнѣ не нравится. Вашъ Шмиль большой большой дуракъ и, вѣроятно, шарлатанъ. Это онъ, вѣроятно, портитъ людей, которые работаютъ. Изъ-за такихъ Шмилей останавливаются мельницы, рабочіе бунтуютъ, а хозяева должны уѣзжать въ Европу. Человѣкъ—король земли! Нѣтъ, Эршъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Если бы Шмили вотъ такъ говорили, тогда было бы тихо. Сядьте же Эршъ, не упрямитесь!..

ЭРШЪ. А я всегда говорилъ, что господинъ Гросманъ вѣдь король!.. Домъ, какъ у короля, слава Богу... Денегъ какъ у короля!..

ГРОСМАНЪ. А они вамъ, конечно, не вѣрили?.. Старая исторія. Но они должны будутъ повѣрить. Я сдѣлаю такъ, что они Гросмана запомнятъ. Внукамъ будутъ рассказывать о Гросманѣ. Я имъ покажу, кто король и кто не король. Первое, Эршъ, — ни одинъ еврей не будетъ работать больше на моей мельницѣ. (Встаетъ) Ни одинъ!.. Мнѣ не нужно евреевъ. Зачѣмъ они? Развѣ безъ нихъ нельзя дѣла вести? Этихъ шарлатановъ къ чорту. Только русскіе найдутъ работу на моей мельницѣ... Это во-первыхъ...

ЭТЕЛЬ. Видите, Эршъ. Все это имъ очень нужно было?

ЭРШЪ (смущенно). Да, мадамъ Гросманъ. (Осторожно) Господинъ Гросманъ, мнѣ нужно пойти домой. Становится поздно...

(Женя повернулась спиной къ Эршу и закрыла уши)

ГРОСМАНЪ. Успѣете, Эршъ. Вѣдь главнаго я вамъ еще не сказалъ. Если, Эршъ, я по приѣздѣ вспомню о комъ-нибудь, то, конечно, о васъ.

ЭРШЪ (почувствовалъ угрозу. Испуганно. Старается улыбнуться). Обо мнѣ? Почему обо мнѣ? Никого уже другого въ городѣ не осталось?

ГРОСМАНЪ. Не притворяйтесь овечкой. Миронъ

вашъ сынъ или не вашъ? Кто кричалъ громче всѣхъ? Кто? Кто приходилъ со мной разговаривать? Со мной!.. Я, положимъ, показалъ ему разговоры!.. Больше уже не осмѣлится! Но вы-то, Эршъ! Гдѣ вы были? Такого отца на куски разрѣзать нужно, если онъ не учить добру своего сына.

Эршъ (быстро). Это не правда, господинъ Гросманъ. (Посовѣтился) Можетъ быть, чуточка правда!.. Можетъ быть!.. Въ каждой неправдѣ есть чуточка правды и въ каждой правдѣ есть немножечко неправды. Но, какъ теперь ночь на землѣ, виновата сестра мадамъ Гросманъ, Маня. Это она проклинаетъ. Это она бѣгаетъ изъ квартиры въ квартиру и кричить, что надо мельницу сжечь!..

Атэль. Кто вамъ повѣритъ, Эршъ? Маню чортъ можетъ таки унести. Я знаю свою Маню. Но подобнаго Мирона, какъ вашъ, земля еще не рожала. Кто испортилъ моего сына, какъ не Миронъ?..

Эршъ (съ ужасомъ). Какъ, вы и этому вѣрите? Ахъ мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ!.. Въ самое больное мѣсто моего сердца вы ударили меня. Вѣдь я отецъ! Развѣ я не отецъ? Можетъ быть, у него матери нѣтъ, и мы не проливаемъ слезъ по ночамъ? Что вы сказали? Я живу на свѣтѣ пятьдесятъ пять лѣтъ и каждый день съ одной только молитвой обращаюсь къ Богу. „Богъ, прошу я, едѣлай такъ, чтобы все было по-старому,—пусть все останется на мѣстѣ, какъ было...“ Къ чему эти перемѣны, къ чему этотъ крикъ? Развѣ бѣдная земля мало страдаетъ? Посмотри на бѣдную землю. Какъ дитя вѣдь она плачетъ, какъ барашекъ обливается кровью. Пусть будетъ по-старому!.. Я не учу своего сына добру? Я? Господинъ Гросманъ, — вы отецъ и я отецъ, чтобы вы ни говорили. Вы плачете у себя, а мы у себя. Вѣдь моего бѣднаго Мирона испортилъ господинъ Александръ. Мой Миронъ пошелъ въ меня. Онъ былъ, какъ дѣвушка.

ѲТЕЛЬ. Перестаньте, Эршь. Камни сами поднимутся и побьютъ васъ.

ѲРШЪ. Мадамъ Гросманъ, вѣрите мнѣ, развѣ я не умолялъ вашего сына? Вѣдь я на колѣни становился передъ нимъ. Господинъ Александръ, ахъ господинъ Александръ, зачѣмъ вы ходите ко мнѣ? Развѣ вы не сынъ господина Гросмана? Вы богатъ, мой сынъ рабочій... Просите, — развѣ помогаетъ? Ахъ господинъ Гросманъ, — все перевернулось. Смѣшанный съ кровью палъ туманъ на несчастную землю...

ѲТЕЛЬ. А я вамъ говорю, Эршь, что вашъ сынъ погубилъ нашего.

ѲРШЪ (умоляетъ). Мадамъ Гросманъ!..

ѲТЕЛЬ. А я вамъ говорю, что вашъ погубилъ нашего. Кому вы хотите голову затуманить? Кого вы хотите увѣрить, что богатый, нѣжный, образованный человѣкъ самъ пошелъ къ рабочему? Никогда этого не могло быть, если бы его не испортили. Чего бы мнѣ не хватало, если бы Саша не знался съ Мирономъ?.. А теперь плачь, говори, бейся головой о стѣну, — напрасно: пропалъ сынъ!..

ГРОСМАНЪ (мрачно). Пусть пропалъ. Я не хочу объ этомъ знать. Дѣти!.. Какъ-будто нѣтъ ничего высшаго, кромѣ нихъ? Пропалъ, такъ пропалъ, — къ чорту дурное! Теперь потребую изъ гимназій бумаги Пети, а его возьму на мельницу. Пусть дураки уже учать своихъ дѣтей.

ѲТЕЛЬ. Конечно. Нужно дать имъ попробовать сладость рубля, тогда ихъ, какъ мухъ отъ меда, не отгонишь отъ дѣла.

ѲРШЪ. Я пойду уже, господинъ Гросманъ. Желая вамъ счастливаго пути... Можетъ быть, вы все-таки дадите мнѣ что-нибудь? Хоть пять рублей. Запахло мозазами...

ГРОСМАНЪ. И если это горе, что мой сынъ по-

шелъ противъ меня, я скоронилъ его глубоко въ сердцѣ. Никто не увидитъ горя Гросмана. Ступайте, Эршъ, я усталъ, хочу спать, а тутъ еще нужно подвести счеты.

Эршъ. Такъ нѣтъ? Вы тверды, какъ камень. Добраго пути вамъ. (Кланяется) Хорошаго пути... Ахъ, Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ... (Прихрамывая, выходитъ)

Э т е л ь (равнодушно). Прощайте, Эршъ...

(Гросманъ погружается въ работу. Пауза)

Женя. Стоило такъ долго разговаривать съ нимъ. Вы нисколько не жалѣете меня. Я лежу съ прострѣнной рукой, рана ноетъ, сердце томится и груститъ, голова устала отъ думъ, а вамъ все равно. Эршъ вамъ дороже меня.

Э т е л ь. Больше не буду. (Подходить къ ней) Больше не буду, дорогая моя, мученица моя...

Гросманъ (громко). Не кричите. У меня еще столько работы, а я спать хочу. (Стучать на счетахъ)

Э т е л ь (тихо). Опъ бѣдный правъ (Еще тише) Яша два раза прибѣгалъ, а я не хотѣла его и впустишь... О, я ему не прощу твоей раны!..

Женя. Зачѣмъ такъ строго, мама? Вѣдь онъ тоже измучился... Я стрѣлялась! Развѣ это правда? (Крикливо) Я стрѣлялась? Мама, что было бы теперь со мной, если бы пуля попала въ сердце? Я лежала бы въ могилѣ? Я въ могилѣ? (Вздрагиваетъ) Вогъ эти руки глодали бы черви? Въ глазахъ кишѣли бы черви, красота превратилась бы въ тлѣнь? (Вздрагиваетъ) Какъ хорошо, что выстрѣлъ былъ неудачный! Мама, теперь я люблю жизнь. Я люблю. Какъ прекрасенъ миръ!.. Есть солнце, есть даль, есть море!..

Э т е л ь. Радость моя!..

Женя. Я о многомъ передумала, мама. Зачѣмъ я ссорилась съ Яковомъ? Подумай, во имя чего? Развѣ

земля не одинаково закроетъ и пошлость и благородство, и высокое и низкое? Пощаждать ли красоту черви? (Разсмѣялась) Ты вѣдь меня не понимаешь, бѣдная мама. Я дрожу отъ восторга. Я пьяна отъ радости. Я живу, живу!.. (Моланхолично) Скучаю по дѣтямъ. Хочу ласки. Обними меня.

ГРОСМАНЪ. Перестаньте жужжать. Передъ отъѣздомъ нужно привести въ порядокъ денежные дѣла, подвести итоги. Бумагъ у меня на триста тысячъ. Я никогда не пробовалъ сосчитать свое богатство, но, слава Богу, Гросманъ таки собралъ денежки. Ничего, Гросманъ знаетъ свое дѣло. Наличными имѣю во французскомъ и англійскомъ банкахъ около четырехсотъ тысячъ, итого семьсотъ тысячъ. Ого, ничего себѣ! Мельницу считать не буду. Купленной земли тоже. Домовъ считать не буду. Теперь посмотримъ, что у насъ въ кассѣ дѣлается. Сгупай-ка сюда, Эгель,—поможешь мнѣ.

ЖЕНЯ. Опять деньги. Поговорите лучше со мной.

ЭТЕЛЬ (идетъ къ мужу. Со смѣхомъ). Деньги!.. Деньги вѣдь Богъ!.. Дурочка! Что ты говоришь? (Гросманъ открылъ дверь кассы) Деньги!.. (Стоитъ съ мужемъ подлѣ кассы и оба рожются въ ней) Лучшее мое удовольствіе,—считать деньги. Ты Давидъ, возьми бумажки и золото, а я возьму серебро. Что-то серебро люблю больше. Женичка! Ты никогда не пробовала считать. Хоть разъ попробуй. Такъ тебѣ хорошо станетъ, такъ весело...

ЖЕНЯ (съ напыщеннымъ презрѣніемъ). Считать деньги. Никогда!.. (Колеблется) А можетъ быть, попробовать? Надушъ скучно. Томится моя душа. (Вздыхаетъ) Что-то мои дѣти подѣлываютъ? Скучаетъ ли Яковъ?

ЭТЕЛЬ (радостно). Садись, садись, Женичка, попробуй. Деньги!.. (Упивается этимъ словомъ) Вѣдь это деньги!..

ГРОСМАНЪ (считаетъ съ озабоченнымъ лицомъ). Одна тысяча... Мы потеряли сына...

ЭТЕЛЬ (считаетъ. Грустно). Можетъ быть, Богъ дастъ,

онъ опомнится. Какъ мнѣ его жаль. Живеть теперь онъ въ самой худшей и дальней комнатѣ, объедаетъ одинъ. Я готова плакать, когда слышу его шаги... Сто рублей.

ГРОСМАНЪ. Съ Гросманомъ они ничего не подѣлаютъ. Гросманъ это Гросманъ.—Двѣ тысячи. Гросманъ плюетъ на забастовки, на революци, на погромы. Уѣдемъ на время, поселимся въ Швейцарии и, когда вернемся, то сдадимъ всѣхъ ихъ въ кулакъ. (Продолжаетъ считать)

ЖЕНЯ (встала. сѣла возлѣ матери. Перебираетъ золото здоровой рукой). Мама, посмотри, сколько тутъ? Десять или пятнадцать рублей? (Смѣется) Я совершенно не умѣю считать. (Со вздохомъ) Придетъ ли сегодня Яковъ?

ЭТЕЛЬ. Что скажешь на свою дочь? Она не умѣетъ считать денегъ!

ГРОСМАНЪ. Пять тысячъ. (Поднимается и достаетъ изъ кассы деньги и драгоцѣнности) Ого, сколько еще денегъ осталось!.. Ну, Этель, кого мы боимся? А когда-то? Помнишь на чемъ я, бывало, спалъ? (Смѣется) Жалѣлъ тюфякъ и спалъ на доскахъ. А помнишь, какъ мы въ восемь часовъ тушили огонь, чтобы поменьше керосину ушло? Ты, Женя, этого не можешь помнить. Тебя еще на свѣтъ не было, когда твой отецъ началъ дѣлать деньги...

ЭТЕЛЬ. Богъ хорошо знаетъ, кому нужно дать денегъ!.. Сидитъ наверху, но понимаетъ своихъ людей. (Считаетъ) Еще сто рублей. (Откладываетъ ихъ въ сторону) Не провѣряй, Давидъ, я никогда не ошибаюсь.

ЖЕНЯ (весело). Папа, вотъ тутъ сто рублей золотомъ. Но какъ трудно считать, если бы ты зналъ. Однако пріятно. (Въ раздумьи) Какъ странно, что съ этой кучкой золота можно купить все, что угодно.

ЭТЕЛЬ. На деньги купить можно все.

ЖЕНЯ. Рѣшительно все,

ГРОСМАНЪ. Даже звѣзду съ неба. Я еще насчиталъ пять тысячъ, итого десять тысячъ.

ЭТЕЛЬ (со вздохомъ). Если бы еще рабочіе наши не бунтовали.

ГРОСМАНЪ. Пусть бунтуютъ. Я ихъ разотру въ порошокъ. Ты не вѣришь? Тебя пугаетъ то, что кругомъ происходитъ? Смотри глубже!

ЭТЕЛЬ. Куда глубже?

ГРОСМАНЪ. Вотъ туда. Работай головой. Все, что происходитъ теперь, полезно. И даже эти погромы,— тоже хороши. Что ты глаза вытаращила?

ЭТЕЛЬ. Ты съ ума сошелъ...

ГРОСМАНЪ (угрюмо). Я говорю, что это хорошо. Пусть, пусть!.. Тогда мы все возьмемъ въ руки.

ЭТЕЛЬ. Оставь меня лучше въ покоѣ. Что, Женичка, веселѣе тебѣ?

ЖЕНЯ (считаетъ. Невинно). Какъ будто веселѣе!.. Зачѣмъ я стрѣлялась?

ЭТЕЛЬ. Больше уже не будешь, радость моя? Ты вѣдь у меня отняла три четверти жизни. Прибѣгала Яковъ. Онъ думаетъ, что я тебя отдамъ ему. Разводъ мы ему дадимъ, вотъ что. Отыщемъ тебѣ другого мужа и помоложе, и получше.

ЖЕНЯ. А мнѣ его жалко. Я теперь все время думаю о немъ.

ЭТЕЛЬ. Я тебѣ не позволяю!.. О немъ?.. Есть о комъ думать.

ГРОСМАНЪ. Двадцать тысячъ. Больше уже нѣтъ денегъ. Сколько у васъ?

ПЕТА (входитъ. Онъ въ цивильномъ. Останагливается пораженнымъ) Деньги!.. Сколько денегъ!.. Папа, завтра мы, навѣрное, уѣзжаемъ?

ГРОСМАНЪ. Конечно!.. Не кричи и не мѣшай. Оглядываетъ его довольнымъ взглядомъ) Ну, скажи, Этель, не лучше ли ему въ этомъ костюмѣ, чѣмъ въ дурацкой

тужуркѣ? Военный не военный, власти нѣтъ, а самъ прохвость. Доволенъ ты, Петя, что уже больше не удеши учиться въ гимназіи?

п е т я. Страшно. Очень надо долбить эти глупости. Папа, сколько тутъ денегъ? Папа, дай мнѣ поддержать ихъ въ рукахъ.

э т е л ь (смѣется). Нѣтъ, нѣтъ...

п е т я. Не слушай ее. Она насъ всегда лишаетъ удовольствій. Дай близко посмотрѣть эти большія пяти-сотъ-рублевныя бумажки. (Гросманъ дастъ.) Пятьсотъ рублей! Здѣсь такихъ десять. Значить, пять тысячъ? Папа у меня тоже будетъ столько денегъ?

г р о с м а н ь. Отдай! Ты можешь нечаянно разорвать,—а я не люблю держать въ кассѣ разорванныя бумажки...

э т е л ь. Конечно, будутъ. Въ сто разъ больше будешь имѣть. Для кого мы работаемъ? Все вѣдь вамъ останется. Что-то лицо у тебя усталое. Ступай, дорогой, спать. Подожди, я тебя поцѣлую.

п е т я. Только не въ губы. (Подставляетъ щеку) Спокойной ночи!..

э т е л ь. Спокойной ночи, дорогой мой. (Онъ выходитъ) Когда его вижу, Давидъ, я какъ-будто становлюсь моложе. Люблю своего послѣдненькаго.

г р о с м а н ь (ворчливо). Стоить! Пусть раньше покажетъ, что умѣетъ хорошо вертѣть головой. Тогда можно и любить.

э т е л ь. А мнѣ все равно. Кажется, если бы даже онъ былъ воромъ, разбойникомъ и тогда душа не переставала бы дрожать надъ нимъ, любить его...

(Входитъ Розеновъ. Видъ у него измученный, усталый. Замѣтивъ Женю, сидящую за столомъ, останавливается изумленный. Радость овладѣваетъ имъ)

Р о з е н о в ь. Женя, Женя!..

э т е л ь (увидѣвъ его, вскочила). Что? Опять пришелъ?

Ступай, ступай. Никто не посылалъ за тобой. Ты здѣсь никому не нуженъ. Женички, ты не получишь.

(Женя испуганно вскакиваетъ)

розеновъ. Теща, прошу васъ. Вѣдь это же невозможно.

этель. Кто просить? Ты вѣдь палачъ, а не человекъ. Замучить такую нѣжную душу, такое доброе сердце. Кто она? Дрянь какая-нибудь? Подкидывшъ, нищенка? А что ты сдѣлалъ съ ней? Довелъ ее до того, что она стрѣлялась. Лучше мнѣ ослѣпить, чѣмъ видѣть тебя. Или мы тебѣ денегъ мало дали за ней? Взялъ тридцать тысячъ и все не насытился. Любовницы тебѣ нужны были, безсовѣстный!..

женя (закрываетъ лицо руками, плачетъ. Подходить къ кушеткѣ и бессильно опускается на нее. Сквозь слезы). Мама, мама!..

этель. Будь спокойна, моя дорогая дочь. Теперь тебѣ нечего бояться... Твоя мать тебя защищаетъ. (Къ Розенову) Ну, что скажешь, милый зять? Кусаетъ свонгубки? Кусай, кусай. Но хоть и вытянись здѣсь,—ты ее не получишь.

гросманъ (закрываетъ кассу). Не кричи, Этель. Все можно сдѣлать безъ шума. Я бы еще сказалъ такъ. (Раздѣльно) Не наше это дѣло. Я смотрю и не вижу, я слушаю и не слышу.

розеновъ. Женичка!.. Выслушай меня.

этель. Лучше помолчи, Давидъ. Въ дѣлахъ ты старшій, дѣлай, какъ знаешь, а здѣсь не вмѣшивайся. Какъ? Молчать!.. Я буду молчать, когда изъ-за такого палача дочь моя стрѣлялась? Глаза ему вырву, я буду кусаться какъ кошка...

розеновъ (возмущенный). Вы меня облили уже такой грязью...

гросманъ. Она можетъ. О! она можетъ.

этель (сложила руки на груди). А чѣмъ тебя облить,

мой милый зять? Дорогими духами? Не дожدهшься этого. Откушу твой носъ изъ-за моихъ дѣтей.

ЖЕНЯ (ломаетъ руки). Мама, я несчастна, я несчастна...

ЭТЕЛЬ. Какъ она поблѣднѣла отъ испуга!.. (Къ Розенову) Всю жизнь тебѣ, палачъ, имѣть такое удовольствіе, какое я теперь имѣю. Посмотри-ка, Давидъ, какъ она поблѣлѣла!.. (Къ Женѣ) У тебя кружится голова? Нѣтъ? Отчего же глаза у тебя бѣгаютъ, какъ у безумной? (Къ Розенову) Смотришь палачъ, на свою жертву?

РОЗЕНОВЪ (сердится). Вы кончили, теща, или еще будете продолжать? Теща, вы себѣ очень много позволяете. Вѣдь я могу разсердиться и показать, что умѣю ругаться не хуже вашего. Но ради нея, ради этой бѣдной женщины, которая столько страдала, и которую я люблю, я готовъ терпѣть. Почему вы молчите тѣсть?

ГРОСМАНЪ (заложилъ пальцы за жилетку). Все это не мое дѣло. Ругайтесь, цѣлуйтесь, — не мое дѣло. Сейчасъ я хочу спать и думаю о томъ, что вы мнѣ мѣшаете.

РОЗЕНОВЪ. Но, тѣсть...

ГРОСМАНЪ (схватился за голову). Оставьте меня въ покоѣ, оставьте меня!..

ЭТЕЛЬ. Ты, положимъ, тоже хорошій сумасшедшій...

РОЗЕНОВЪ (съ сдержаннымъ гнѣвомъ). Хорошо, отлично. Я вижу, на что Женичка тутъ можетъ рассчитывать. Отлично. Хорошій отецъ, хорошая мать. Но Богъ съ вами!.. Если бы Женичка меня хоть чуточку уважала, она бы отослала васъ, и я увѣренъ, что эта глупая ссора закончилась бы добрымъ миромъ. Но Женѣ пріятно, что ея мужа поносятъ, какъ послѣдняго чловѣка. Я запомню это. Вамъ же, теща, я на прощанье скажу, что вы совершаете преступленіе. Разводить

дочь съ мужемъ, превратить невинныхъ дѣтей въ сиротъ,—это грѣхъ. Прощайте!

ГРОСМАНЪ (равнодушно). Стоитъ уходить!..

ЭТЕЛЬ. Пусть грѣхъ, пять грѣховъ,—лишь бы не видѣть твоихъ разбойничьихъ глазъ...

РОЗЕНОВЪ (вернувшись). Но чѣмъ это кончится, темный вы человекъ? Вы обдумали? Вы берете послѣдствіе на себя? А если я ей не дамъ развода? Что тогда скажете? А ей что предстоитъ? Жить вѣчно на хлѣбахъ у васъ? Наблюдать, какъ всѣ устраиваются, счастливы, и въ концѣ отъ горя пустить себѣ вторую пулю въ лобъ?

ЖЕНЯ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу этого!.. Мама, пусть онъ замолчитъ!..

ЭТЕЛЬ. Не бойся его. Онъ дастъ разводъ. Хотѣла бы видѣть, какъ онъ не дастъ, если мы хорошо заплатимъ ему. Тогда выдадимъ тебя замужъ. Не вѣришь, Яковъ? Да у нея завтра будетъ сотня жениховъ. Теперь уже не будемъ дураками, искать доктора въ зятя. Возьмемъ коммерсанта, и онъ ей ножки будетъ цѣловать. Теперь уже мы поняли. Что такое докторъ? Разбойникъ, грубый человекъ. Чѣмъ образованнѣе, тѣмъ грубѣе. Мой Давидъ никогда не учился, не переступалъ порога университета, а на биржѣ не игралъ. Ты же докторъ, докторъ, университетскій человекъ сталъ биржевикомъ!.. Нѣтъ, дорогой мой, никакихъ докторовъ, никакихъ адвокатовъ больше. Нѣтъ, нѣтъ...

РОЗЕНОВЪ (сердится). Выдумали чѣмъ упрекать!.. Ну и биржевикъ! Развѣ быть фабрикантомъ лучше? Развѣ лучше владѣть мельницей? Посмотрите-ка, что у васъ происходитъ? Вы-то свой хлѣбъ какъ зарабатываете?.. Почему грозятъ разнести вашу мельницу? Вы-то не грабите, не душите? Вашъ хлѣбъ чище, чѣмъ хлѣбъ биржевика? Не понимаю васъ!.. (Пожимаетъ плечами)

ЭТЕЛЬ. Но ты вѣдь былъ докторомъ! Ты сидѣлъ на скамейкѣ въ университетѣ.

Р о з е н о в ь (злится). Въ университетѣ, докторомы! Что вы понимаете въ докторѣ? Развѣ докторъ, адвокатъ, инженеръ, выше фабриканта, купца? Въ большиствѣ они такіе же молодцы, какъ и тѣ. Докторы!.. Пойдите и посмотрите-ка у кого есть практика, разузнайте, какими путями они добиваются, и тогда упрекайте, темный вы человѣкъ... Вы хотите быть богатыми, но я тоже этого хочу. Не признаете моихъ денегъ, когда ихъ у меня будетъ десятками тысячъ, что ли? Подождите съ десятокъ лѣтъ... Посмотримъ, кто окажется богаче, я или вы.

Г р о с м а н ь (зѣваетъ). А я хочу спать. Кончай, Этель, и идемъ.

Э т е л ь. Ты только сонъ свой знаешь. Ты вѣдь отецъ. Подожди.

Г р о с м а н ь (насмѣшливо). Я не отецъ...

Р о з е н о в ь. Всѣ эти разговоры, теща, не подвигаютъ дѣла. Пусть Женя скажетъ, что согласна поѣхать домой. Домъ безъ нея, какъ могила. Дѣти плачутъ, страдаютъ. Мнѣ днемъ на улицѣ стыдно показаться. Мы разоряемся. (Къ Ж е н ь) Женя, поѣдемъ домой. Поѣдемъ!..

Ж е н я (колеблется). Я... я не знаю. Мама, что ты скажешь? Нѣтъ, не говори. Я замучилась безъ дѣтей. Бѣдненькія, какъ они живутъ безъ своей мамы. Мама, помоги же мнѣ. (Заплакала)

Э т е л ь (всплакнула). Дѣлай, Женичка, какъ тебѣ сердце подсказываетъ, а я всегда благословляла тебя и теперь благословлю.

Ж е н я (плачетъ). До чего меня довели. Посмотри Яша, мою руку. Я, кажется, останусь калѣкой. (Плачетъ) А если поѣду домой, не начнешь по-старому: Жанна Даркъ, Шарлотта Кордэ?

Р о з е н о в ь. Нѣтъ, нѣтъ, этого больше не будетъ, клянусь тебѣ. Только ты будь благоразумна. Развѣ

тебѣ не все равно, чѣмъ я занимаюсь, если могу откладывать тысячи? Ты наслаждайся, пользуйся своей молодостью. (Умоляетъ) Поѣдемъ, Женичка...

ж е н я. А не будешь больше скупиться?.. Нѣтъ? Знаешь, выбросимъ картины изъ гостиной и купимъ Левитана.

р о з е н о в ъ. Куплю, выброшу,—все что хочешь. Теперь наклеивается у меня такое дѣло, такое дѣло...

г р о с м а н ъ (съ любопытствомъ). Какое?

р о з е н о в ъ (смѣется). Вотъ этого, тесть, не могу вамъ сказать. Развѣ вы рассказываете о своихъ планахъ?

г р о с м а н ъ. Ты правъ. Я никогда не рассказываю о своихъ планахъ.

э т е л ь. Что у тебя хорошая голова, противъ этого никто не спорилъ. Ты весь пошелъ въ свою мать.

ж е н я (стоявшая задумчиво). Ну, ѣдемъ домой. Рѣшила!.. Мама, я счастлива!.. Я увижу своихъ дѣтей. Принеси мнѣ ротонду.

(Этель быстро выходитъ)

ж е н я (вспомнивъ). Ну, а... она?

р о з е н о в ъ (тихо). Выгналъ ее. Конечно, выгналъ. Выгналъ, выгналъ!..

ж е н я. Яша!.. (Обнимаетъ его. Входитъ Этель съ ротондой) Ёдемъ, ѣдемъ. Мама, я прощаю тебѣ, но ты съ нимъ была очень груба. Я едва сдержалась. Вѣдь это мой мужъ.

э т е л ь (пораженная). Что скажешь на свою дочь, Давидъ?

г р о с м а н ъ (тонко улыбается). Ничего не скажу...

р о з е н о в ъ. Прощайте, тесть. На васъ, теща, я еще сержусь, но помиримся, помиримся...

ж е н я. Прощай, папа, прощай, мама. Я такъ счастлива... Ахъ, какъ я счастлива!..

г р о с м а н ъ (равнодушно). Прощайте, дѣти, не ссорьтесь больше.

ЭТЕЛЬ (провожает их до двери). Помиримся. А когда у тебя будет новый сынъ, тогда и расцѣлуемся.

(Всѣ смѣются. Розеновы уходятъ)

ЭТЕЛЬ. Ну, слава Богу, все хорошо кончилось. Но хоть натѣшила свое сердце. Такой мерзавецъ! Однако, пусть будетъ мерзавцемъ, лишь бы она его любила и была съ нимъ счастлива.

ГРОСМАНЪ. Все это пустяки. Я видѣлъ, что они помиряются. Вѣдь оба стоятъ другъ за друга... А если хочешь сказать слава Богу, то слава Богу. Идемъ спать. Скажи слугѣ, чтобы насъ пораньше разбудили. (Задумчиво) Почему Яковъ сказалъ, что хотятъ разнести мельницу?

(Подходить къ окну. Отдаленный шумъ)

ЭТЕЛЬ (останавливается). Гдѣ-то кричать...

ГРОСМАНЪ (у окна). Пусть кричатъ! (Говоритъ въ окно) Шумите рабочіе? (Разсмѣялся) Шумите дѣти, шумите!.. Гросманъ спокойно будетъ спать.

ЭТЕЛЬ (потушила электричество, оставила горячей одну лампочку). Ну и день сегодня. Ты спряталъ ключи отъ кассы?

ГРОСМАНЪ (весело). Спокойной ночи, рабочіе!.. (Грозно) Прощайте, мерзавцы!..

(Гросманъ тушитъ послѣднюю лампочку. Оба безъ шума выходятъ. Входитъ горничная со свѣчей, закрываетъ ставни, разставляетъ стулья по мѣстамъ и выходитъ. Пауза. Возвращается Гросманъ. Онъ въ халатѣ, въ туфляхъ въ рукахъ свѣча. Бродитъ по комнатѣ. Провѣряетъ, заперта ли касса, хорошо ли ставни закрыты. Входитъ Александръ)

ГРОСМАНЪ (испуганно). Кто тамъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Папа...

ГРОСМАНЪ. Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ. Папа...

ГРОСМАНЪ. Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ. Я уйду, но смягчись. Сотни лю-

дей останутся безъ хлѣба, если ты уѣдешь. Надо быть человѣчнымъ. Уступи, я прошу, папа. Папа, они въ отчаяніи. Они готовы на безумство...

ГРОСМАНЪ. Какіе-то люди шляются по ночамъ и не даютъ покоя. Человѣку заснуть нужно, а они стучать, ходять, пугаютъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Зачѣмъ ты притворяешься? Смягчись, смягчись. Они въ отчаяніи...

ГРОСМАНЪ. Какъ-будто здѣсь обыкновенная комната, столовая, передняя, а не кабинетъ, гдѣ моя касса. Развѣ трудно ее разбить ломомъ и забрать деньги. (Тушитъ электрическую лампочку. Съ крикомъ) Кто здѣсь? Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ. Въ первый разъ я почувствовалъ ужасъ отъ мысли, что я твой сынъ...

(Быстро уходитъ. Гросманъ со свѣчой въ рукѣ стоитъ и долго смѣется. Медленно уходитъ. Кабинетъ во мракѣ. Пауза. Входитъ Маша. Зажигаетъ электричество. Она въ бѣломъ платьѣ, на ней ротовда, въ рукѣ дорожная сумка. Садится на кушетку и прислуливается. Входитъ Вайцъ. Озирается. Онъ блѣденъ отъ испуга)

МАША. Наконецъ-то... Вайцъ. Мнѣ показалось, что вы уже не придете.

ВАЙЦЪ (робко). Я долго колебался.

МАША (не слушаетъ его). Какъ тихо, очаровательно!.. Сейчасъ мы выйдемъ отсюда и лошади унесутъ насъ далеко, далеко...

ВАЙЦЪ (несмѣло). Маша!..

МАША. Осмотримъ эту комнату. Въ послѣдній разъ. Вотъ касса. (Останавливается передъ ней) Отсюда исходило наше несчастіе. Мнѣ хочется проклясть ее. Вайцъ, бѣдняки называютъ отца королемъ... Вотъ гнѣздо короля. Желѣзная касса, счеты, письменный столъ... Бѣдные люди!.. Ахъ, Вайцъ, мы-то, мы уѣдемъ отъ этой проклятой власти. Я вѣдохну глубоко. Сейчасъ на улицѣ я скажу торжественно: я человѣкъ!..

В а й ц ь Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово, Маша.

М а ш а (быстро оглядываетъ его). Опять о дѣйствительности? Нѣтъ не говорите о ней. Я умоляю... Какъ страшно думать о дѣйствительности Вайцъ, вы будете сильнымъ, я хочу. Выпрямитесь!.. Почему вы не въ пальто?

В а й ц ь. Милая Маша, не сердитесь на меня, я весь день страдалъ. Мы не можемъ бѣжать.

М а ш а (тихо). Мы не можемъ бѣжать!..

В а й ц ь. Вы не сердитесь и это хорошо. Не могу! Я, Маша, ничего не могъ въ жизни... Я, Маша, всегда остаюсь позади... Я человекъ за флагомъ...

М а ш а (задумчиво). Я это раньше знала. Человекъ за флагомъ. Почему же я пришла? Вайцъ, сказать правду? Я люблю васъ за слабостъ!..

В а й ц ь (грустно). Я хотѣлъ быть сыномъ своего народа, милая Маша, и вотъ я репетиторъ-гувернеръ. Я хотѣть быть гражданиномъ,—вся сила его негодованія бушуетъ во мнѣ, и радость его предчувствій живетъ во мнѣ,—и вотъ я гувернеръ. Маша, для моихъ радостей, для моего утѣшенія осталось одно: Европа!.. Я беру ее. Я остаюсь здѣсь во тьмѣ, среди ужасовъ, но думаю: есть свободная Европа, когда-нибудь она коснется и меня своимъ благословеннымъ крыломъ. Не горюйте, Маша. Вы теряете Вайца, только Вайца!..

М а ш а. Вернусь въ свою комнату и мнѣ будетъ немножко стыдно. Подойдите, я обниму васъ. (Она подходит) Я цѣлуюсь съ гувернеромъ. (Смѣется) Въ послѣдній разъ. Вайцъ. (Въ забытѣ) Завтра мы уѣдемъ. Я увижу Швейцарію. Вайцъ, видите ли вы эти высокія зеленныя горы? Внизу блеститъ озеро... Спускается ночь, спускается ночь... Какъ явственно пахнетъ водою. Вайцъ, мы сидимъ надъ озеромъ!.. Я цѣлуюсь съ гувернеромъ...

В а й ц ь. Милая Маша, позвольте мнѣ сказать вамъ.

Вы плачете, но, можетъ быть, черезъ двадцать лѣтъ вы скажете: Вайцъ поступилъ хорошо.

М А Ш А (смѣясь и плача). И все-таки мнѣ тяжело разстаться съ вами. Вы жалкій, можетъ быть, презрѣнный, но что-то есть хорошее въ вашей душѣ, что-то прекрасное. Ахъ, Вайцъ...

В А Й Ц Ъ. Не плачьте, Маша. Завтра вы проснетесь въ прекрасной Европѣ...

М А Ш А. Я проснусь въ прекрасной Европѣ... А вы? В А Й Ц Ъ. Я? Если бы я былъ ребенкомъ, то сталъ бы молить васъ: Маша возьмите меня отсюда, покажите мнѣ улицу безъ рабовъ... Покажите...

М А Ш А (вдругъ). Такъ не хотите бѣжать со мной?

В А Й Ц Ъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вайцъ? Нѣтъ! Маша, вы увидите Европу, поклонитесь ей отъ Вайца. Поклонитесь каждому памятнику отъ истиннаго гражданина Вайца. Скажите всѣмъ, что я душой съ ними, что я тоскую о нихъ. Обвините перваго встрѣчнаго и скажите: гражданинъ Вайцъ кланяется тебѣ...

М А Ш А. Обвините меня еще разъ. Такъ нѣтъ?.. Нѣтъ!..

В А Й Ц Ъ. Нѣтъ, Маша!..

М А Ш А. Прощайте, Вайцъ.

В А Й Ц Ъ. Прощайте, Маша.

М А Ш А (уходитъ; у дверей). Нѣтъ?..

В А Й Ц Ъ. Нѣтъ, Маша, нѣтъ. (Пауза) Нѣтъ, Маша, нѣтъ...

(Вайцъ и Маша расходятся. Темно. Долгая пауза. Доносится шумъ голосовъ. Во всей квартирѣ нетерпѣливые звонки. Вбѣгаетъ горничная. Быстро раскрываетъ ставни. Видно огромное зарево. Горитъ мельница. Всплеснула руками, убѣжала. Снова голоса. Вбѣгаютъ рабочіе. Всѣ старые, оборванные.—Среди нихъ ни одного молодого... Ропотъ)

С Т А Р Ы Й Р А В О Ч І Й. Гдѣ господинъ Гросманъ, гдѣ господинъ Гросманъ?

Э Т Е Л Ъ (вбѣгаетъ. Увидѣвъ зарево, присѣдаетъ отъ ужаса. Съ

крикомъ и воплемъ) ! Боже мой, Боже мой!.. (Подбѣгаетъ къ окну. Всплеснула руками. Плачетъ) Я же ему говорила: Давидъ, не имѣй дѣло съ этими разбойниками. Не хотѣлъ онъ меня послушать!..

г о л о с а . Мадамъ Гросманъ!.. Хозяйка!.. Я самъ видѣлъ, какъ эти черти подожгли мельницу...

(Ропотъ толпы. Быстро входятъ В а й ц ь и М а ш а)

м а ш а . Что это такое? Мама, пожаръ? (Подбѣгаетъ къ В а й ц у) Вайцъ, это прекрасно!..

в а й ц ь . Какой ужасъ!..

э т е л ь (плачетъ. Къ В а й ц у). Я говорила, я просила мужа: уступи, Давидъ, уступи...

г р о с м а н ь (вбѣгаетъ. Онъ въ ночной ссрочкѣ. Какъ равеный оглядывается. Стѣшная тишина). Что? Пожаръ!.. Что? Мельница!..

(Подбѣгаетъ къ окну и ударомъ кулака раскрываетъ его. Застываетъ въ неподвижности. Тихій ропотъ толпы Отступаетъ на шагъ. Складываетъ руки на груди и смотреть. Заревъ растетъ. Старый рабочий осторожно подходит къ Г р о с м а н у и роботаиво цѣлуетъ его рукави)

г р о с м а н ь (вздрагиваетъ. Оглянулся и тяжелымъ взглядомъ обводитъ рабочихъ. Отрывисто). Что надо?

г о л о с а . Господинъ Гросманъ... Они подожгли! Хозяинъ мы не виноваты. Я самъ видѣлъ. Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ!..

г р о с м а н ь (передразниваетъ). Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ!.. А гдѣ вы были?.. Молчать!.. Мерзавцы, подлецы, скоты, черная сволочь... Гдѣ вы были? Почему допустили?.. Не подкупали васъ, не бѣгали за вами, не заглядывали въ глаза?.. (Умолчавшій ропотъ толпы) Молчать холопы, черви, подонки, черные, голодные, каторжники, ослы... Гросманъ остается Гросманомъ. Онъ смѣется надъ вами... Что онъ потерялъ? Онъ плюетъ на васъ!

(Наступаетъ на нихъ. Тихій ропотъ. Э т е л ь вскрикнула

ГРОСМАНЪ. Молчать! Вы думали, что Гросманъ испугается и скажетъ: сдаюсь! Брете! Гросманъ не сдается! Мерзавцы, Гросманъ не сдается... (Безсмысленно оретъ, топаетъ ногами) Гросманъ!.. Гросманъ!..

В Т Е Л ь (съ крикомъ подбѣгаетъ къ нему). Давидъ, Давидочка!..

Г О Л О С А. Господинъ Гросманъ!.. Хозяинъ... Это молодые черти... Хозяинъ, хозяинъ...

(Ропотъ. Гросманъ продолжаетъ топать ногами и грозить)

З А Н А В Ъ С Ъ .

К О Н Е Ц Ъ .

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06307 4754

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

UNIVERSITY OF MICH

3 9015 06307 4

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

